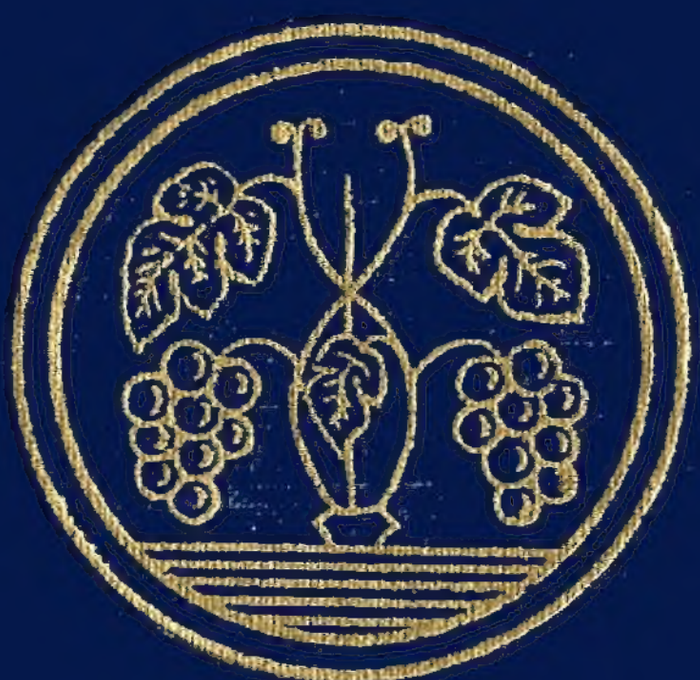
Т3(4Ук)
С-56

ПЕТРЪ СОВА

ПРОШЛОЕ УЖГОРОДА



+

КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шифр Т3(4Чк)(С56 Инв.№ м397999

Автор Сова П.

Название Прошлое Ужгорода.

Место, год издания Ужгород, 1937

Кол-во стр. [4], 312 с.

-"- отд. листов

-"- иллюстраций 17 л. ил.

-"- карт

-"- схем

Том ______ часть ______ вып. ______

Конволют

25.03.93г.

Примечание:

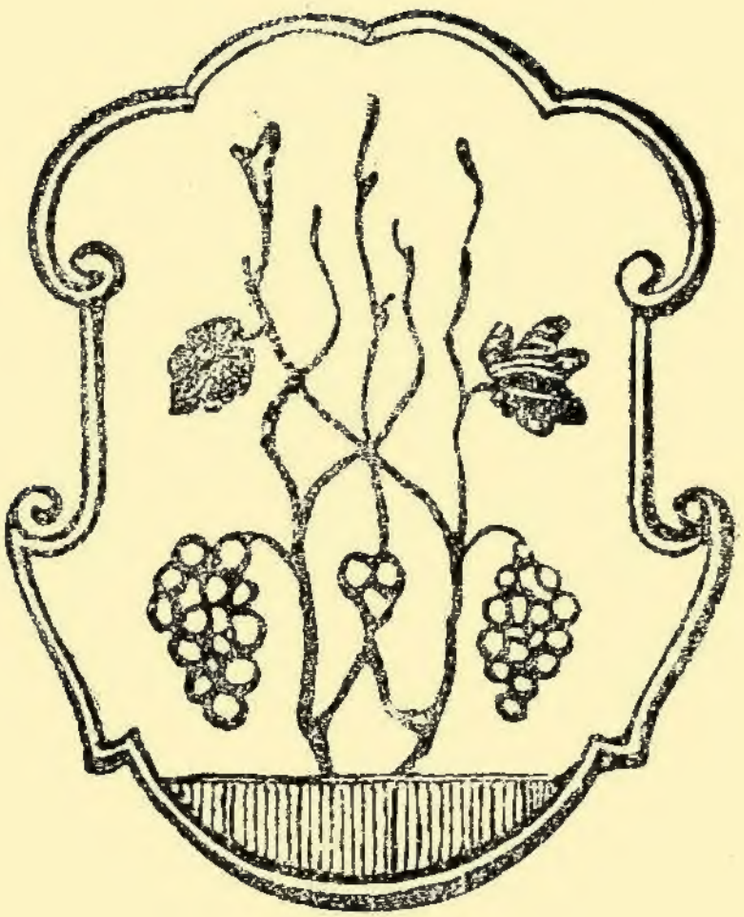
ρ Η Γ

Типографія «Школьной Помощи», Ужгородъ.

ПЕТРЪ СОВА

ПРОШЛОЕ УЖГОРОДА

1937



ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Copyright by autor

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошлое Ужгорода заслуживаетъ особаго вниманія не только какъ столицы автономной Подкарпатской Руси, но и какъ древнѣйшаго селенія нашей области.

Надъ нимъ пронеслись бури цѣлаго тысячелѣтія.

Его можно бы безъ преувеличенія назвать «пращуромъ карпаторусскихъ городовъ». Судьба Ужгорода какимъ то, можно даже сказать роковымъ, образомъ связана съ судьбой всего подкарпаторусскаго народа, который тоже вотъ уже добрую тысячу лѣтъ ведетъ героическій бой за свое національное бытіе.

Ужгородъ постигла та же историческая кривда, что и подкарпаторусскій народъ, взявшій на себя смѣлость перевалить черезъ Карпатскій хребетъ . . .

Въ немъ происходили самыя важныя событія въ исторіи карпаторусскаго народа. — Упадокъ Ужгорода всегда неблагопріятно отражался на судьбѣ русскаго народа подъ Карпатами, а его возвышеніе всегда обозначало для послѣдняго сильный національный подъемъ. Не будетъ поэтому преувеличеніемъ, если предположить, что судьба подкарпаторусскаго племени

будетъ въ значительной степени зависѣть отъ того, сумѣетъ ли оно создать изъ Ужгорода подлинный очагъ своей культурно-національной жизни. —

Принимая во вниманіе столь важную историческую роль Ужгорода, нельзя не удивляться, что его прошлое оставалось до сихъ поръ такъ мало изслѣдованнымъ. — Это являлось тѣмъ болѣе большимъ пробѣломъ, что прошлое Ужгорода охватываетъ значительную часть отечественной исторіи и его изученіе проливаетъ много свѣта въ покрытое густой дымкой, отчасти даже искусственной дымовой завѣсой, — прошлое карпаторусскаго народа, за которымъ до сихъ поръ, въ ущербъ исторической правдѣ, умышленно не признавалась роль историческаго фактора. —

Восполнить, хотя бы отчасти, этотъ чувствительный пробѣлъ является основной цѣлью настоящаго труда, который предназначенъ въ первую очередь для русскихъ читателей, особенно же для молодой подрастающей карпаторусской интеллигенціи. Ввиду этого, для поясненія общей исторической обстановки данной эпохи, пришлось сдѣлать нѣкоторыя отступленія въ область — русскимъ читателямъ мало извѣстную — мадьярской исторіи, на основномъ фонѣ которой и происходили большей частью тѣ событія, изъ которыхъ соткана исторія нашего города и прилегающей къ нему области. —

Настоящимъ очеркомъ не вскрыты, конечно, всѣ фазы прошлаго Ужгорода. Это объясняется

прежде всего скудостью и отчасти недоступностью источниковъ. Нужно, однако, полагать, что пробѣлы и недочеты предлагаемаго очерка будутъ впослѣдствіи, по мѣрѣ обнаруженія соотвѣтствующихъ историческихъ матеріаловъ, восполнены.

Въ заключеніе своимъ пріятнымъ долгомъ считаю принести, за оказанную мнѣ поддержку, благодарность Земскому Управленію Подкарпатской Руси въ Ужгородѣ, Управѣ города Ужгорода, издательству «Русскаго Народнаго Голоса», Обществу «Школьная Помощь» въ Ужгородѣ, Управленію земскаго архива въ Ужгородѣ, моимъ сотрудникамъ по Городской управѣ и всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе способствовалъ моему начинанію.

Авторъ.

I. НАЗВАНІЕ ГОРОДА.

Древнѣйшимъ названіемъ Ужгорода слѣдуетъ считать пока **Унгоградъ.** Съ нимъ встрѣчаемся — по словамъ Карла Месароша — у извѣстнаго средне-вѣкового лѣтописца Луитпранда, епископа Кремонскаго,[1]) который въ своемъ трудѣ: «Luitprandus Episcopus Cremonensis: Libri sex historiarum de rebus suo tempore in Europa gestis. Ab anno 891—916. Editio Ruberiana, якобы пишетъ про Ужгородъ слѣдующее: «Ungogradus, propugnaculum validum slavorum caravantium, nomen sortitum ab amne Ung, quod idiomate slavico denotat celerem».

По русски это значитъ: «Ужгородъ — сильная крѣпость славянъ Каравантскихъ (Карпатскихъ?), названіе сіе происходитъ отъ рѣки Унгъ, что на славянскомъ языкѣ обозначаетъ быстрый».

Достовѣрность приводимаго текста нуждается, однако, еще тѣмъ болѣе въ провѣркѣ, что слово «унгъ», кажется, ни въ одномъ славянскомъ языкѣ не обозначаетъ «быстрый».

Безымянный мадьярскій лѣтописецъ XII.

---

[1]) Mészáros Károly. — Ungvár története.

вѣка Анонимъ (Anonymus) писарь венгерскаго короля Белы (II. или III.), употребляетъ въ своей лѣтописи «Gesta Hungarorum» троякое названіе, а именно: «Castrum Hung», «Hungu», «Hunguar» (Hungvar).

Названія эти, имѣя въ основѣ общій корень, однако, другъ отъ друга существенно не отличаются. Въ свою очередь не отличается отъ нихъ также римское якобы названіе города Castrum Ungh, приводимое И. М. Контратовичемъ безъ указанія, однако, источника. Въ историческихъ документахъ городъ называется обыкновенно Unghvár или Ungvár. Это названіе было общеупотребительно въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія за все время мадьярскаго владычества, до самаго развала Австро-Венгріи.

Кромѣ вышеуказанныхъ извѣстны еще нѣсколько видоизмѣненій, какъ «Castrum Hungwar», «Hunguvár»», «Castrum Ung».

Не подлежитъ сомѣнію, что всѣ вышеуказанныя названія и ихъ орфографическія видоизмѣненія произошли отъ протекающей черезъ городъ рѣки Ужа, называемаго по-мадьярски Унгъ (Ung) или по мѣстному мадьярскому простонарѣчью Онгъ (Ong).

Названіе рѣки Ужа имѣетъ тоже нѣсколько видоизмѣненій, изъ коихъ у лѣтописца Кезаи встрѣчаются «Hung», «Vng», «Ung».

По Мелиху въ разныхъ историческихъ до-

кументахъ встрѣчаются еще слѣдующія видоизмѣненія: «Vngh», «Wngh» «Vngvize». [1])

Названіе Унгъ или Онгъ, ввиду заключающейся въ нихъ носовки, не является мадьярскаго происхожденія, ни даже восточно-славянскаго (сѣверо-славянскаго), а старо-болгарскаго, руссифицированнымъ видоизмѣненіемъ котораго слѣдуетъ считать карпаторусское простонародное названіе рѣки Ужа — Угъ (Uh) или Вугъ (Vuh), лишенное носовки.

Въ мадьярскомъ же языкѣ заимствованное первоначальное староболгарское названіе, не имѣвшее въ немъ никакого значенія, никакимъ измѣненіямъ не подвергалось, т. е. сохранило первоначальную носовку, какъ много иныхъ, заимствованныхъ у славянъ словъ.

Уменьшительнымъ слова Угъ является Ужокъ. Воспроизводя изъ слова Ужокъ какъ deminutivum'a, обратно его первоначальную исходную форму (какъ на пр., лужокъ < лугъ; мужикъ < мужъ) можно легко ошибиться и за первоначальную форму уменьшительнаго Ужка принять вмѣсто формы Угъ (Uh) въ современномъ языкѣ не имѣющей никакого значенія, форму Ужъ, обозначающую видъ змѣи, уменьшительнымъ которой отнюдь не является Ужокъ, но ужикъ. Воспроизведши путемъ неправильной дедукціи самовольно изъ производнаго Ужка якобы его первоначальную форму Ужъ, немудрено было уподобить

[1]) Мелихъ: A magyar nyelvtudomány kézikönyve 1929. т. 1. стр. 1925—128.

извилистую рѣку змѣѣ, называемой ужемъ, что якобы и оправдывало это по существу ошибочное названіе.

Результатомъ сего неправильнаго обратнаго словопроизводнаго процесса явилось названіе Ужъ, замѣнившее въ наше время первоначальное и филологически правильное названіе Угъ, являющееся ничѣмъ инымъ, какъ русскимъ видоизмѣненіемъ староболгарскаго Унга (Онга), изъ котораго выпала чуждая русскому языку носовка. Названіе Ужъ, не смотря на свою этимологическую неправильность, окончательно привилось и стало нынѣ общепринятымъ и общеупотребительнымъ не только въ русскомъ, но отчасти и чешскомъ литературномъ языкѣ. Въ словацкомъ же языкѣ сохранилось и употребляется первоначальное мѣстное простонародное названіе Угъ (Uh) (пр. Павловцы надъ Угомъ — Pavlovce nad Uhom).

Возможно, однако, что названіе «Ужгородъ» возникло просто отъ сложенія простонароднаго названія рѣчи «Угъ» и нарицательнаго «городъ», при чемъ первое г. превратилось въ силу фонетическихъ правилъ въ ж, примѣрно такъ: Уг-городъ — Уж-городъ.

Современное названіе Ужгородъ стало общепринятымъ и при томъ официальнымъ и обязательнымъ только послѣ развала Австро-Венгріи и присоединенія Подкарпатской Руси къ Чехословацкой Республикѣ. Названіе это навряд ли старше 100 лѣтъ. Его происхожде-

ніе и точное время его возникновенія пока не было установлено. Впервые встрѣчается въ началѣ второй половины XIX. вѣка во время абсолютизма, послѣдовавшаго послѣ усмиренія мадьярскаго возстанія 1848/49 гг., подавленнаго при помощи русскихъ войскъ. Названіе это употреблялось, однако, только въ замкнутомъ кругу карпаторусской интеллигенціи. Въ концѣ прошлаго столѣтія карпаторусскій поэтъ Евгеній Фенцикъ посвятилъ городу стихотвореніе подъ заглавіемъ «Ужгородъ».

Названіе Ужгородъ слѣдуетъ считать простымъ, да къ тому еще не совсѣмъ вѣрнымъ переводомъ мадьярскаго названія Унгваръ (Ungvár), сложеннаго изъ двухъ частей, изъ коихъ первая, какъ уже было указано выше, есть названіемъ рѣки, а вторая есть нарицательное, которое по-русски обозначаетъ—замокъ, кремль или градъ, но ни въ коимъ случаѣ не городъ.

Шафарикъ въ своихъ сочиненіяхъ Ужгородъ называетъ Угваромъ (Uhvár). На чемъ основывалось это послѣднее видоизмѣненіе названія Ужгорода, впрочемъ непривившееся ни въ какомъ языкѣ, остается пока невыясненымъ.

Всѣ вышеприведенныя названья города и ихъ видоизмѣненія происходятъ отъ рѣки, протекающей городомъ, называемой то Онгомъ, то Унгомъ, а въ наше время Ужемъ. Слѣдуетъ однако при семъ отмѣтитъ, что су-

ществуетъ кромѣ того мѣстное простонародное названіе Ужанка.

Славянскіе языковѣды считаютъ названіе рѣки Ужа болгаро-славянскаго происхожденія и производятъ его то отъ слова уголь (oglь), то отъ слова уголъ (ogъlъ; latin. — Angulus) а даже отъ слова узокъ (ozkъ), имѣя ввиду узкую долину (ущеліе) рѣки Ужа.

Мадьярскіе историки и языковѣды во главѣ съ Ив. Мелихомъ считаютъ имя Унгъ турко-болгарскаго происхожденія, основывая свое утвержденіе на томъ, что въ турко-татарскихъ языкахъ ung, unga или ong обозначаетъ: «правый». (-lat-dexter).

Споръ этотъ пока еще нельзя считать окончательно разрѣшеннымъ.

II. ВОЗНИКНОВЕНІЕ УЖГОРОДА.

Начало Ужгорода, надъ которымъ пронеслись бури цѣлаго тысячелѣтія, теряется въ туманѣ доисторическихъ временъ. Находки въ Цыгановцахъ, Холмцѣ и другихъ селахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что окрестности Ужгорода были обитаемы уже во времена бронзоваго вѣка. Ко времени пришествія мадьяръ Ужгородъ былъ столицей князя Лаборца и по безымянному мадьярскому лѣтописцу XII. столѣтія Anonymus'у былъ первой крѣпостью, взятой ими, якобы даже безъ боя, послѣ ихъ вторженія въ поискахъ новаго отечества на придунайскую равнину въ концѣ IX. столѣтія п. Р. Х.

Вотъ какъ описываетъ Безымянный лѣтописецъ это важное историческое событіе, давшее возможность укрѣпиться мадьярамъ въ придунайской котловинѣ, въ своей хроникѣ «Gesta Hungarorum»:

«... facti sunt solito, et ad castram Hung equitauerunt, ut caperent eum, Et dum castra metati essent circa murum, Tunc comes eiusdem castri nomine Loborcy, qui in lingua eorum duca vocabatur, fuga lapsus ad castrum Zemlum properabat. Quem milites ducis persequentes iuxta quendam fluvium comprehendentes, laqueo suspenderunt in eodem loco. Et a die illo fluvium illum vocaverunt sub nomine eiusdem Loborcy. Tunc dux Almus et sui castrum Hung subintrantes, diis inmortalibus magnas victimas fecerunt et convivia per IIII-or dies celebraverunt. Quarto autem die inito consilio et accepto iuramento omnium suorum, dux Almus, ipso vivente, filium suum Arpadium ducem ac preceptorem constituit. Et vocatus est Arpad dux Hunguarie, et ab Hungu omnes sui milites vocati sunt Hunguari secundum linguam alienigenarum, et illa vocatio usque ad presens durat per totum mundum.»

Въ русскомъ переводѣ это значитъ::

«... обрадовавшись болѣе обыкновеннаго, подъѣхали подъ градъ Гунгъ, дабы добыть его. Какъ только расположились лагеремъ вокругъ огражденій, начальникъ крѣпости Лаборци, котораго называли на своемъ языкѣ дукой, бѣжалъ въ крѣпость Землинъ, будучи

преслѣдованнымъ ратниками князя, которые поймавъ его возлѣ одной рѣки, на мѣстѣ повѣсили и съ того дня рѣка эта понесла имя Лаборца. Тогда князь Алмусъ и его люди, войдя въ крѣпость, принесли безсмертнымъ богамъ великія жертвы и пировали четыре дня. Четвертый день князь Аламусъ созвалъ совѣтъ и принявъ присягу отъ всѣхъ своихъ людей, установилъ своего сына Арпада еще при своей жизни княземъ и повелителемъ. И сталъ называться Арпадъ на языкѣ инородцевъ княземъ Гунгваріи, а его воины отъ Гунга гунгварами, и названіе сіе сохранилось во всемъ мірѣ по настоящій день».

Заключеніе Анонимуса относительно происхожденія латинскаго названія Венгріи отъ Гунгвара слѣдуетъ однако считать, какъ и большинство его подобнаго рода выводовъ, которыми изобилуетъ его хроника, ошибочнымъ и необоснованнымъ, которое было отвергнуто уже въ началѣ XVIII. столѣтія Самуиломъ Тимономъ, писавшимъ по сему поводу: «Illi quoque vehementer errant, qui ab Ungvaro oppidulo Ungariam dictam reunt. Hoc enim oppidulum ab amne Ungo nomen accepit, unde regio non ungváriensis, sed ungensis dicitur», что по-русски значитъ: «Тѣ, кто предполагаетъ, что Венгрія получила свое названіе отъ мѣстечка Унгвара, однако, жестоко ошибаются и т. д.»[1]).

Ужгородская крѣпость послужила мадья-

[1]) Imago Novae Hungariae. (Cassoviae 1734).

Листъ изъ хроники „Gesta Hungarorum",
относящійся къ Ужгороду.

Ужгородскій замокъ.

Развалины замка въ Невицкомъ.

рамъ опорнымъ пунктомъ, откуда они постепенно распространяли свою власть на всю придунайскую равнину и, завоевавъ ее, врѣзались клиномъ между сѣверными и южными славянами. Разъединивъ такимъ образомъ славянъ, они дали перевѣсъ германцамъ надъ славянами и тѣмъ самымъ дали всей міровой исторіи совершенно иное направленіе, чѣмъ она могла принять, точнѣе должна была принять, еслибы славяне остались компактной массой, при чемъ сами мадьяры чуть ли не были поглощены напиравшими, и до сихъ поръ напирающими, на Востокъ нѣмцами.

Этотъ роковой для славянства завоевательный процессъ Безымянный описываетъ въ 14. главѣ своей хроники слѣдующимъ образомъ:

14. Anno dominice incarnationis DCCCC-o. III-o. Arpad dux missis exercitibus suis totam terram, qua est inter Thisciam et Budrug usque ad Ugosam, sibi cum omnibus habitatoribus suis preoccupavit, et castrum Borsoa obsedit, et tercio die pugnando apprehendit, muros eius destruxit, et milites Salani ducis, quos ibi invenit, cathenis ligatos in castrum Hung duci precepit. Et dum ibi per plures dies habitassent, dux et sui vindentes fertilitatem terrae, et habundantiam omnium bestiarum et copiam piscium de fluminibus Thiscie et Budrug, terram ultra quam dici potest dux Arpad et sui dilexerunt. Tandem vero dum hec omnia, que acta fuerant, dux Salanus a suis fuga lapsis audivisset, ma-

num levare ausus non fuit. Sed missis legatis suis more bulcarico, ut mos est eorum, minarj cepit, et Arpadium ducem Hungarie quasi deridendo salutavit, et suos pro risu hunguaros appellavit, et multis modis mirari cepit qui essent et unde venissent, qui talia ausi facere fuissent.

По-русски: «Въ 903 г. послѣ Рождества Христова выслалъ князь Арпадъ свои войска, забралъ всю землю, лежащую между Тиссой и Бодрогомъ до Угочи вмѣстѣ со всѣми обывателями, осадилъ крѣпость Боржову, которую на 3-ій день занялъ, разрушилъ муры, и ратниковъ князя Салана, которыхъ тамъ нашелъ, приказалъ въ цѣпяхъ отвести въ крѣпость Гунгъ. Когда уже здѣсь больше дней пробыли, князь и его люди видя урожайность земли, достатокъ всякихъ звѣрей и обиліе рыбъ въ Тиссѣ и Бодрогѣ, князю Арпаду и его людямъ чрезвычайно понравилась земля. Наконецъ уже, когда отъ своихъ бѣжавшихъ людей обо всемъ случившемся узналъ князь Саланъ, не осмѣлился и руки поднять, выслалъ только своихъ пословъ, — по болгарскому способу, какъ это было у нихъ въ обычаѣ, — угрожалъ и насмѣшливо величалъ Арпада Княземъ Гунгаріи, а его людей насмѣшливо гунгварами и удивлялся, кто они и откуда приходятъ, что посмѣли сіе сдѣлать...»

Если принять во вниманіе, что исторія ближайшихъ столѣтій будетъ проходить подъ знакомъ жестокой борьбы славянства съ гер-

манствомъ, то въ взятіи Ужгорода мадьярами нельзя не видѣть крупное историческое событіе.

Другой лѣтописецъ, Симеонъ Кезаи, придворный духовникъ и писарь венгерскаго короля Владислава IV, въ своей хроникѣ, появившейся въ 1282 г., пишетъ, что мадьяры въ 872 году поселились у рѣки Унга, гдѣ построили крѣпость Унгваръ. Съ этимъ утвержденіемъ, однако, весьма трудно согласиться, ибо мадьярамъ, какъ народу кочевому, строительство было технически не подъ силу и по укладу жизни вообще чуждо. Кочевой укладъ жизни бывшихъ степняковъ мадьяры сохранили даже спустя 250—300 лѣтъ послѣ своего переселенія изъ южно-русскихъ степей черезъ Русскія Ворота (Веречанскій перевалъ) въ придунайскую котловину, когда уже въ сущности стали народомъ осѣдлымъ. Отто, епископъ фреисингенскій, объѣхавшій Венгрію въ 1147 году, пишетъ, что мадьярскіе города и села состоятъ преимущественно изъ жалкихъ мазанокъ, главнымъ образомъ изъ тростника, въ которыхъ мадьяры только зимуютъ, проводя остальное время года въ шатрахъ[1]).

Вышеприведенныхъ лѣтописцевъ многіе считаютъ не вполнѣ заслуживающими довѣрія сочинителями. Несмотря на это, существованіе Ужгорода въ XII. столѣтіи все-же

[1]) Фридрихъ Пешти: „A várispánságok története“ 138 стр.

слѣдуетъ считать неоспоримымъ фактомъ. Нельзя вѣдь предполагать, чтобы Безымянному могли быть заранѣе извѣстны названія городовъ, въ его время еще не существовавшихъ и возникшихъ только впослѣдствіи.

Въ сущности кромѣ скептицизма нѣкоторыхъ скрупулезныхъ историковъ не имѣемъ никакого пріемлемаго основанія сомнѣваться въ существованіи Ужгорода до нашествія мадьяръ, утверждаемомъ Анонимусомъ, котораго слѣдуетъ считать по тогдашнему времени высококультурнымъ и смышленнымъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ своими географическими и мѣстными топографическими познаніями онъ далеко опередилъ своихъ современниковъ. — Мадьяръ онъ напримѣръ, выводитъ изъ далекой Суздальской области, гдѣ и теперь продолжаютъ существовать маленькими островками въ русскомъ морѣ остатки финнскихъ народовъ, бывшихъ когда-то хозяевами сѣвера Россіи. — Потомъ ихъ ведетъ на югъ къ Кіеву, а оттуда черезъ Карпаты къ Ужгороду. Въ этомъ нѣтъ ничего фантастичнаго. Наоборотъ все ясно, логично и при томъ весьма правдоподобно.

Нѣкоторые историки, хотя и не отрицаютъ существованіе Ужгорода въ домадьярскую эпоху, считаютъ, однако, что первоначальная ужгородская крѣпость находилась не на нынѣшнемъ мѣстѣ.

Ириней Кондратовичъ категорически утверждаетъ, что «старая крѣпость Ужгорода

находилась въ Арпадовыхъ временахъ не тамъ, гдѣ она теперь, но далеко пониже на югъ, тамъ, гдѣ рѣка Угъ сливается съ рѣками Цибавкою, Черною, Собранецкою и Лаборцемъ, «повыше села Дрягнева, въ углу этихъ водъ». При томъ ссылается на мнѣніе Д-ра Ядора Стрипскаго[1]).

На этомъ онъ, однако, не останавливается и въ своихъ выводахъ въ этомъ направленіи идетъ дальше. — По его мнѣнію древній Ужгородъ тождественъ съ упоминаемыми въ древнихъ грамотахъ Грагиссой (Gragissa) и Арадомъ (Orod < Horod), находившимися въ окрестности того же Дрягнева, — лежащаго у сліянія Ужа съ Лаборцемъ въ 25—30 километрахъ западнѣе Ужгорода. — Ссылаясь на Ю. Паулера, онъ утверждаетъ, что селеніе Арадъ, гдѣ происходила въ 1132 году кровавая земская дума, лежало возлѣ села Ижковецъ (Iske), сосѣдящаго съ Дрягневомъ. На той думѣ земской сторонники мадьярскаго короля Белы Слѣпого (II), подстрекаемые королевой Еленой, дочерью сербскаго короля Уроша, истребили приверженцевъ королевича Бориса, внука кіевскаго великаго князя Владимира Мономаха, заявившаго свои претензіи на мадьярскій престолъ. Это была своего рода мадьярская Варѳоломеевская ночь. Не оспаривая правдивости утвержденія Паулера, все же нельзя согласиться съ тѣмъ,

---

[1]) Ир. М. Контратовичъ — Къ исторіи стародавнаго Ужгорода — 8.

что Арадъ, якобы, тождествененъ съ древнимъ Ужгородомъ

Невозможно вѣдь допустить, чтобы одно и то-же селеніе въ одну и ту-же эпоху (XII в.) носило двоякое названіе, т. е. и Арадъ и Унгваръ, тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы Анонимусъ, который прекрасно зналъ тогдашнюю Венгрію могъ изъ несуществовавшаго уже въ его время названія Гунгваръ дѣлать какіе либо выводы.

По тѣмъ-же самымъ причинамъ не можетъ быть тождественна съ древнимъ Ужгородомъ и упоминаемая въ жалованной грамотѣ Владислава IV. съ 1285 г. Gradissa (Градище). — Все это не исключаетъ, однако, существованіе тамъ-же другой крѣпости, воспоминаніе о которой осталось въ мѣстномъ названіи „Várdomb," что по-русски значитъ «Замковый холмъ», который лежитъ на лѣвомъ берегу Ужа у его впаденія въ Лаборецъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что если и допустимъ предположеніе, что древній Ужгородъ лежалъ не на настоящемъ своемъ мѣстѣ, то и въ томъ случаѣ его первоначальное мѣсторасположеніе нужно искать не въ окрестностяхъ Дрягнева, а въ другомъ мѣстѣ уже по той простой причинѣ, что нѣтъ никакого доказательства, что тысячу лѣтъ тому назадъ рѣка Ужъ, отъ которой по всей видимости Ужгородъ получилъ свое названіе, впадала въ Лаборецъ на томъ-же при-

близительно мѣстѣ, что и въ наше время, т. е. у села Дрягнева.

Уже поверхностное изслѣдованіе равнины у подножія Карпатъ, бывшей когда-то дномъ моря или громаднаго соленаго озера, заполнявшаго всю теперешнюю дунайскую впадину, убѣждаетъ насъ въ томъ, что за истекшихъ тысячу лѣтъ рѣка Ужъ, мѣняя постоянно свое русло, избороздила все пространство между Чопомъ и Дрягневомъ, заполнивъ и заровнявъ его своими наносами. — Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно даже взглянуть только на военную, такъ наз. спеціальную карту[1]).которая наглядно показываетъ, какъ изрѣзано это пространство многочисленными мертвыми руслами. по-мадьярски называемыми morotva-ми (отъ слова мертвъ), въ которыхъ когда-то текла рѣка Ужъ, а потомъ ихъ оставила, прорывъ себѣ новое русло. По этой-же картѣ можно, напримѣръ, установить, что рѣка Ужъ въ одно время текла въ направленіи Радванка — Малыя Геёвцы, гдѣ сливалась съ Латорицей. Въ указанномъ направленіи тянется нѣсколько мертвыхъ руселъ. Изъ нихъ одно до сихъ поръ носитъ названіе: «потокъ Онгъ», сохраняя такимъ образомъ память о протекавшей тамъ когда-то рѣкѣ Ужѣ, оставившей послѣ себя слѣдъ въ видѣ мертваго русла, на днѣ котораго нынѣ еле-еле просачивается маленькій ручеекъ, который лѣтомъ навѣрное вы-

[1]) Ужгородъ 4568.

сыхаетъ. Въ XVII. столѣтіи это было главное русло рѣки. которая была въ 1684 г., т. е. 250 лѣтъ тому назадъ Сигизмундомъ Другетомъ, тогдашнимъ властелиномъ Ужгорода, искусственно отведена въ направленіи Евра-Дермы, — о чемъ имѣются также письменныя доказательства[1]). Иванъ Горватъ въ монографіи Ужанскаго Комитата пишетъ объ этомъ, ссылаясь на описаніе современника, тогдашняго жупнаго инженера Планцкнера, слѣдующее:

«Старая рѣка Ужъ первоначально протекала по восточной сторонѣ, восточнѣе богословскаго воспиталища (замка) возлѣ Радванки въ южномъ направленіи по серединѣ села Дравцы, откуда сворачивала на юго-западъ, и пересѣкая Баранинцы, протекала къ бывшей въ то время еще въ Долго-польскомъ катастрѣ мельницы Фекетэ и къ такъ называемому Воровскому Ряду (Tolvajsor) откуда черезъ Долгое Поле текла въ южномъ направленіи къ мало-геёвской мельницѣ, послѣ чего впадала въ Латорицу»[2]).

Какъ видимъ, 250 лѣтъ тому назадъ даже не въ ту рѣку впадалъ Ужъ, что въ наше время, при чемъ разстояніе между сегодняшнимъ его устьемъ и тогдашнимъ въ воздушной линіи не меньше 30 клм.

Это подтверждается также данными, при-

[1]) Mészáros K. — Ungvár tört 11..

[2]) Horvath J. — „Ungmegye Monográphiája“ Ungvár 1872 II. 98.

веденными въ урбаріальной переписи ужгородскаго помѣстья 1631 г., въ которой перечислены также помѣщичьи земли, лежащія въ Горянахъ, отдаленныхъ нынѣ отъ рѣки на 2½—3 клм. — Въ упомянутомъ спискѣ указано, что на берегу рѣки имѣется 19 штукъ помѣщичьихъ пахотныхъ земель, далѣе по сю сторону воды (рѣки) возлѣ Корытнянской дороги 7 штукъ, а по ту сторону рѣки, на берегу, 33 штуки[1]) Сегодня же въ Горянахъ, кромѣ мертваго русла Ужа, какъ извѣстно, никакой рѣки не имѣется.

Между прочимъ мертвый рукавъ «Ортовъ», который тянется отъ села Баяны въ направленіи Черное Поле — Капушаны Великія — Чичеровцы, послѣ чего впадаетъ въ Латорицу. есть ничѣмъ инымъ, какъ старымъ русломъ Ужа.

Согласно историческихъ документовъ въ 1276 году Ужъ протекалъ западнѣе села Чепеля (предмѣстья В. Капушанъ), лежавшаго между рѣкой Ужомъ и существующимъ понынѣ селомъ Мочаръ[2]).

Какъ видимъ, рѣка Ужъ на равнинѣ постоянно мѣняла свое теченіе и поэтому строить въ связи съ ней, особенно же съ ея устьемъ, какія-либо гипотезы, есть дѣломъ тѣмъ болѣе весьма шаткимъ, что самъ Лаборецъ на протяженіи вѣковъ ужъ навѣрное тоже не разъ мѣнялъ свое русло.

[1]) Д-ръ А. Годинка — Adalékok. Ungvár történeté- 9 стр.

[2]) Фр. Пешти — Várispánságok története. — 524 стр.

Противъ предположенія, что древній Ужгородъ лежалъ въ углу (angulus — ong), образуемомъ рѣками Ужомъ и Лаборцемъ при ихъ сліяніи, говоритъ, между прочимъ и то обстоятельство, что мѣстность эта тысячу лѣтъ тому назадъ представляла собой въ полномъ смыслѣ слова непроходимые джунгли. — Несмотря на проводимую здѣсь вѣками регуляцію рѣкъ, она и въ наше время очень страдаетъ отъ частыхъ наводненій, а въ весеннее половодье представляетъ собой сплошное море. — Много тамъ еще и сегодня болотъ, хотя все пространство между Ужгородомъ и Земплиномъ изрѣзано вдоль и поперекъ несмѣтнымъ количествомъ осушительныхъ канавъ и каналовъ, о которыхъ тысячу лѣтъ тому назадъ, конечно, и помину не было. Надъ мѣстностью этой круто, почти отвѣсно, повисли послѣдніе отроги Карпатъ, достигающія здѣсь высоты въ 1000 и больше метровъ. Отроги эти переходятъ въ равнину не постепенно, а стремительно оразу, вслѣдствіе чего между равниной и горами получилась громадная высотная разница чутьли не въ 1000 метровъ.

Для наглядности достаточно указать, что вершина, называемая Выгорлякомъ, достигаетъ высоты 1074 м., а равнина у ея подножія имѣетъ высоту надъ уровнемъ моря не больше 110 м. Не удивительно поэтому, что устремившіяся на равнину съ такихъ значительныхъ высотъ воды, не находя себѣ до-

статочнаго на ней оттока, разливаются, образуя болота, что сказывается также въ мѣстныхъ названіяхъ, какъ Болотная Поляна, Болотное Ревище, Болотныя Реметы. Островъ, Болотная Вода и т. д.

По такой мѣстности, при полномъ бездорожьи, передвиженіе большихъ народныхъ массъ было немыслимо, поэтому древній Ужгородъ, къ которому по словамъ Анонимуса, мадьяры подъѣхали со всей своей многочисленной ордой, долженъ былъ лежать съ комуникаціонной точки зрѣнія на болѣе доступномъ мѣстѣ.

Возникновенью предположенія, будто бы древній Ужгородъ лежалъ въ низовьяхъ Ужа у его впаденія въ Лаборецъ, кромѣ заключеній Паулера относительно Арадской земской думы, положившей конецъ русскому вліянію на дѣла венгерскія, немало способствовалъ самъ Анонимусъ. Разъ по его словамъ князь Лаборецъ спасался изъ ужгородскаго замка въ Земплинъ бѣгствомъ черезъ Лаборецъ, то многимъ казалось неоспоримымъ фактомъ, что Ужгородъ долженъ былъ находиться гдѣ то поблизости рѣки Лаборца и не очень ужъ далеко отъ Земплина.

Больше всего способствовалъ этому, однако, навѣрное неправильный переводъ дарственной грамоты королевича (младшаго короля) Стефана съ 1265 г. о пожалованіи сыновьямъ нѣкоего Михаила земли Грагиссы, принадлежавшей ужгородскому замку, кото-

рая лежала возлѣ ихъ наслѣдственной земли, называвшейся Беешъ. Неправильный переводъ или толкованье латинскаго оригинала: „Castri nostri de Ungh iuxta terram hereditariam eorumdem Bees vocatam existentem . . .“ ввели многихъ въ заблужденіе, что якобы ужгородскій замокъ лежалъ возлѣ села Беешъ (сосѣдящаго нынѣ съ селомъ Ваяны), а не земля Грагисса[1]).

Николай Мочари полагаетъ, что древній Ужгородъ уже по той причинѣ не могъ находиться на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, ибо мѣсто это въ дотатарскую эпоху находилось внѣ границъ Венгріи, которая въ то время обведена была засѣками, охраняемыми пограничной стражей, состоявшей изъ спеціальныхъ поселенцевъ. Какъ линію заставы обозначаетъ Пустое Поле — Финцицы (у Пряшева, гдѣ возвышаются вершины «Лѣсистый Стражъ» и ««Лысый Стражъ»), — Дарговъ — Стражское — Ясеневъ — Тибава — Вышнее Нѣмецкое — Іовра — Дравцы — Середнее — Верецки — Густъ[2]).

Мнѣніе это, однако, не есть его собственное. Оно всецѣло заимствовано имъ у Антона Годинки, который собственно и установилъ вышеприведенную оборонительную линію, въ которую Іовру и Дравцы включаетъ не на основаніи историческихъ документовъ,

[1]) Wenzel-Árpk. Uj okirat. III. 4-122.
[2]) Ungmegyei Századok 1910 стр .4, 16 и 65.

а только ввиду ихъ названій[1]). Такъ Іовра по-мадьярски называется Őr, что по-русски обозначаетъ сторожъ — а Дравцы по-латыни Сокольники (Draucones) .Отсюда Годинка дѣлаетъ заключеніе, что засѣка проходила у Іовры и Дравецъ, лежащихъ на равнинѣ въ 5—6 клм. отъ подножія Карпатъ, т. е. отъ ужгородскаго замка, гдѣ и судя по названію, находилась стража и жили королевскіе сокольники.

Въ засѣчной линіи на торговыхъ путяхъ, по которымъ велась заграничная торговля, были ворота. Память о нихъ сохранилось до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ. Такъ возлѣ Финцицъ, надъ которыми возвышается вершина «Стражъ», служившая наблюдательнымъ пунктомъ, имѣется селеніе Капушаны, которыя лежатъ на торговомъ пути Бардовъ — Перемышль. — Здѣсь, судя по названію должны были быть ворота, такъ какъ слово кари, отъ котораго, навѣрное, произошло названіе Капушаны по-русски значитъ ворота. Подобныя ворота, называвшіеся «Русскими», были на червонно-русско-мадьярской границѣ у Верецкихъ (Верецокъ), первоначальное названіе которыхъ, пока не было инородцами перекручено, должно быть было Воротскіе.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что засѣчная линія, иными словами граница Венгріи

[1]) Hodinka. A munkácsi gk. püspökség története. стр. 65-7 5.

временъ Арпадовичей, на сѣверо-востокѣ только въ двухъ мѣстахъ достигала главнаго хребта Карпатъ, который издавна служилъ границей между государственными образованіями дунайской впадины и Червонной Русью, а послѣ ея паденія Польшей и Австріей. На западѣ это было у Пустого Поля (Шариш. жупы), а на востокѣ у Верецкихъ (Бережск. жупа). Границы Венгріи, Червонной Руси и Польши сходились у Сольнограда — «Castrum salis, ibique inter Ungaris, Ruthenos et Polonos finem dabant»[1]). Удивительнѣе всего, однако, что въ окрестностяхъ Ужгорода засѣчная линія еле достигала подножья Карпатъ.

Особое вниманіе заслуживаетъ то обстоятельство, что граница древней Венгріи въ теченіе многихъ вѣковъ совпадала съ русской этнографической границей. Тутъ поневолѣ напрашивается вопросъ, что мѣшало мадьярской государственности продвинуться и въ нашей области до Карпатскаго водораздѣла. Во всякомъ случаѣ не природныя препятствія, которыя здѣсь были не больше, а даже меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Словакіи или Семиградѣ. — Скорѣе всего мѣшало этому наличіе другой государственности, а именно Червонорусской (Перемышльскаго княжества?), сосѣдившей съ Венгріей въ теченіе $4^1/_2$ вѣка. — Только послѣ захвата поляками Галицкаго королевства и его удѣльныхъ частей

[1]) Петровъ — Древнѣйшія грамоты — 10.

(1340 г.), подпадаетъ эта внѣзасѣчная территорія, какъ земля ничья, окончательно подъ мадьярскую власть.

Про Ужгородъ Годинка говоритъ, что въ относительныхъ историческихъ документахъ въ связи съ засѣками не упоминается. Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что Ужгородъ въ оное время вовсе не существовалъ, вѣдь документы, если таковые и были, могли быть утеряны, уничтожены или вообще не обнаружены. Съ другой стороны даже трудно себѣ представить, чтобы для пограничныхъ укрѣпленій не были использованы для этой цѣли болѣе пригодные чѣмъ равнина, близкіе отроги Карпатъ. Слѣдуетъ при томъ обратить вниманіе на преданіе, согласно котораго село Дравцы раньше лежало на горѣ, гдѣ сегодня расположены дравецкіе виноградники.

Нельзя обойти молчаніемъ, что существуютъ и такого рода мнѣнія, что древній Ужгородъ лежалъ якобы на мѣстѣ нынѣшнихъ Горянъ, сосѣдящихъ съ Ужгородомъ, гдѣ имѣются развалины не то замка, не то укрѣпленнаго дворца. Кромѣ того имѣется тамъ старинная церковь, точнѣе часовня, круглой для Средней Европы непривычной, формы, ни происхожденіе, ни стиль и возрастъ которой до сихъ поръ еще точно не опредѣлены[1]).

[1]) Fl. Zapletal - Horjanská Rotonda. Д-ръ В. Залозецкій: Горянска замкова каплиця.

Это мнѣніе впервые высказалъ Карлъ Месарошъ[1]), выводы котораго, однако, недостаточно убѣдительны и были Михаиломъ Финцицкимъ[2]) опровергнуты. Болѣе вѣскіе аргументы въ подтвержденіе сего мнѣнія приводитъ Николай Анталъ, производившій въ 1926 году въ Горянахъ раскопки. Онъ на основаніи результатовъ этихъ раскопокъ утверждаетъ, что открытые имъ развалины суть остатки древняго ужгородскаго замка, который онъ называетъ Ужанскимъ Старо-градомъ. Ungóvár) Въ противоположность нынѣшнему, называемому имъ ужанскимъ Новградомъ (Ungujvár) Въ доказательство правильности своего мнѣнія приводитъ далѣе, что въ области замка много лѣтъ тому назадъ подъ корнями поваленнаго бурей стараго орѣха нашли сотни череповъ, нѣмыхъ свидѣтелей когда-то здѣсь, подъ стѣнами замка, происходившихъ жестокихъ боевъ. — Разсказывая это, добавляетъ, что зубы изъ этихъ череповъ цѣлыми ящиками возили въ Будапештъ для зубоврачебныхъ заведеній. Этимъ доказываетъ, что черепа принадлежали молодымъ воинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказываетъ мнѣніе, ничѣмъ впрочемъ не подпертое, что строительный матерьялъ горянскаго замка, послѣ его разрушенія былъ

[1]) Mészáros Károly: Ungvár története 1861. стр. 10—12.

[2]) Finczіczky Mihály: Ungvár közállapotáról 1912.

использованъ для постройки нынѣшняго ужгородскаго замка[1]).

Его мнѣніе всецѣло раздѣляетъ Ириней Кондратовичъ съ той только разницей, что Горяны считаетъ вторымъ мѣсторасположеніемъ ужгородскаго замка (первое у устья Ужа), нынѣшнее же его мѣсторасположеніе считаетъ третьимъ по счету.

Предположенія, что будто бы древній Ужгородъ лежалъ не на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, имѣютъ, якобы, письменное подтвержденіе въ дарственной грамотѣ Эрлавской (Ягерской) капитулы 1248 г. о пожалованіи земли, лежавшей „in parochia Castri de Ung-Uy[2]), Подобная дарственная грамота была издана въ 1250 г. капитулой Будинской по просьбѣ жупана (графа?) Петра, сына Зобослова (Собѣслава), который нѣкоимъ Детреху, Эккулу и Гунцеля подарилъ за оказанныя ему услуги „quandam terram suam Hozdou nomine, decem aratris subiacentem, in parochia castri de Vnguy existentem, cum aquis et silvis etc.“ что по-русски значитъ: «свою землю въ 10 плуговъ, называемую Гоздовъ, находящуюся въ округѣ Ужанскаго Новограда, вмѣстѣ съ водами и лѣсами и т. д.». Д-ръ Василій Гаджега считаетъ, что село Гоздовъ находилось

[1]) Antal Miklós: Gerényről és a gerényi ásatásokról. Ruszinszkói Magyar Hirlap 1926 dec. 25. Ир. М. Контратовичъ: „Исторія стародавняго Ужгорода“.

[2]) Pesti Fr.: Várispánságok története, стр. 521.

по близости Михайловецъ)[1]). Судя по этому скорѣе новый ужанскій замокъ слѣдуетъ искать въ низовьяхъ Ужа, чѣмъ древній, хотя принадлежность къ замку того или иного села еще не опредѣляетъ мѣсторасположеніе самого замка.

Принимая во вниманіе, что въ широкой околицѣ не имѣется стратегически столь важнаго пункта, чѣмъ холмъ, на которомъ построенъ ужгородскій замокъ, расположенный по серединѣ устья долины Ужа и тѣмъ самымъ закрывающій доступъ какъ на равнину такъ и въ Карпаты, единственнымъ пріемлемымъ предположеніемъ нужно считать, пока не будетъ доказано противоположное, что Ужгородъ и тысячу лѣтъ тому назадъ лежалъ на нынѣшнемъ мѣстѣ.

III. ЭПОХА АРПАДОВИЧЕЙ.

Въ домадьярскую эпоху Ужгородъ былъ, навѣрное, центромъ славянской государственности, скорѣе всего удѣльнаго княжества, входившаго въ составъ царства болгарскаго. Эта предполагаемая государственность пала вмѣстѣ съ Ужгородомъ. Послѣ его взятія мадьярами онъ сталъ временнымъ центромъ въ то время зарождавшагося только ихъ новаго государства.

Но не надолго. Послѣ завоеванія мадьярами всей придунайской котловины, длившаго-

[1]) Додатки к исторіи Русинов-Науковый Сборник Просвѣты 1924. - 224-225.

ся по всей видимости нѣсколько десятковъ лѣтъ, центръ заложеннаго ими новаго государства былъ окончательно подвинутъ къ Дунаю. — Потерявъ свое прежнее значеніе, Ужгородъ очутился на положеніи пограничной крѣпости, закрывающей въ силу своего расположенія червонноруссамъ выходъ на придунайскую равнину.

О тогдашнихъ размѣрахъ города, его устроенности или же о численности и составѣ его населенія не имѣемъ никакихъ положительныхъ историческихъ данныхъ. Что касается внѣшняго вида города, то о немъ имѣются два старинныхъ и не смотря на свою примитивность, весьма интересныхъ изображенія. — Въ лѣтописи первой половины XIV. столѣтія, называемой «Вѣнской иллюстрированной хроникой» содержится среди текста цвѣтная картинка, изображающая пришествіе мадьяръ и нѣкоторыя фазы завоеванія ими новаго отечества. На заднемъ фонѣ виднѣются горы (по всей видимости Карпаты), на которыхъ гордо возвышается величественный кремль, который мадьярамъ послѣ ихъ перехода черезъ Карпаты попался на пути первымъ.

Вторая картинка, которую можно считать сокращенной копіей первой, имѣется въ одной старинной нѣмецкой лѣтописи. Она изображаетъ тотъ же замокъ съ выступающей подъ нимъ мадьярской конницей. О правдивости и достовѣрности этихъ изображеній

не имѣется, однако, никакихъ доказательствъ.

Кто были первоначальные жители Ужгорода, наврядъ-ли удастся когда либо съ полной достовѣрностью установить. Несомнѣннымъ фактомъ слѣдуетъ, однако, считать, что въ IX. столѣтіи обитателями Ужгорода и его околицы были славяне, ибо все пространство восточнѣе линіи Адрія — Берлинъ — Шверинъ было въ то время сплошное славянское море. — Весь вопросъ сводится только къ тому, къ какому именно славянскому племени они принадлежали. На это можетъ дать отвѣтъ, хотя и не вполнѣ удовлетворительный, только сравнительное языковѣдѣніе. Въ мадьярскомъ языкѣ, имѣется множество словъ перенятыхъ у славянъ еще въ тѣ отдаленныя времена, какъ galamb (голубь), tompa (тупа), donga (дуга), gomba (губа), konkoly (куколь) и др., въ которыхъ сохранился носовой звукъ, въ наше время присущій только польскому языку, съ которымъ, однако, мадьяры своей народной массой непосредственно никогда не соприкасались. — Помянутый носовой звукъ, являющійся чуждымъ какъ современному русскому языку, такъ и древнему, сохранился также во многихъ географическихъ названіяхъ, какъ Унгъ или Онгъ, Ондава, Горонда и т. д.

Принимая во вниманіе, что этотъ носовой звукъ, кромѣ польскаго языка, не приходящаго въ данномъ случаѣ въ расчетъ, имѣл-

ся только въ древне-болгарскомъ языкѣ, то естественно, что помянутыя и имъ подобныя слова и названія, могли быть переняты мадьярами только изъ послѣдняго. — Наравнѣ съ этими имѣются такія названія, какъ Бодрогъ (Bodrog), Угоча (Ugoča), Угля (Ugľa) и т. д., въ которыхъ носовки не имѣется, но въ которыхъ за то сохранился, какъ въ русскомъ, такъ и мадьярскомъ языкахъ, звукъ «g» въ наше время малороссамъ уже совсѣмъ чуждый, который, однако, въ карпаторусскомъ языкѣ является общеупотребительнымъ. — Отсюда можно сдѣлать такой выводъ, что въ области ужгородской въ перемѣшку обитали два славянскихъ племени, а именно старо-болгарское, а наряду съ нимъ старо-русское. — Отсюда и вышеуказанная двухформенность географическихъ названій, наблюдаемая въ нашей области[1]). — Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ далѣе, что русское населеніе нужно считать кореннымъ, которое здѣсь жило съ испоконъ вѣковъ.

О судьбѣ населенія домадьярскаго Ужгорода, которое въ первую очередь, должно быть, состояло изъ ратнаго люда, послѣ взятія города мадьярами, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. — Навѣрное его постигла та-же участь, что и защитниковъ крѣпости Боршовы, которые по словамъ Анонимуса были превращены въ невольниковъ.

---

[1]) Ядоръ Стрипскій: «Гдѣ документы старой исторіи Подкарп. Руси»? стр. 38.

Захваченная мадьярами придунайская котловина была усѣяна множествомъ славянскихъ крѣпостей, называвшихся градами, т. е. огороженными мѣстами. Всѣ они попали непосредственно подъ власть княжескую, переименовавшуюся впослѣдствіи въ королевскую, и вошли въ основу оборонительной системы, называвшейся замковой, такъ какъ центрами и опорными пунктами ея были именно замки. Вокругъ замковъ, число которыхъ равнялось 70-ти съ лишнимъ образовались первыя административныя единицы, носившія сначала въ первую очередь военный характеръ. Звали эти военно-административныя единицы комитатами (жупанатами). Вѣроятнѣе всего мадьяры просто переняли административное дѣленіе покоренныхъ ими славянъ, о чемъ свидѣтельствуютъ названія должностей и чиновъ, перенятыя ими у послѣднихъ, какъ ispán (жупанъ), nadorispán (надворный жупанъ — maior domus), bán (банъ —панъ) vajda (воевода) и много другихъ. Во главѣ такой военно- административной единицы стоялъ назначаемый королемъ начальникъ, называющійся по-латыни comes, отъ котораго управляемый имъ округъ и получилъ названіе комитата (comitatus). При томъ въ видѣ поясненія слѣдуетъ отмѣтить, что до начала XIX столѣтія оффиціальнымъ языкомъ Венгріи былъ латинскій, при помощи котораго поддерживалось общеніе между

разношерстными, другъ друга непонимавшими, племенами, ее населявшими.

Латинское слово comes имѣетъ нѣсколько значеній, что причиняетъ при переводѣ на другіе языки не мало затрудненій и вызываетъ изрядную путаницу. Первоначально оно обозначало: посолъ или повѣренный. Потомъ имъ стали обозначать чуждое для римской администраціи и поэтому и для латинскаго языка понятіе графъ (comitissa — Komtesse — графиня), заимствованное по всей вѣроятности у германцевъ. Ввиду этого слово комитатъ многіе переводятъ словомъ графство, что отвѣчало бы германскому административному дѣленію; Англія, наприм., вѣдь до сихъ поръ дѣлится на графства.

Принимая, однако, во вниманіе, что мадьяры, судя по всѣмъ признакамъ, перенимали администрацію не у германцевъ, а у славянъ, то подъ словами comes и comitatus слѣдуетъ подразумѣвать не графа и графство, но жупана и жупанатъ (жупу), а то тѣмъ болѣе, что слову comes въ мадьярской административной терминологіи отвѣчаетъ терминъ ispán т. е. жупанъ, а не графъ (gróf).

Подобнаго рода явленія въ лингвистикѣ встрѣчаются нерѣдко. Немногіе уясняютъ себю напримѣръ, что латинское названіе короля — гех, значитъ въ сущности не больше, какъ только правитель, которымъ не долженъ быть обязательно монархъ.

Немногіе подозрѣваютъ также, что русскія слова: князь и княгиня (kňagiňa) суть тождественны съ германскими: König и Königin (т. е. король и королева), какъ, наприм., тождественны слова сынъ и Sohn, матерь и Mutter, братъ и Bruder и множество другихъ. Всѣ они произошли отъ одного и тогоже древне-арійскаго корня, общаго какъ для славянъ, такъ и германцевъ.

Въ древнихъ документахъ начальники замковыхъ (градскихъ) округовъ иногда называются воеводами (Voyvoda — Voiavoda, не было бы поэтому большой погрѣшностью, если бы въ отличіе отъ позднѣйшихъ жупанатовъ (vármegye), называвшихся по-латыни тоже комитатами, первоначальные градскіе комитаты (comitatus castri-várispánság), назвать во избѣжаніе возможной путаницы воеводствами, а начальниковъ ихъ (comes castrensis), воеводами.

Основнымъ населеніемъ воеводствъ (комитатовъ) были замковые холопы (jobbagiones castri). Это были люди военные, поселенные на земляхъ, принадлежавшихъ замку, иными словами на земляхъ государственныхъ. Они составляли своего рода военное сословіе, которое за предоставленную ему землю обязано было нести, можно сказать, пожизненную военную службу. Оно замѣняло постоянную армію и было главной основой государственной обороны, а одновременно и королевской власти. Холопы были прикрѣп-

лены къ данной крѣпости (отсюда названіе крѣпостникъ, крѣпостное право) и не могли свободно переселяться. Несмотря на это ограниченіе, какъ народъ военный въ рангѣ слѣдовали непосредственно за дворянствомъ и духовенствомъ. По хроникѣ Кезаи (1282—1285) «jobagiones castri sunt pauperes nobiles, quibus ad regem venientibus terram is tribuit de terris castri, ut pheuda castri et castrum guerrae tempore custodirent», т. е. замковые холопы — это бѣдные дворяне, получившіе отъ короля землю изъ владѣній замка, чтобъ въ военное время защищали замокъ и замковыя владѣнія.

Первоначальные комитаты (жупанаты-воеводства), по-мадьярски называемые **várispánságok**, не занимали всей государственной территоріи, но между ними находились громадныя вольныя пространства, на которыхъ жили подъ предводительствомъ своихъ родоначальниковъ бродячей жизнью полуосѣдлые мадьярскіе и родственные имъ печенѣжскіе и половецкія племена. Поэтому ихъ не слѣдуетъ смѣшивать или отожествлять съ позднѣйшими комитатами (**vármegye — Gau**) обхватившими всю территорію государства.

Ужгородскій замокъ, какъ стратегически важная пограничная крѣпость, вошелъ тоже въ составъ замковой оборонительной системы и сталъ стольнымъ градомъ образовавшагося вокругъ него одноименнаго комитата (**comitatus castri Ungh**). Къ нему принадле-

жали слѣдующія селенія (земли): Сѣнна, Чепель, Бежовцы, Ратовцы Великія, Радичъ, Гоздовъ, Градище, Сирма, Стретава, Палловъ, Мирковцы, Паладь, Янковцы, Евра, Ташоля, Русска, Тибава и Мокча[1]). Всѣ они вмѣстѣ взятые представляли собой только незначительную часть позднѣйшаго ужанскаго жупаната (Ungvármegye). Въ нихъ были разселены прикрѣпленные къ ужгородскому замку крѣпостные холопы.

Дальнѣйшими сословіями, входившими въ составъ крѣпостного населенія, прикрѣпленнаго къ градамъ, были градскіе люди и градская челядь (castrenses), Жили они обыкновенно въ селеніи, расположенномъ подъ градомъ, въ такъ называемомъ подградьѣ (suburbium) Это не были сословія военныя. Изъ нихъ первые должны были воздвигать укрѣпленія, валы, стѣны, копать рвы, рубить засѣки, строить дороги, словомъ исполняли военно-техническія работы. Нѣкоторые изъ нихъ служили по своему ремеслу, какъ кузнецы, оружейники, гончары, рыбаки, колесники, далѣе какъ земледѣльцы, винодѣлы, пастухи и т. д.

Градскіе челядинцы обыкновенно несли всякаго рода службы въ самомъ замкѣ. Служили они какъ пекари, глашатаи, сторожа, гусляри, звонари, повара, сокольники, охотники, рыбаки, конюхи, посыльные и какъ замковая прислуга вообще. Крѣпостное населеніе принадлежало преимущественно къ пле-

[1]) Фр. Пешти: Várispánságok története 521 стр.

менамъ покореннымъ, главнымъ образомъ къ славянамъ.

Населеніе ужгородскаго подградья, изъ котораго впослѣдствіи выросъ современный Ужгородъ, состояло преимущественно изъ градскихъ людей и градской челяди, а также другихъ несвободныхъ сословій, какъ батраковъ и рабовъ-невольниковъ, которыми имѣли право владѣть и сами крѣпостники.

Послѣ градскаго жупана (comes castrensis — várispán), стоявшаго во главѣ комитата, по чину слѣдовалъ дворцовый судья (comes curialis-udvarbiró.....). Начальникомъ комитатскихъ войскъ былъ войсковой старшина (maior exercitus-hodnogio), комендантомъ крѣпости (замка) былъ кастелланъ (maior seu praefectus-castellanus castri.....). Это были высшіе сановники. Кромѣ нихъ имѣлся еще цѣлый рядъ другихъ должностей низшаго разряда, какъ сотники, десятники, главные глашатаи и др. Всѣ эти начальствующія лица выходили сначала исключительно изъ рядовъ самихъ же комитатскихъ крѣпостныхъ, а только впослѣдствіи стали короли назначать таковыхъ также изъ числа бояръ и дворянъ. Имена многихъ изъ нихъ сохранились въ разныхъ историческихъ документахъ. Николай Мочари приводитъ цѣлый списокъ ужгородскихъ жупановъ и кастелляновъ съ 1214 по 1291 г.[1]).

Какую роль игралъ Ужгородъ въ эпоху

[1]) Ungmegyei századok— стр. 63—64.

первой мадьярской династіи, т. е. династіи Арпадовичей, какъ крѣпость, изъ-за скудности историческихъ памятниковъ, большая часть которыхъ при вторженіи татаръ въ Венгрію пропала, весьма трудно установить. Съ большой правдоподобностью можно, однако, предполагать, что въ многочисленныхъ войнахъ Арпадовичей съ сосѣдними Червонорусскими князьями Ужгородъ долженъ былъ служить стратегически важнымъ опорнымъ пунктомъ.

Судя по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, Ужгородъ подвергался въ ту пору неоднократно наѣздамъ восточныхъ степняковъ, вторгавшихся въ Венгрію. Такъ согласно «Будинской хроники» половцы (куманы), призванные королемъ Соломономъ себѣ на помощь противъ своихъ же дядей, въ 1086 году продвинулись до Боршовы и Ужгорода, кругомъ все опустошая[1]). О томъ же или ему подобномъ случаѣ упоминаетъ по словамъ Н. Мочари также «Легенда Святыхъ», согласно которой половецкій король, вторгшись въ Венгрію, захватилъ Ужгородъ и Боршову[2]).

Во время татарскаго нашествія (1242—1243) крѣпостная оборонительная система оказалась въ общемъ несостоятельной и татарская орда почти безпрепятственно докатилась до береговъ самой Адріи. Причину

[1]) Н. Мочари: Ungmegyei Századok №. 1.
[2]) Тамъ-же.

этого нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что короли пораздавъ значительную часть крѣпостныхъ земель, тѣмъ самымъ лишили отдѣльныя крѣпости-грады не только значительной части ихъ первоначальной матеріальной и рабочей силы, но и военной.

Въ придунайскую котловину татары вторглись черезъ «Русскія Ворота», спустившись внизъ по долинѣ рѣки Латорицы, которая у города Мукачева выступаетъ изъ Карпатъ на великую придунайскую равнину. Такъ какъ вторгшаяся татарва черезъ «Русскія Ворота» поддерживала сообщеніе и связь съ осѣвшей въ южно-русскихъ степяхъ главной, такъ называемой «Золотой» ордой, то Мукачево и его ближайшая окрестность служили для нея несомнѣнно главной операціонной базой, обезпечивающей ей вмѣстѣ съ тѣмъ возможность безпрепятственнаго отступленія въ случаѣ нужды. Между Мукачевомъ и Ужгородомъ слишкомъ незначительно разстояніе (44 км.), поэтому они не могли его не взять, ибо въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ бы ихъ тылу, и даже въ случаѣ чего могъ бы имъ отрѣзать или сильно затруднить отступленіе. Этого татары, какъ до сихъ поръ непревзойденные стратеги, допустить ни въ коемъ случаѣ не могли. Они его, конечно, взяли и по татарскому обычаю разграбили и до тла разрушили. Населеніе города, поскольку не убѣжало и не скрылось въ карпатскія пущи, было навѣрное частью

перерѣзано, частью уведено въ неволю, какъ яссыръ.

Многіе историки считаютъ, что замки дотатарскаго періода были большей частью не каменные, а только земляные, т. е. глинобитные, и поэтому не могли устоять татарскому напору. Устояли только замки на западѣ и сѣверо-западѣ, построенные изъ камня и на неприступныхъ скалахъ, къ осажденію которыхъ татары не были приспособлены. Поэтому послѣ ухода татаръ (1243 г.) стали строить каменные замки, какъ болѣе надежные.

Послѣ татарскаго разгрома ужгородскій замокъ былъ тоже возстановленъ, врядъ ли былъ при томъ ему приданъ уже тогда современный видъ, который слѣдуетъ отнести къ болѣе поздней эпохѣ.

Рядомъ съ крѣпостными комитатами (воеводствами), называвшимися также королевскими (Várispánságok, királyi vármegyék), стали по мѣрѣ осѣданія мадьярскихъ племенъ на просторахъ, не входящихъ въ составъ крѣпостныхъ земель, образовываться другіе, такъ называемые дворянскіе комитаты (nemesi vármegye), которые были въ первую очередь единицами административными, а не военными, какъ первые. Дуализмъ этотъ продолжался, однако, не долго, такъ какъ составъ крѣпостныхъ земель вслѣдствіе частыхъ пожалованій постепенно уменьшался, а въ концѣ концовъ остатки ихъ были подъ

конецъ владычества Арпадовичей включены въ составъ новообразовавшихся комитатовъ. При томъ высшія должности упраздняемаго комитата были частью отожествлены съ подобными имъ должностями новаго комитата, какъ напр. comes curialis сталъ vicecomes, т. е. позднѣйшій поджупанъ, частью упразднены, а нѣкоторымъ изъ нихъ было присвоено иное значеніе или званіе, какъ напр. кастелланъ сталъ тюремщикомъ, войсковый старшина — maior exercitus-hodnogio былъ низведенъ въ поручики (hadnagy) и т. д.

Начальникомъ новаго комитата сталъ жупанъ — comes parochianus — которому градскій воевода — comes castrensis — былъ сначала подчиненъ, а впослѣдствіи совсѣмъ упраздненъ.

Послѣдніе Арпадовичи, какъ уже было выше сказано, щедро раздавали крѣпостныя земли, между ними, конечно, также земли, принадлежавшія ужгородской крѣпости (ad castrum Hungwar pertinentes), ввиду чего составъ ихъ послѣ татарскаго нашествія сталъ быстро таять. Изъ нихъ больше всего досталось, какъ королевскій даръ, въ руки нѣкоего жупана (comes) Якова Григорьевича Панка (Панька), отличившагося въ нѣсколькихъ походахъ, который кромѣ того нѣкоторыя земли пріобрѣлъ съ королевскаго разрѣшенія путемъ покупки у градскихъ холоповъ. Ему достались Сѣнна (1263), Радичъ (1263), половина Ратовцевъ (1263), Бежовцы (Бе-

зеу, 1892), Русска (1298 и 1311), Чепель (1263—1276 и 1325[1]). Въ тотъ-же приблизительно промежутокъ времени были розданы разнымъ лицамъ и остальныя земли ужгородскаго замка[2]). Сидѣвшіе на пожалованныхъ земляхъ градскіе холопы, поскольку имъ не было удѣлено дворянство, попали въ крѣпостную зависимость отъ своихъ новыхъ владѣльцевъ.

Послѣдній Арпадовичъ Андрей III (1290—1301) въ 1290 году пожаловалъ ужгородскій комитатъ (possessionem seu Comitatum Ung) надворному жупану (палатину) Амодею, родъ котораго игралъ впослѣдствіи въ наступившихъ междуусобныхъ смутахъ и бунтахъ весьма видную роль[3]).

Этимъ ужгородскому комитату-воеводству былъ нанесенъ сокрушительный ударъ, послѣ котораго уже скоро прекратилось его существованіе. Точное время его полнаго прекращенія пока не установлено. Имѣются данныя, что въ 1308 г. ужгородскіе градскіе холопы вторглись въ кетергенскія владѣнія надворнаго жупана Амодея, что вызвало необходимость разграниченія между владѣніями послѣдняго и ужгородскаго замка. По сему можно сдѣлать заключеніе, что въ то время за ужгородскимъ замкомъ еще кое-какія земли оставались, все-же слѣдуетъ считать, что

[1]) Ungmegyei Századok. стр. 63.

[2]) Д-р В. Гаджега - Додатки к исторіи Русинов Науковый Сборник Просвѣты III. 223 и ст.

[3]) Фр. Пешти: Várispánságok története стр. 251-526.

закатъ династіи Арпадовичей въ общемъ совпалъ съ прекращеніемъ ужгородскаго комитата-воеводства.

IV. ЭПОХА ДРУГЕТОВЪ.

Въ лицѣ Андрея III-го, умершаго 14-го января 1301 г., вымерла мужская линія дома Арпадова. Женскихъ линій, однако, оставалось еще нѣсколько. Между ними началась упорная борьба изъ-за венгерскаго престола, на который сначала былъ призванъ тринадцатилѣтній чешскій королевичъ Вацлавъ. Онъ продержался, однако, недолго, такъ какъ папа римскій, имѣвшій своего кандидата, подъ страхомъ анафемы запретилъ не только духовенству, но и мірянамъ, признавать его своимъ королемъ и ему повиноваться. Этимъ судьба его была запечатлѣна и онъ принужденъ былъ, несмотря на несомнѣнную законность своей претензіи, въ 1304 году уступить. Послѣ него на зло папѣ королемъ былъ избранъ Оттонъ Баварскій, который послѣ двухлѣтняго царствованія былъ вѣроломно плѣненъ седмиградскимъ воеводой Апоромъ, къ которому поѣхалъ свататься. Этимъ его царствованію насталъ конецъ. Такъ какъ галицкіе Рюриковичи, по женской линіи тоже родственные Арпадовичамъ, на мадьярскій престолъ претензій почему-то не предъявляли, то за неимѣніемъ другихъ претендентовъ, волей-не-волей королемъ пришлось избрать ставленника папы, Карла Роберта (1308—1242), внука Владислава IV., по прозвищу

Половецкаго, въ теченіи почти 20-ти лѣтъ тщетно добивавшагося венгерскаго престола (4 раза короновался). Въ его лицѣ въ Венгріи воцарилась сицилійская династія Анжу (Anjou) Во время предшествовавшаго междуцарствія и безвластія королевская власть сильно пала, зато сильно увеличилась власть бояръ, расхитившихъ остатокъ казенныхъ земель.

Новоизбранному королю, однако, сѣверныя и сѣверо-восточныя славянскія окраины не пожелали подчиниться. Западная Словакія, возглавляемая сильнымъ олигархомъ, Матвѣемъ Тренчинскимъ, откололась и образовала самостоятельное государство, продержавшееся до его смерти (около 1318 г.). На сѣверо-востокѣ, т. е. въ нашей области, непокорными верховодили сыновья надворнаго жупана Амодея, павшаго при осадѣ Кошицъ (1310 г.) Амодеевичи, однако, несмотря на свой союзъ съ Матвѣемъ Тренчинскимъ, были въ битвѣ у с. Розгона наТориссѣ (1312 г.) Карломъ Робертомъ разбиты на голову. Послѣ розгонскаго пораженія сѣверо-восточная окраина, такъ наз. «Крайна», была по нѣкоторомъ еще сопротивленіи покорена, а имущество Амодеевичей, между прочимъ и ихъ ужанскія владѣнія, пожалованныя ихъ отцу Андреемъ III-имъ, конфисковано[1]), которое по всей видимости большей частью досталось Петру Петенкѣ (Petrus Petenico или Petrus filius Pethenye seu Petunei).

[1]) М. Горватъ — Magyarország tört. II. стр. 176.

Русское населеніе сѣверо-восточной украйны не могло, однако, примириться съ неимовѣрно жестокимъ правленіемъ Карла Роберта. Въ немъ кромѣ того оно не безъ основанія видѣло притѣснителя православной вѣры, къ которой Арпадовичи, постоянно роднившіеся съ русскими и сербскими княжескими домами, и часто воспитавшіеся при русскихъ дворахъ и даже при царьградскомъ императорскомъ дворѣ, относились съ благосклонной терпимостью, если не съ благоволеніемъ. Русскіе служилые люди при Арпадовичахъ были въ большомъ почетѣ и играли виднѣйшую роль въ государственной жизни. Все это очутилось при воцареніи Карла Роберта Анжу, сего рьянаго латынянина, видѣвшаго въ русскомъ населеніи презрѣнныхъ еретиковъ и раскольниковъ, подъ сильнѣйшей угрозой.

Русскій народъ, ввиду неблагопріятно сложившихся для него обстоятельствъ, сдѣлалъ еще одну попытку, чтобы избавиться отъ жестокаго и ненавистнаго Карла Роберта. Во главѣ освободительнаго движенія стояли ужгородскій жупанъ Петръ Петенько (Petrus Petenico[1]) и бояринъ Моишъ (Moys) Завязано было сношеніе съ родственнымъ вымершимъ Арпадовичамъ, галицкимъ княземъ Львомъ, которому предложена была венгерская корона. Возстаніе вспыхнуло въ 1320 г.,

[1]) Fejér, Cod. dipl. VIII. 2.292 — см. Я. Стрипскій: Гдѣ документы ист. Подк. Р. стр. 16.

когда Карлъ Робертъ былъ занятъ на югѣ войной противъ Сербіи. Галицко-русское государство, однако, въ то время уже находилось въ агоніи, доживая послѣдніе десятки лѣтъ своего существованія. Оно не могло оказать возставшей закарпатской братіи существенной помощи, которая въ неравной борьбѣ не смогла устоять[1]).

Это второе возстаніе карпаторусскаго народа, предоставленнаго самому себѣ, было, конечно, тоже подавлено, послѣ чего началась крутая съ нимъ расправа. Подробностей этой расправы мы не знаемъ, но судя по тому, съ какой звѣрской жестокостью расправлялся онъ съ непокорными или провинившимися противъ него въ другихъ случаяхъ, можемъ себѣ составить о ней маленькое представленіе. Для примѣра достаточно указать на звѣрское истребленіе, до третьяго колѣна включительно, всего рода Фелиціана Зача, мстившаго за свою обезчещенную при дворѣ дочь Клару, падшую жертвой похоти брата королевы, польскаго королевича Казиміра[2]). Всякая расправа неминуемо сопровождалась конфискаціей имущества побѣжденныхъ или усмиренныхъ. Не обошлось безъ нея и на этотъ разъ. Конфисковано было прежде всего имущество предводителей возстанія, въ первую очередь земплинскія и ужанскія владѣнія жупана Петра Петеньки, котораго нѣко-

[1]) М. Горватъ: Magy. o. tört. II. 138.
[2]) М. Горватъ: Magy. o. tört. II. 206-207.

торые историки считаютъ потомкомъ упомянутаго выше жупана Якова Панки (Панька). Былъ ли онъ самъ русскимъ по народности, до сихъ поръ еще достовѣрно не установлено. Несомнѣннымъ является, однако, что служилый классъ и дворянство возставшей «Русской Крайны», упоминаемой въ древнихъ документахъ тоже подъ названіемъ „Marchia Ruthenorum“,[1]) т. е. «Русская Марка» (нѣм. Марк = латин. margo = край = украйна — мадьяр.= határszél = vég), были русскіе. На сути дѣла не мѣняетъ, если согласно съ Д-ромъ Петровымъ слову крайна (краина) придадимъ значеніе, какое оно имѣетъ, напримѣръ, въ словацкомъ языкѣ, гдѣ оно обозначаетъ область или край (Ср. Slovenská krajina).

Вслѣдствіе этихъ расправъ и сопровождавшихъ ихъ конфискацій карпаторусскій народъ постепенно лишался своего дворянства и служилаго класса, которые замѣнялись обыкновенно инородцами. Этотъ неблагородный способъ мщенія, заведеный Анжуйцами, систематически примѣнялся къ злосчастному карпаторусскому народу въ теченіи всей его тяжелой исторіи, пока онъ окончательно не обнищалъ. Злополучную его участь раздѣлялъ съ нимъ и городъ Ужгородъ, бывшій обыкновенно однимъ изъ центровъ освободительныхъ движеній.

---

[1]) Vita Chunradi, archiepiscopi Salisburgensis — Dr. А Петровъ: Древнѣйшія грамоты, стр. 30 и сл.

Послѣ усмиренія возстанія Петра Петенки значительная часть конфискованнаго у повстанцевъ имущества была пожалована надворному жупану, Филиппу Другету, которому достались помѣстья (доминіи) Гуменянское и Невицкое, называвшееся впослѣдствіи Ужгородскимъ.

Родъ бояръ Другетовъ происходилъ первоначально, какъ и сама династія Анжу, на службѣ которой онъ все время находился, изъ Франціи. Анжуйцы, будучи призваны на престолъ Сицилійскаго королевства, взяли съ собой туда и Другетовъ, какъ близкихъ и преданныхъ имъ людей. Въ Угрію родъ попалъ тоже вмѣстѣ съ Анжуйцами, избранными на венгерскій престолъ въ лицѣ Роберта Карла, съ которыми вмѣстѣ пришли, какъ самые близкіе ему люди, братья Другеты,Филиппъ и Иванъ, занявшіе сразуже самыя высокія должности въ новомъ своемъ отечествѣ.

Филиппъ умеръ въ 1327 г., не оставивъ послѣ себя потомства. Его высокій санъ и огромныя владѣнія перешли къ брату Ивану, который умеръ въ 1337 г., оставивъ послѣ себя трехъ сыновей: Вильгельма, Николая и Ивана

Вильгельмъ, который былъ также надворнымъ жупаномъ, умеръ безъ потомства. Его наслѣдство считалось согласно тогдашнихъ законовъ выморочнымъ и поэтому должно было перейти къ казнѣ.—Ввиду особыхъ

заслугъ, однако, рода Другетовъ, Людовикъ I (Великій) дарственной грамотой отъ 7. января 1343 г. пожаловалъ его владѣнія его двумъ братьямъ Николаю и Ивану. Эта дарственная была грамотой того же Людовика I-го отъ 19. января 1355 г. утверждена.

Помянутая утвердительная грамота, которая дословно содержитъ также дарственную грамоту отъ 7. января 1343 г., приводится въ качествѣ доказательства въ рѣшеніи императора Фердинанда I. отъ 6 марта 1551 г., вынесенномъ имъ въ дѣлѣ иска, предъявленнаго потомками Симеона Другета къ мужской линіи Другетовъ[1]).

Согласно приведенной дарственной грамоты, были помянутымъ Николаю и Ивану Другетамъ пожалованы конфискованные у «предателя св. Короны» Петра Петенки замки Невицкое, Барковъ и Ясеновъ, а также городъ Земплинъ со всѣми принадлежащми къ нимъ правами и доходами, а также селеньями, которые въ свое время пожалованы были Робертомъ Карломъ палатину Филиппу Другету.

Ужгородъ, равно какъ и остальныя селенія, принадлежавшія къ пожалованнымъ замкамъ, въ грамотѣ отдѣльно не поименованъ. Отсюда самъ собой напрашивается выводъ, что Ужгородъ въ то время не имѣлъ особаго значенія ни какъ крѣпость, ни даже

[1]) Adalékok zemplén vmegye tört. XVI. 129-137, 227-282.

какъ селеніе. Такое утвержденіе, однако, противорѣчило бы многимъ историческимъ фактамъ, поэтому этотъ вопросъ слѣдуетъ оставить пока открытымъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что главная истица въ своемъ искѣ Ужгородъ называетъ «Castellum Wngwar», т. е. градцемъ или крѣпостцой, въ самомъ же рѣшеніи онъ называется городомъ — oppidum Wngwar или — oppidum seu castellum Wngwariense, — при чемъ его принадлежность къ Невицкому замку подтверждается .— Поэтому можно заключить, что Невицкій замокъ еще и въ серединѣ XVI. столѣтія имѣлъ больше стратегическаго значенія, чѣмъ Ужгородскій. Это подтверждается также грамотой 1499 года, въ которой Ужгородъ все еще упоминается только какъ «Castellum Ungwar»[1]).

Изъ оставшихся двухъ братьевъ Николай сталъ родоначальникомъ горянской вѣтви Другетовъ. а Иванъ (II.) гуменянской. Горянская вѣтвь, однако, уже въ серединѣ XVI. столѣтія вымираетъ, а владѣнія ея переходятъ къ гуменянской вѣтви, поэтому вышеприведенное подраздѣленіе рода практическаго значенія не имѣетъ, а только историческое; по нему можно сдѣлать заключеніе. что главнымъ владѣніемъ (possesio capitalis) у одной изъ вѣтвей были въ началѣ Горяны, а у другой Гуменное.

---

[1]) Csánki D. Magyarorsz. tört. földrajza a Hunyadiak korában.

Главный входъ въ центральное зданіе замка.

Печать города съ 1635-го года.

Другеты были ловкіе пріобрѣтатели, которые сумѣли вполнѣ использовать проявлявшуюся къ нимъ королевскую пріязнь. Въ ихъ рукахъ скоро очутились между иными вся Ужанская и также Земплинская Крайны и значительная часть прилегающаго къ нимъ подгорья, русское населеніе которыхъ попало въ крѣпостную отъ нихъ зависимость. Такимъ образомъ почти половина карпаторусскаго народа уже въ началѣ XIV. вѣка очутилось въ рабской почти зависимости не только отъ инородческой, но и иновѣрческой власти. Такое-же самое несчастье постигло сто лѣтъ спустя, когда умеръ безъ мужского потомства князь Федоръ Коріатовичъ (1414), владѣлецъ мукачевской и маковицкой доминій, и восточной половины «Русской Крайны». — Этимъ судьба карпаторусскаго народа была запечатлѣна. Онъ становится народом безправныхъ батраковъ, а его вѣра, — вѣрой презрѣнныхъ рабовъ, — священнослужители которой должны были отбывать панщину также, какъ и ихъ злочастная паства.

Въ довершеніе всего, въ силу рокового стеченія историческихъ событій, сосѣдняя Червонная Русь, на которую карпаторусскій народъ въ годину трудную все же до извѣстной степени могъ опираться, потеряла къ тому времени свою самостоятельность. Она терзаемая и опустошаемая постоянными наѣздами осѣвшихъ въ сосѣднихъ южно-рус-

скихъ степяхъ татарскихъ ордъ, стала легкой добычей соединенныхъ угро-польскихъ силъ. — Вмѣсто того, чтобы оказать ей противъ татаръ помощь, Карлъ Робертъ договорился со своимъ шуриномъ Казимиромъ польскимъ (тѣмъ самымъ, по винѣ котораго была истреблена семья Зачей), относительно захвата Галицкаго королевства общими силами, съ тѣмъ, что послѣ смерти бездѣтнаго Казимира польская корона перейдетъ къ его племяннику, мадьярскому королевичу Людовику. — Въ силу сего договора, въ память котораго былъ королевой Елизаветой воздвигнутъ знаменитый кошицкій соборъ св. Елизаветы[1]), который поэтому можно считать надгробнымъ памятникомъ Галицкаго королевства, соединенныя угро-польскія войска въ 1340 г. захватили цѣликомъ Галицко-Владимирское (Волынское) государство, которое послѣ того вошло въ составъ Польши, какъ одна изъ ея провинцій.

Новые владѣльцы огромнаго ужгородскаго помѣстья, разстилавшагося отъ Тисы до Карпатскаго хребта, къ которому, кромѣ Ужгорода, принадлежало въ то время около 28—30 селъ, поселились сначала въ сосѣднихъ съ Ужгородомъ Горянахъ, гдѣ ими былъ построенъ укрѣпленный дворецъ. — Видно въ то время Горяны представляли для постояннаго жительства большее удобство. чѣмъ ужгородскій замокъ, который навѣр-

[1]) Монографія кошицкаго собора-Генсельмана. 1858.

ное сильно пострадалъ отъ многихъ осадъ, каковыя ему, по всей вѣроятности, пришлось выдерживать во время предшествовавшихъ возстаній. О происходившихъ здѣсь бояхъ свидѣтельствуетъ грамота Карла Роберта съ 1322 г., въ которой упоминается осаждавшійся королевскими войсками Невицкій замокъ, принадлежавшій Владиславу Амодеевичу[1]).

Превратившись изъ коронной крѣпости въ частную собственность рода Другетовъ. Ужгородъ, конечно, потерялъ свое прежнее значеніе. — Наличіе неограниченной помѣщичьей власти и полное отсутствіе вольнаго мѣщанскаго сословія не могли способствовать развитію города, который если и впослѣдствіи все же медленно сталъ развиваться, то только по волѣ помѣщика и только въ той мѣрѣ, въ какой ему заблагоразсудилось; при томъ положеніе часто осложнялось и тѣмъ, что болѣе важныя селенія, какъ Ужгородъ и Гуменное, обыкновенно не дѣлились между наслѣдниками, а оставались въ общемъ владѣніи всего рода[2]), вслѣдствіе чего въ Ужгородѣ одновременно помѣщиковъ-совладѣльцевъ въ зависимости отъ численности представителей рода было иногда и нѣсколько.

Переходомъ Ужгорода въ частныя руки окончательно прекратило свое жалкое суще-

[1]) Anjoukori Okm. II., 38.
[2]) Рѣзъ.-Другеты и Гуменное стр. 69.

ствованіе Ужгородское воеводство (comitatus castri de Ungh), стольной крѣпостью котораго онъ былъ. Тѣмъ самымъ Ужгородъ на долгое время потерялъ также свое стратегическое значеніе и былъ низведенъ на степень крѣпостцы (castellum).

Замковое оборонительная система, въ которой, какъ уже было раньше сказано, входила со своей округой также ужгородская крѣпость, была Анжуйцами замѣнена бандеріальной, заключавшаяся въ томъ, что бояре и дворянство, которымъ фактически достались прежнія замковыя владѣнія, далѣе духовенство и сановники, обязаны были въ зависимости отъ своей состоятельности, поставлять въ случаѣ войны для королевскаго войска на свой счетъ въ полномъ вооруженіи извѣстное количество воиновъ. Вмѣстѣ съ замковой системой были автоматически упразднены также замковые комитаты (comitatus castrenses), которые въ первую очередь были военно-административными единицами. — Они были замѣнены образовавшимися со временемъ параллельно съ ними новыми административными единицами, такъ наз. дворянскими комитатами (nemes vármegye), бывшими въ первую очередь единицами дворянскаго самоуправленія. — Столицей новаго Ужанскаго жупаната (Comitatus de Ungh vel Ungvariensis — nemes Unghvármegye), сталъ, однако не Ужгородъ, а Капушаны Великія,

гдѣ въ теченіе сотенъ лѣтъ отбывались жупныя собранія[1]); тамъ же находился и жупный домъ[2]). Ужанская жупа еще въ концѣ XVII. столѣтія дѣлилась только на четыре округа, а именно ужгородскій, собранскій, павловскій и велико-капушанскій[3]), горная же область, такъ наз. «Ужанская Крайна», въ которой дворянскаго населенія не было, такъ какъ она всецѣло принадлежала Другетамъ, въ составъ жупы въ теченіе многихъ вѣковъ не входила. Крайна дѣлилась тоже на своего рода округа (districtus), во главѣ которыхъ стояли такъ наз. крайники, назначаемые помѣщикомъ-барономъ, — которые, однако, въ первую очередь были управляющими отдѣльными частями доминіи[4]).

Ужгородское подградье, расположенное вокругъ замка, непосредственно подъ крѣпостными стѣнами, состояло въ тѣ отдаленныя времена преимущественно изъ невзрачныхъ хижинъ разныхъ градскихъ людей (castrenses), прикрѣпленныхъ для несенія всякихъ службъ къ замку. Хижины эти разрушались обыкновенно при всякой осадѣ, чтобъ не могли служить прикрытіемъ для

---

[1]) Эр. Маукшъ— Изъ прошлого Ужанской ж. стр. 103.

[2]) Дневникъ семьи Хорватовъ Павловскихъ, — Monumenta Hungarie Historica, T. XXXI. стр. 331.

[3]) Там-же, стр. 238 и 244.

[4]) Д-ръ Петровъ — Древнѣйшія грамоты, стр. 36 и сл.

осаждающихъ, уже самими осаждаемыми, остальное довершалъ непріятель. — Такъ какъ большое количество невоеннаго народа, особенно женщинъ и дѣтей, заблаговременную эвакуацію дѣлало обыкновенно весьма затруднительной, то природный ростъ подградскихъ поселковъ вѣроятно искусственно удерживался, путемъ принудительнаго переселенія излишковъ населенія, въ рамкахъ допускаемыхъ стратегическими соображеніями. — Но и безъ этихъ предполагаемыхъ ограничительныхъ мѣръ природный приростъ подградскихъ поселковъ, въ силу ихъ расположенія и предназначенія, не могъ быть особенно великъ, такъ какъ они въ первую очередь подвергались нападеніямъ и опустошеніямъ, ввиду чего населеніе ихъ часто разбѣгалось, часто уводилось въ рабство или же просто истреблялось. — Ко всему этому присоединялись частые голодъ, моръ и сопутствующія имъ обыкновенно другія бѣдствія.

Принимая только во вниманіе все вышеизложенное, можно объяснить чрезвычайно медленный ростъ Ужгорода. Согласно портальной переписи (conscriptio dicalis seu portalis) 1567 года было въ Ужгородѣ, владѣльцами коего являлись въ то время Степанъ, Николай, Францъ и Гашпаръ Гуменянскіе, всего 38 крѣпостныхъ дворовъ (усадебъ), владѣльцы которыхъ перечислены поимен-

но[1]). Если считать на каждый дворъ въ среднемъ по 5-и жильцовъ, то въ 1567 году количество жителей Ужгорода, не считая крѣпостнаго гарнизона, начальства и дворни, еле достигало 200 душъ. Несмотря на это, въ приговорѣ отъ 6. марта 1551 г. Ужгородъ называется городомъ (oppidum Wngwar[2]). Это относилось, видно, больше къ его внѣшнему виду, чѣмъ къ размѣрамъ.

Какъ видно, за пятьсотъ съ лишнимъ лѣтъ послѣ мадьярскаго завоеванія въ силу вышеизложенныхъ причинъ Ужгородъ вовсе не развивался. Неудивительно поэтому, что въ Ужгородѣ, несмотря на его тысячелѣтнее прошлое, не вѣетъ стариной; въ немъ нѣтъ грандіозныхъ сооруженій средневѣковья, и кромѣ возвышающагося среди города своей сѣрой массой стариннаго кремля, въ немъ ничто не повѣствуетъ о давно минувшихъ столѣтіяхъ, не оставившихъ послѣ себя почти никакихъ слѣдовъ.

Послѣ перехода Ужгорода въ частную собственность Другетовъ, прикрѣпленные къ ужгородской крѣпости градскіе люди, изъ которыхъ главнымъ образомъ состояло стали крѣпостными новыхъ владѣльцевъ. Около того же времени было Анжуйцами урегулировано правовое положеніе крѣпостныхъ превратившихся къ тому времени изъ

[1]) Д-ръ А. Годинка — Adalékok az Ungvár tört стр. 47.

[2]) Adalékok Zemplén vm. tört. XVI. 280.

казенныхъ (государственныхъ) въ помѣщичьихъ, т. е. въ тягловыхъ крестьянъ. Согласно новыхъ узаконеній, тягловые люди должны были давать въ видѣ оброка духовенству въ натурѣ десятую часть, такъ наз. десятину (decima), а помѣщку девятину (nona), т. е. девятую часть урожая.

Духовные лица или учрежденія, поскольку были и помѣщиками, имѣли право собирать такъ десятину, какъ и девятину. Привилегіи эти принадлежали, конечно, только католическому духовенству. Кромѣ этихъ поборовъ, крѣпостные обязаны были отбывать панщину (барщину), т. е. рабочую повинность, сохраняли, однако, за собой свободу переселенія. Правовое положеніе крѣпостниковъ, несмотря на эти узаконенія, было весьма безотрадное, ибо оно зависѣло въ сущности не столько отъ законоположеній, сколько отъ милости помѣщика, противъ, своеволія котораго очень трудно было доискиваться своей правды. Государственный налогъ, называвшійся прибылью казны (lucrum camerae), былъ опредѣленъ въ 3 маріинскихъ гроша, то есть въ 18 динаровъ, отъ полной тягловой осѣдлости[1]).

Противъ этого обездоленнаго и безсовѣстно эксплоатируемаго сословія стояли на другой сторонѣ католическое духовенство, въ отношеніи государства не несшее почти

---

[1]) М. Хорватъ. — Исторія Венгріи, стр. 269—270.

никакихъ обязанностей и дворянство, единственной обязанностью котораго была защита государства отъ внѣшнихъ враговъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что за предѣлы государства не была обязана ходить въ походъ.

Ужгородскіе крѣпостники состояли въ первую очередь изъ ремесленниковъ и мастеровыхъ, служившихъ замку, главнымъ образомъ, по своимъ спеціальностямъ. Они снабжали крѣпость оружіемъ, обмундировкой и вообще всѣмъ необходимымъ военно-техническимъ снаряженіемъ, а кромѣ того исполняли всякія военно-техническія работы по укрѣпленію замка и содержанію въ исправности его оборонительныхъ сооруженій. Это было своего рода самоснабженіе, безъ котораго въ тѣ времена крѣпость не могла существовать, не теряя своей обороноспособности. По сей причинѣ повсюду подъ замками возникали небольшіе крѣпостные поселки, обозначаемые нарицательнымъ «подградье», что во многихъ случаяхъ перешло впослѣдствіи даже въ собственное названіе поселка, какъ, напримѣръ, Подгородъ подъ мукачевскимъ замкомъ, Подгородъ (Пудгородь) подъ развалинами Тибавскаго замка, Спишское Подградье и пр.

Ужгородскіе ремесленники и мастеровые не ограничивались, конечно, снабженіемъ своими издѣліями и товарами одной только крѣпости, что было ихъ непосредственной

сословной обязанностью. Въ свободное отъ барщины и отъ занятій по собственному хозяйству время они изготовляли товары также на сбытъ. Издѣлія свои они сбывали прежде всего на ужгородскомъ рынкѣ, который обслуживалъ широкую околицу съ многочисленнымъ зажиточнымъ дворянскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ наличіе крѣпости по необходимости вызвало въ Ужгородѣ къ жизни промыселъ, а тотъ въ свою очередь торговлю. Нужно поэтому предполагать, что въ Ужгородѣ торги стали отбываться чуть ли не со времени возникновенія крѣпости, хотя документы, упоминающіе объ ужгородскихъ торгахъ относятся къ болѣе позднимъ временамъ. Ужгородскіе ремесленники не ограничились, конечно, однимъ только ужгородскимъ рынкомъ; они ѣздили со своимъ товаромъ также на сосѣдніе торги, которыхъ уже въ то время было не мало. Такъ, наприм., въ 1411 году дня 8 іюля отбывался торгъ въ Собранцахъ, 9 іюля въ Ужгородѣ, а 11 іюля въ Капушанахъ, въ 1415 г. 18 ноября Лелесѣ, 19 ноября въ Великомъ Тарканѣ, 21 ноября въ Ужгородѣ, въ 1429 же году апрѣля 13-го въ Собранцахъ, 14 въ Ужгородѣ, а 16 въ Капушанахъ и т. д.[1]). Помѣщики развитію промысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговли, препятствій не ставили, а впослѣдствіи въ соб-

[1]) Э. Маукшъ. — Изъ прошлого ужанской столицы — стр. 74 и 99.

ственныхъ интересахъ даже ему способствовали, ибо отъ этого поднималось благосостояніе и тѣмъ самымъ платежеспособность ихъ подданныхъ.

Торговля обуславливаетъ хорошія комуникаціонныя линіи, поэтому уже въ тѣ отдаленныя времена вдоль подножья Карпатъ вела шоссейная дорога — «strata publica, — соединявшая Ужгородъ съ Михайловцами черезъ Тибаву — Собранцы, т. е. вела черезъ тѣ же селенія, что и въ наше время. Это подтверждается многими древними документами: „. . . per quandam puplicam (sic) stratam que de Vnguar ducit in Tyboua... A. D. 1284...“ (Sztáray oklt. I. 31), далѣе „. . . qua itur de annotata villa Tyba versus villam Naghmihaly,.. iungit quandam viam, qua itur versus villa Petrouch a D. 1336...“ (Sztáray oklt. I. 104—114).[1])

По вышеприведеннымъ выдержкамъ видно, что отъ главной шоссейной дороги шли развѣтвленія также по сторонамъ. Такая же, должно быть, дорога вела черезъ Середнее въ сторону Мукачева и дальше на Востокъ.

Черезъ нашъ край велась оживленная торговля съ сосѣдней Русью (Галицкой). Въ этомъ отношеніи любопытно извѣстіе грамоты 1214 г., которой Болѣславъ, епископъ Вацовскій, даетъ основанному имъ Лелесскому премонтрейскому монастырю, между про-

[1]) Д-ръ В. Гаджега. — Додатки..., Науковый сборник Просвѣты, III—232—

чимъ, «praedium Zoluntha, quod tempore regis Emerici» (1196—1205) «emerat totaliter cum habitatoribus et terra — a quibusdam mercotoribus, de Russia venientibus[1]), т. е. отъ купцовъ изъ Россіи приходящихъ.

Заграничная торговля на сѣверо-востокѣ велась главнымъ образомъ черезъ «Русскія Ворота» (у Верецкихъ) и «Угорскія Ворота» — «magna porta Galicie, que vocatur Ungarica» (Лупковскій перевалъ), такъ какъ перевалъ Ужоцкій (Сянки-Волосянка), имѣющій чрезвычайно крутой спускъ на югъ, былъ въ то время неудобопроходимъ или даже почти непроходимъ.

Помянутый Лелесскій премонтрейскій конвентъ былъ долгое время ближайшимъ присутственнымъ мѣстомъ (locus credibilis), передъ которымъ производились всякаго рода юридическіе акты, заключались сдѣлки, велись споры, разводы, заключались мировыя и т. п., поэтому архивъ ордена премонтрейцевъ (по общежитейскому «бѣлыхъ поповъ») въ Лелесѣ у Королевскаго Холмца, насчитывающій свыше 30.000 къ сожалѣнію большей частью неопубликованныхъ документовъ, содержитъ неоцѣнимый кладъ для исторіи нашей области.

Ужгородъ, какъ резиденція выдающагося боярскаго рода, былъ, несмотря на ничточность своего подградья, все же важнымъ мѣстомъ. Въ немъ имѣлся цѣлый рядъ, по

[1]) Д-ръ Петровъ — Древнѣйшія Грамоты и т. д. 13.

тогдашнему времени весьма важныхъ учрежденій. Такъ согласно грамоты эрлавской капитулы 1284 г. ужгородскій священникъ по имени Стефанъ (Stephanus sacerdos de Ungwar), выступаетъ вмѣстѣ со священниками капушанскими, чичерскимъ и тибавскимъ въ качествѣ свидѣтеля при заключеніи одной сдѣлки[1]). Разъ въ Ужгородѣ былъ въ то время священникъ, стало быть, былъ и приходъ.

Въ XIV. столѣтіи въ Ужгородѣ имѣлся же архидіаконатъ, что подтверждается грамотами отъ 2 апрѣля 1352 г. и 20 апрѣля 1352 г., въ которыхъ упоминается нѣкто «Petrus archidiaconus de Hvngh (Vngh[2]).

Существованіе въ Ужгородѣ съ давнихъ поръ школы подтверждается косвенно грамотой 1400 г., въ которой упоминается нѣкто Иванъ, ректоръ школы города Ужгорода — Iohannes, Alias rector scole opidi Hwngwar.[3]). Въ тѣ отдаленныя времена темнаго средневѣковья даже начальная школа, каковой должно быть была и ужгородская, была рѣдкостнымъ явленіемъ вообще, тѣмъ болѣе въ глухой пограничной провинціи. Наличіе въ Ужгородѣ даже самой примитивной школы нужно считать обстоятельствомъ первостепенной важности, имѣвшемъ громаднѣйшее и благотворнѣйшее значеніе среди всеобщаго невѣжества и неграмотности. Вѣдь

[1]) Sztáray oklt. I., 31.
[2]) Anjoukori okm.-tár V. 566, 573.
[3]) Századok 1871. стр. 585 и сл.

въ тѣ времена даже самъ правитель Венгріи, прославленный Иванъ Гуняди (1446—1456) былъ неграмотенъ. — Неграмотны были въ концѣ XV. вѣка также воевода (князь) семиградскій Степанъ Баторій и много другихъ бояръ (— scribere ignorant)[1]).

Въ 1384 г. Владиславъ Другетъ, Горянскій, третій сынъ Ивана (II), учредилъ въ Ужгородѣ Павлинскій монастырь св. Тѣла Христова надѣливъ его землей, виноградниками и рыбниками. — Точное мѣстораспоженіе монастыря покамѣстъ еще не установлено. По нѣкоторымъ даннымъ монастырская обитель находилась гдѣ-то у южнаго рва замка. Монастырскіе виноградники и рыбники находились въ Ужгородѣ и Горянахъ. — Въ Ужгородѣ имѣется возлѣ Собранецкой улицы мѣсто, называемое до сихъ поръ рыбникомъ (Halastó) въ Горянахъ же по сохранившимся насыпямъ можно точно установть и нынѣ еще мѣстораспоженіе бывшаго пруда. — Со временемъ монастырь пересталъ существовать. — Точное время прекращенія его существованія пока не установлено, несомнѣнно. однако, что въ началѣ XVII вѣка уже не существовалъ, ибо принадлежавшіе ему виноградники, называвшіеся «монашескими» (Baráthszőlő), были грамотой отъ 2. VII. 1615 г. пожалованы Юріемъ Другетомъ

[1]) Kaprinai — Hungaria Diplomatica Pars I. 51.

Гуменянскимъ іезуитамъ[1]). Въ серединѣ XVIII. столѣтія существовали еще развалины монастыря[2]). Монастырь этотъ былъ учрежденъ несомнѣнно съ миссіонерской цѣлью, а именно для распространенія среди русскаго населенія латинизма, что впрочемъ во времена господства пресловутаго принципа: cuis regio, eius religio» (чья власть, того и религія), и не было очень ужъ трудной задачей. — Иначе нельзя объяснить учрежденіе цѣлаго монастыря въ селеніи съ ничтожнымъ количествомъ жителей, въ которомъ кромѣ того уже съ давнихъ поръ имѣлся приходской священникъ, который ввиду немногочисленности ввѣренной ему паствы, должно быть, и самъ, безъ посторонней помощи, легко справлялся съ возложенными на него духовными обязанностями. Правильность сего предположенія подтверждается косвенно многими старыми документами, свидѣтельствующими о томъ, что послѣ воцаренія Анжуйцевъ отношеніе властей къ Восточной церкви рѣзко измѣнилось къ худшему. —

Такъ согласно грамоты 1340 года нѣкто Николай Перень, владѣлецъ «villae de sancta Cruce» (кажется село Бодрогъ-Керестуръ, гдѣ впослѣдствіи и былъ построенъ монастырь) желаетъ основать монастырь для

---

[1]) Эдм. Бланарь — Трехсотлѣтіе ужгородской гимназіи, стр. 24.

[2]) Bombardi: Topographia Hungariae — Viennae, 1750 Pag.

предохраненія своихъ крѣпостниковъ отъ вреднаго вліянія окружающихъ русаковъ, «которые суть раскольники: «praesertim cum ipsi populi habeant iuxta se Ruthenos, qui sunt schismatici». — Еще болѣе убѣдительна въ этомъ отношеніи грамота 1471 года, въ которой, между прочимъ, говорится, что кардиналъ Маркъ высылается къ королю Матвѣю Корвину уговорить его «praefatos hereticos Ruthenos reducendi aut exterminandi et penitus delendi in Hungaria, omnesque ex singulos Ruthenos ex quosvis alios, undecunque originem traxerint»[1]), т. е. «ускоренить и истребить въ Венгріи до тла всѣхъ русскихъ еретиковъ, въ отдѣльности каждаго и всѣхъ въ совокупности, откуда бы они ни происходили».

При лучшемъ желаніи нельзя утверждать, чтобы совѣтъ сей былъ особенно проникнутъ христіанской любовью. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ неудивительно, что русская вѣра, а вмѣстѣ съ нею и неотдѣлимая отъ нея русская народность, тутъ на юго-западной окраинѣ русской этнографической территоріи постепенно уступала въ неравномъ бою передъ напоромъ воинствующей латинской церкви (ecclesiae militantis).

Нельзя не отмѣтить, что въ 1456 году въ Ужгородѣ имѣлся монетный дворъ, о чемъ упоминаетъ, безъ указанія, однако, источни-

[1]) Д-ръ Ядоръ Стрипскій — Гдѣ документы... стр. 22-23.

Гр. Юрій (III) Другетъ (1583—1620).
(Оригиналъ въ гимназіи.)

Гр. Іоаннъ (X) Другетъ.

ка, Эрнестъ Маукшъ въ своемъ трудѣ: «Изъ прошлаго ужанскаго жупаната» — стр. 104. — Не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ не казенный, а помѣщичій, слѣдовательно частный, монетный дворъ, на которомъ, должно быть, чеканилась сомнительнаго качества монета, такъ какъ изъ Другетовъ многіе были вообще фальшивомонетчики. — Между прочимъ такой монетный дворъ, гдѣ ими чеканились поддѣльныя монеты, находился въ XV—XVI. вѣкахъ въ ихъ ясеновскомъ замкѣ близь Гуменнаго[1]).

Денежная система тогдашнихъ временъ была очень сложная и неустойчивая, ввиду чего въ 1342 году была урегулирована Карломъ Робертомъ, введшимъ золотую валюту. — Нововведенная золотая монета имѣла форму и стоимость флорентинской, откуда и получила названіе «флоренъ» (florenus-forint), сохранившееся въ мадьярскомъ простонародіи до нашихъ дней, хотя обозначаемая имъ первоначально золотая монета превратилась впослѣдствіи въ серебряную. — Четыре флорена равнялись одной серебряной гирѣ (1 гиря (gira) = прибл. $^1/_2$ кг, 100 гирь =125 фунтовъ. Одна золотая марка равнялась **72 флоренамъ золотомъ.**[2]) Одинъ флоренъ состоялъ изъ 90 серебряныхъ динаровъ (dinarius), а 6 динаровъ составляло 1 грошъ.— Видно

[1]) Вл. Рѣзъ — Другеты и Гуменное, стр. 40 и 65.
[2]) Adalékok Zemplén vm. tört. 134.

стоимость гроша, вошедшаго впослѣдствіи изъ-за своей малоцѣнности въ поговорку, была первоначально не такъ ужъ ничтожна.

Устойчивость денежной системы послѣ валютной реформы Карла Роберта продолжалась, однако, не долго, причиной чего были прежде всего злоупотребленія самихъ же властей и отдѣльныхъ монетныхъ дворовъ, выпускавшихъ часто монеты разной стоимости, иногда даже плохокачественныя съ примѣсью недопустимаго количества неблагородныхъ металловъ. — Такъ были гроши будинскіе, пятикостельскіе, чешскіе; динары будинскіе, острихолмскіе, кошицкіе, регенсбургскіе и т. д., при чемъ, конечно, стоимость ихъ была разная. — Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть, что кромѣ вышеперечисленныхъ денежныхъ единицъ, находились въ обращеніи также разныя марки, пензы (отсюда чеш. penize и мадь. pénz) и т. д. — Этотъ валютный хаосъ увеличивали еще поддѣльныя монеты, выпускаемыя разными своевольными олигарфіами, бывшими часто сильнѣе и богаче самого короля.

О покупной силѣ тогдашнихъ денегъ можно судить приблизительно по сдѣлкѣ, въ силу которой Власій Бокша, Лелесскій пробостъ (протопопъ) въ 1452 году пріобрѣлъ въ Маломъ и Великомъ Агардѣ 824 угра (jugerum), т. е. около 400 десятинъ или гек-

гаровъ пахотной земли за 400 серебряныхъ флореновъ[1]).

Плотность населенія въ нашей области была въ началѣ XV. вѣка очень незначительна. Весьма цѣнныя данныя содержитъ въ этомъ отношеніи податной списокъ 1427 г. (conscriptio dicalis) согласно котораго въ 205 селеніяхъ ужанской жупы имѣлось 2605 тягловыхъ дворовъ или осѣдлостей[2]). Если считать въ среднемъ по 5 душъ на дворъ, то населеніе жупаната, считая въ томъ также принадлежащіе нынѣ къ Словакіи западные округа, вмѣстѣ съ дворянствомъ и войскомъ не могло превышать 15.000 душъ. Такимъ образомъ въ наше время плотность населенія, примѣрно, въ 15 разъ больше, чѣмъ тогда. Поражаетъ при томъ, что на ужанской верховинѣ (горной области) по списку значатся только два села, а именно Великое Березное и Малое Березное (utraque Berezna) изъ коихъ въ первомъ имѣлось 33, а во второмъ 25 тягловыхъ осѣдлостей, что по тогдашнему времени было сравнительно много.

Изъ упомянутаго списка слѣдовало бы, что верховье Ужа было въ то время въ сущности необитаемо. Не надо, однако, упускать изъ виду, что въ пограничной полосѣ Лѣсистыхъ Карпатъ существовало съ вѣдома и

---

[1]) Эр. Маукшъ — Изъ прошлаго ужанскаго жупаната, стр. 100.

[2]) Д-ръ Дезид. Чанки. — Историческая географія Венгріи во время Гунядовцевъ. I. 384 и сл.

без ъвѣдома властей рѣдкое русское пастушеское населеніе, которое желая избѣжать крѣпостной зависимости и обложенія налогами, находилось въ постоянномъ движеніи. Часто даже осѣдлое населеніе покидало свои насиженныя мѣста и передвигалось подальше отъ властей, чтобы оставаться, такимъ образомъ, свободнымъ.

Иногда крестьяне уходили только на время переписи (donec scilicet dicatio peragatur), часто даже съ вѣдома и согласія помѣщика, чтобы не попасть въ податной списокъ и не быть такимъ образомъ, облагаемыми государственными данями[1]). Явленіе это, продолжавшееся до конца XVIII. вѣка, подтверждается многими документами. Такъ, лежащее гораздо сѣвернѣе В. Березнаго село Кострина, которое на помянутомъ спискѣ 1427 года не значится, упоминается въ болѣе ранней грамотѣ 1409 года[2]).

Нельзя все же предполагать, чтобы большія массы населенія могли подобнымъ образомъ долго скрываться.

Послѣ смерти польскаго короля Казимира (1370), его племянникъ, Людовикъ Анжу, прозванный Великимъ, объединилъ согласно заключенному въ свое время договору подъ своимъ скипетромъ Венгрію и Польшу. Послѣ его смерти (1380), однако, его громадная

[1]) Д-ръ Петровъ. — Древнѣйшія грамоты, стр. 85.

[2]) Sztráray okltr. II. 76.

держава снова раздвоилась. Польша досталась его младшей дочери Ядвигѣ, вышедшей замужъ за литовскаго князя Ягайла, принявшаго по сему поводу крещеніе. Венгрію унаслѣдовала старшая дочь Людовика, Марія, вышедшая замужъ за Сигизмунда Люксембургскаго, впослѣдствіи нѣмецко-римскаго императора, который вопреки данному слову допустилъ сожженіе констанцкимъ соборомъ обвиненнаго въ ереси Яна Гуса, профессора пражскаго университета (1415) отчего и вспыхнули такъ наз. гуситскія войны.

Послѣ этого пути Венгріи и Польши надолго расходятся. Польша отвлекается въ сторону Востока, а Венгрія всецѣло поглощается борьбой съ надвигавшейся на нее грозной турецкой опасностью, а также съ гуситами, захватившими всю Словакію вплоть до Михайловецъ и Винной, борьба съ которыми продолжалась добрую полсотню лѣтъ, пока не были окончательно истреблены (1466).

Послѣ Анжуйцевъ на венгерскомъ тронѣ смѣнилось нѣсколько династій; между ними Гунядовцы-Корвины, подъ властью которыхъ Венгрія достигаетъ высшей точки своего могущества и становится великой державой. Но это была только вспышка кометы. Послѣ смерти самаго выдающагося изъ Гунядовцевъ, Матвѣя Корвина (1458—1490), захватившаго даже Вѣну, на венгерскій престолъ былъ умышленно избранъ тяготивши-

мися сильной властью Матвѣя боярами, чешскій король Владиславъ изъ дома Ягайловичей, извѣстный своей слабостью. За свою безвольность онъ былъ прозванъ Владиславомъ «Добже», такъ какъ онъ со всѣми соглашался и на все отвѣчалъ „dobrze„ (добрѣ). Подъ его безалаберной властью весь государственный организмъ разложился. Шляхта вымогла себѣ по образцу польскому въ ущербъ государственной и королевской власти полнѣйшую вольность. За всѣ преимущества, предоставляемыя ей въ ущербъ другихъ сословій единственной ея повинностью было защищать государство. Однако шляхта даже отъ нея отказалась. Ввиду надвигавшейся турецкой опасности пришлось поэтому объявить среди крестьянъ крестовый походъ.

Тягловые крестьяне, желая избавиться отъ невыносимаго помѣщичьяго гнета и барщины, толпами валили подъ крестовыя знамена. Въ скоромъ времени собралось около 40.000 вооруженныхъ, чѣмъ попало крестоносцевъ. Назывались они отъ латинскаго слова crux, что по русски значитъ крестъ, изображеніе котораго носили въ видѣ нашивки, «куруцами». Движеніе стало принимать такіе размѣры, что дворянство, опасаясь лишиться значительной части рабочей силы, стало крестьянъ силой удерживать, не стѣсняясь при томъ средствами. Это настолько разъярило куруцевъ, что вмѣсто похода

противъ турокъ, они обратились противъ дворянъ. Началось всеобщее возстаніе крестьянъ, сопровождавшееся страшными опустошеніями и поголовнымъ истребленіемъ дворянъ.

Только послѣ жестокой борьбы удалось подавить возстаніе крестоносцевъ-куруцевъ. Съ тѣхъ поръ стали называть повстанцевъ обыкновенно куруцами.

Послѣ подавленія возстанія начались кровавыя расправы. Предводитель возстанія, Юрій Дожа, прозванный «мужицкимъ королемъ», былъ нагишемъ посаженъ на раскаленный желѣзный тронъ и форменнымъ образомъ испеченъ. Изъ полуизжареннаго его тѣла щипцами вырывали куски мяса и кормили ими его же плѣнныхъ товарищей, изморенныхъ предварительно голодомъ.

Воистину сатанинская месть!...[1]).

Разыгралась эта кровавая трагедія въ 1514 году. Въ наказаніе за возстаніе тягловые крестьяне были лишены права вольнаго перехода, чѣмъ завершено было ихъ окончательное закрѣпощеніе, то есть прикрѣпленіе къ землѣ, а кромѣ того введены нѣкоторые новые поборы.

Прикрѣпленіемъ къ землѣ крестьянства завершилось вмѣстѣ съ тѣмъ также разложеніе государства, которое подавляющее большинство своего населенія превратило такимъ образомъ въ рабовъ, интересы которыхъ стали расходиться съ существующимъ

[1]) М. Горватъ. Исторія Венгріи. III. 315.

правопорядкомъ, иными словами съ интересами угнетающаго ихъ государства. Крестьянство погрузилось въ полуживотное состояніе, мѣтко, хотя и злостно, выраженное въ возникшемъ немного позже двустишіи: „Rusticus est quasi Rind, Nisi quod sibi cornua desint“ что по русски значитъ: «Мужикъ — все равно, что скотъ, только безрогій».

Наказаніе за все содѣянное не заставляло себя долго ждать. Въ 1526 году 29. августа мадьярское войско потерпѣло отъ турокъ страшное пораженіе у Мохача, положившее конецъ не только мадьярскому великодержавію, но и самостоятельности.

Послѣ Мохачскаго побоища, въ которомъ погибъ и юный король Людовикъ II, Венгрія раскололась на двѣ части. — Узкая пограничная полоса на западѣ съ главнымъ городомъ Братиславой досталась Фердинанду Габсбургу, шурину погибшаго короля, избранному такъ наз. «нѣмецкой» партіей. Остальная Венгрія избрала себѣ въ короли мечтавшаго уже съ дѣтства о коронѣ семиградскаго воеводу, Ивана Запольскаго, прозваннаго — навѣрное изъ-за своего происхожденія «славонскимъ» королемъ (tót király[1]). Такъ какъ оба они считали другъ друга узурпаторами и самозванцами и претендовали на всю недѣлимую Венгрію, то между ними тутъ же завязалась упорная борьба, кончившаяся полнымъ пораженіемъ Іоанна За-

[1]) Acsády Ig. Magy. Nem. Tört. 141.

польскаго, который принужденъ былъ бѣжать въ Польшу. Въ дѣло вмѣшался, однако, турецкій султанъ, Сулейманъ II. при помощи котораго Запольскій отвоевалъ обратно свое королевство и удержалъ его до самой смерти, какъ турецкій вассалъ.

Другеты, въ теченіи полутораста лѣтъ занятые почти исключительно устройствомъ своихъ огромныхъ владѣній, начинаютъ въ это время вновь появляться на аренѣ исторіи. Сначала они принимаютъ сторону Іоанна Запольскаго, въ которомъ они, какъ и большинство мадьяръ, видѣли, въ противоположность Фердинанду, своего національнаго, мадьярскаго короля, съ которымъ, кромѣ того, находились въ родствѣ. Неотступнымъ его сторонникомъ до конца былъ особенно спасшійся бѣгствомъ изъ Мохачскаго погрома Францъ II, шаришскій наджупанъ, котораго за оказанныя ему услуги Іоаннъ назначилъ государственнымъ казначеемъ и ужгородскимъ графомъ. Съ тѣхъ поръ сталъ, кажется, и весь родъ Другетовъ пользоваться графскимъ титуломъ. Скоро, однако, большинство Другетовъ приняло сторону Фердинанда, вслѣдствіе чего между ними началась братоубійственная борьба, въ результатѣ которой самый ярый сторонникъ Фердинанда, Степанъ, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ къ своему покровителю въ Вѣну. Тамъ у него родился сынъ, Николай, крестнымъ отцомъ котораго былъ самъ Фер-

динандъ, пожаловавшій младенцу въ качествѣ крестильнаго подарка санъ земплинскаго наджупана[1]).

Послѣ смерти Запольскаго (1540) Венгрія распалась на три части. Срединную равнинную часть съ главнымъ городомъ Будинымъ захватили турки. Узкая западная пограничная полоса и сѣверо-западное нагорье осталось за Габсбургами, которые, однако, должны были платить султану крупную годичную дань.

Изъ Трансильваніи и прилегающихъ къ ней областей образовалось Семиградское княжество (vaivodatus seu ducatus Transylvaniae), которое въ свою очередь находилось въ вассальной зависимости какъ отъ султана, такъ и Габсбурговъ.

Граница между этими бывшими составными частями Венгріи постоянно мѣнялась въ зависимости отъ военнаго счастья. Въ нашей области, поперемѣнно переходившей отъ Габсбурговъ къ Трансильваніи и наоборотъ[2]), можно сказать, ни вѣнская власть, ни семиградская ничѣмъ въ сущности себя не проявляли. Власть, собственно, находилась въ рукахъ нѣсколькихъ мѣстныхъ боярскихъ родовъ, противъ которыхъ центральныя власти были не только безсильны, но даже въ перегонку заискивали передъ ними, стараясь ихъ всячески склонить на свою сторону.

---

[1]) Вл. Резъ. Другеты и реформація Гуменнаго. 50.
[2]) См. законы №. 57 съ 1548 г. и 59 съ 1550 г.

Всеобщая анархія увеличивалась еще тѣмъ, что на окраинахъ, каковой была и наша область, шла, несмотря на временныя перемирія, непрерывная война, въ которой дѣятельное участіе принимали также мѣстные олигархи, взаимно разорявшіе другъ друга. Немалую роль играла при томъ родовая вражда. Такъ, напримѣръ, два самыхъ знатныхъ рода нашей области, Другеты и Великомихайловскіе (впослѣдствіи Старайскіе), жившіе другъ съ другомъ бокъ о бокъ три съ половиной вѣка, даже ни разу между собой не породнились.

Междуусобица сопровождалась неимовѣрными жестокостями и страшными опустошеніями, отъ которыхъ больше всего страдали крѣпостные, которыхъ, какъ единственную и при томъ безплатную рабочую силу, считали въ то время главной основой богатства. Поэтому въ первую очередь грабились и разорялись, а нерѣдко даже просто избвались или уводились въ рабство, крѣпостные противника. Недаромъ создалась въ тѣ времена пословица: «паны дерутся, а у мужиковъ чубы трещатъ».

О границахъ въ современномъ смыслѣ слова не могло быть въ то время, конечно, и рѣчи. Были области, въ которыхъ мужики служили и туркамъ и семиградцамъ и даже приверженцамъ Габсбурговъ. Объ этомъ нагляднѣе всего свидѣтельствуетъ законъ № 3 съ 1567 года, который дословно гласитъ:

«Caeterum coloni, qui in duas partes serviunt, atque Turcis et Transylvanis, et fidelibus maestatis pendunt...»

При такихъ условіяхъ мужику ничего другого не оставалось, какъ самому становиться разбойникомъ и грабить тѣхъ, которые раньше его грабили. Такой разбойникъ назывался «гайдукъ», что является видоизмѣненіемъ русскаго названія «гайдамакъ», или наоборотъ. Гайдуки или гайдамаки, изъ которыхъ со временемъ развилось своего рода вольное казачество, сыграли впослѣдствіи весьма важную историческую роль.

Въ зависимости отъ того, чью власть признавалъ надъ собой въ данной области тотъ или другой знатный родъ, дробились и комитаты, между ними и ужанскій, о чемъ свидѣтельствуетъ законъ № 48 съ 1545 г., постановившій, что фрагменты его должны быть возсоединены подъ властью одного жупана.

Въ эти ужасныя времена непрерывнаго разбоя, вѣроломства, предательства и междуусобицы, когда въ полномъ смыслѣ слова велась война всѣми противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes), говорить о какомъ либо правовомъ или общественномъ порядкѣ было бы полнѣйшей безсмысленностью. Въ относительной безопасности могъ себя чувствовать только тотъ, у кого были крѣпкіе замки и надежное войско. Не удивительно поэтому, что замкамъ удѣлялось въ то

время не только самими владѣльцами, но и государствомъ особое вниманіе.

Для укрѣпленія окраинныхъ замковъ была законодательнымъ порядкомъ введена рабочая повинность. Закономъ № 6 съ 1557 г. было уложено: «ut ad munitionem locorum finitimorum coloni omnium dominorum, ac nobilium ad laborandum, gratis per sex dies dimitantur», что по русски значитъ: «чтобы для укрѣпленія окраинныхъ мѣстъ мужики всѣхъ бояръ и дворянъ были посланы на безплатную шестидневную работу», при чемъ §-мъ 3. того же закона было постановлено, что рабочіе (laboratores) изъ Ужанскаго, Земплинскаго и Шаришскаго комитатовъ должны быть посланы къ Кошицамъ (ad Cassoviam).

Закономъ № 25 съ 1559 г. было постановлено, что «Comitatus Ungh (exeptis pertinentiis arcis Szerednye) laboratores suos ad Unghvar mittat», то есть что «Комитатъ Ужанскій (за исключеніемъ принадлежностей Середнянскаго замка), своихъ рабочихъ долженъ послать къ Ужгороду».

Первоначальный шестидневный срокъ рабочей повинности былъ впослѣдствіи повышенъ на двѣнадцатидневный (gratuitus labor dierum duodecim). Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, законъ № 17 съ 1567 г., въ §-ѣ 16-омъ котораго содержится постановленіе, предписывающее Ужанскому

комитату отправить своихъ рабочихъ на этотъ разъ тоже къ Ужгороду.

Какъ видно, Ужгородскій замокъ, хотя и былъ частной собственностью Другетовъ. какъ важная окраинная крѣпость, имѣвшая значеніе также для общегосударственной обороны, сталъ частично содержаться общественными средствами.

Приблизительно въ это же время Ужгородъ, какъ крѣпость, опять начинаетъ играть роль. — Въ 1564 году осаждалъ его семиградскій господарь, Іоаннъ Сигизмундъ, сынъ Іоанна Запольскаго, однако, ему не удалось взять замокъ[1]).

Въ зависимости отъ развитія военной техники ужгородскій замокъ долженъ былъ постоянно перестраиваться и усовершенствовывать свои оборонительныя сооруженія, дабы таковыя не устарѣли. Въ концѣ XVI. вѣка. должно быть, тоже подвергся основательной перестройкѣ; это можно заключить по датѣ «1598», которой помѣченъ главный входъ центральнаго зданія.

Къ политической раздробленности и общественной разрозненности того времени въ довершеніе всеобщаго смятенія прибавилась еще возникшая накнунѣ распаденія Венгріи религіозная борьба, наложившая свою неизгладимую печать на всю тогдашнюю эпоху.

---

[1]) А. Феньешъ — Географическій словарь Венгріи — 1851 г. т. II.

Въ началѣ XVI. вѣка Европа была охвачена глубочайшимъ нравственнымъ кризисомъ, выразившимся въ великихъ религіозныхъ движеніяхъ, извѣстныхъ подъ общимъ своднымъ названіемъ реформаціи, подъ знакомъ которой проходитъ весь XVI. вѣкъ. — Началась она съ историческаго выступленія монаха-августинца, Мартина Лютера, въ 1517 году въ нѣмецкомъ городѣ Виттенбергѣ противъ нѣкоторыхъ догматовъ римской церкви. — Почти одновременно съ нимъ выступило еще нѣсколько другихъ реформаторовъ, изъ коихъ самый извѣстный швейцарскій французъ, Иванъ Кальвинъ.

Новыя ученія сразу же проникли и въ Венгрію. Встревоженныя быстротой ихъ распространенія власти стали ихъ послѣдователей круто преслѣдовать. Уже въ 1523 году былъ сеймомъ изданъ законъ № 54, вмѣнившій королю въ обязанность всѣхъ лютеранъ и ихъ покровителей, какъ публичныхъ еретиковъ, казнить и лишить имущества. Эта крутая мѣра, должно быть, не подѣйствовала, такъ какъ два года спустя былъ изданъ еще болѣе жестокій законъ, постановившій просто: „lutherani comburantur!“ т. е. «лютеране должны быть сожжены!.

Все это, однако, не помогло. — Протестантизмъ распространялся съ такой стремительной быстротой, что послѣ распаденія Венгріи, скоро оказался въ перевѣсѣ, а въ

[1]) Corpus juris Hungarici — art. 4. ai. 1525.

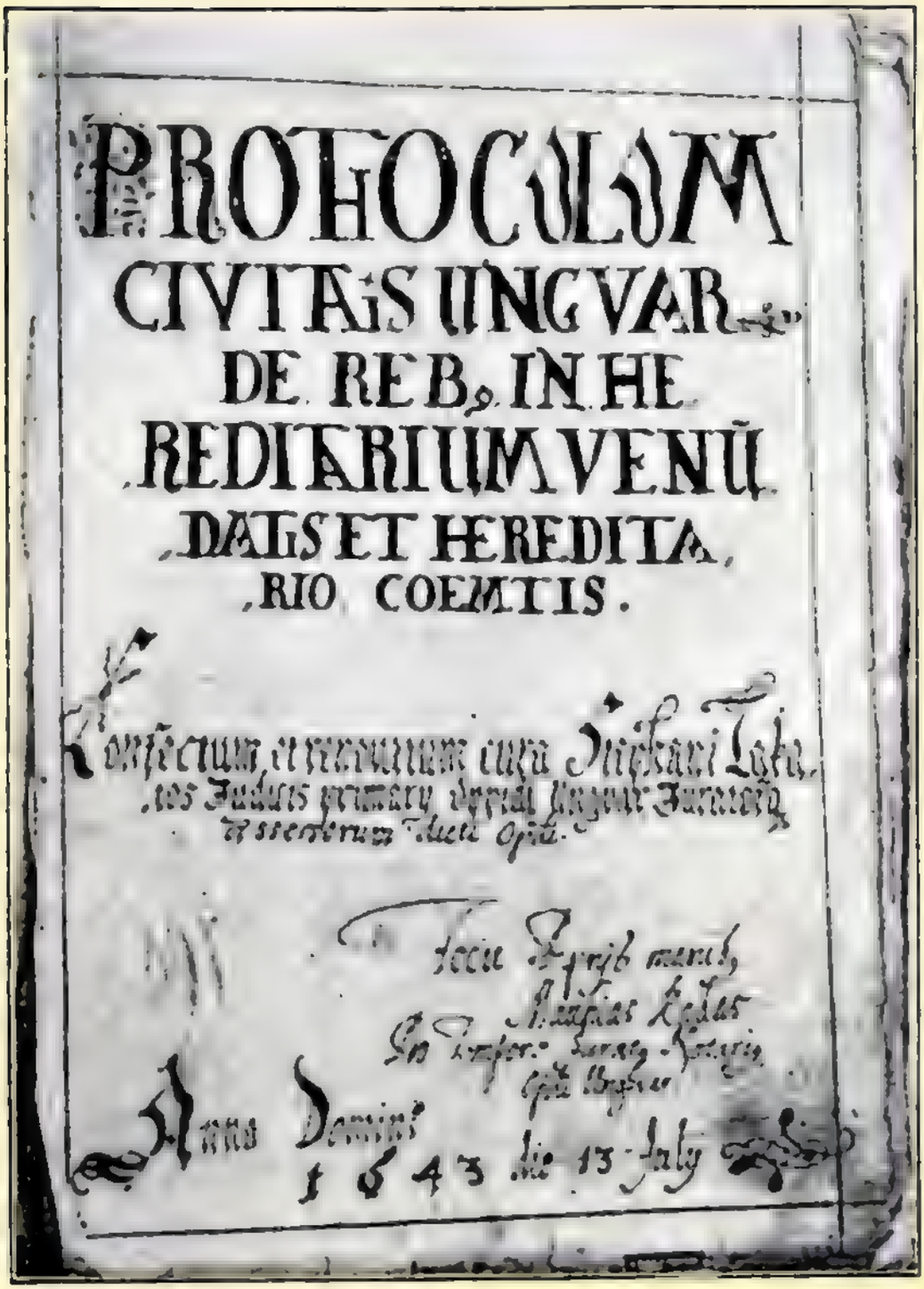
Семиградіи занялъ даже господствующее положеніе.

Распространенію протестантизма, кромѣ наступившей послѣ развала Венгріи анархіи, немало способствовали турки, по политическимъ соображеніямъ, враждебно относившіеся къ католицизму, главными покровителями котораго были Габсбурги.

Среди словаковъ и нѣмцевъ распространилось преимущественно лютеранство, прозванное поэтому «нѣмецкой вѣрой». — Мадьярское населеніе приняло главнымъ образомъ кальвинство, которое до сихъ поръ считается «мадьярской вѣрой».

Въ своемъ побѣдоносномъ шествіи протестантизмъ не могъ оставить Ужгородъ въ сторонѣ. Помѣщики его, Другеты — Гуменянскіе, скоро приняли ученіе Кальвина. — Въ тѣ времена господствовалъ пресловутый принципъ: „cuius regio, eius religio“, т. е. «кому принадлежитъ власть, тому и религія». На практикѣ это обозначало, что если помѣщикъ перемѣнилъ религію, то его примѣру должны были слѣдовать также его крѣпостные, если онъ этого, конечно, потребовалъ. Благодаря этому съ переходомъ Другетовъ въ кальвинство, немногочисленное въ то время населеніе Ужгорода, состоявшее сплошь изъ крѣпостныхъ, поневолѣ должно было принять также новую вѣру.

Католическій приходъ былъ упраздненъ, а его имущество перешло къ реформатамъ.


PROTOCOLUM
CIVITATIS UNGVAR
DE REB. IN HE
REDITARIUM VENU
DATIS ET HEREDITA
RIO COEMTIS.

Anno Domini
1643 die 13 July

Заглавный листъ книги наслѣдственныхъ дѣлъ.

Казни невѣтащевъ въ Оравскомъ Подградѣ въ 1672 г.

О новой церкви Другеты щедро заботились, о чемъ свидѣтельствуетъ дарственная грамота съ 1589 г., которой установлены были доходы пастора и учителя — кантора. Ужгородъ сталъ однимъ изъ очаговъ новаго ученія, откуда оно распространялоось по всей провинціи. Къ Ужгороду, какъ главному приходу, принадлежал и такіе дочерніе приходы, какъ Каменица, Невицкое, Доманинцы, Гусакъ, Петровцы, Ярокъ, гдѣ сегодня можно сказать и помину нѣтъ реформатамъ[1]).

Католичество, однако, по своему существу воинственное, своихъ позицій безъ боя не сдавало. — Началась жестокая религіозная борьба, заполнившая исторію добрыхъ двухъ столѣтій. Нѣтъ злодѣянія, которое бы не было совершено во имя вѣры, или же не было бы ею прикрывалось. Къ политической, родовой, сословной и національной враждѣ прибавилась еще и религіозная. Взаимное истребленіе и разореніе, причиненныя всѣми этими компонентами, достигли такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что людоѣдство стало всеобщимъ явленіемъ. — Человѣческое мясо даже публично продавалось въ лавкахъ[2]).

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ прибавились еще непрерывные разбои гайдуковъ и не получавшихъ жалованія войскъ, а также частые наѣзды татаръ и турокъ. — Въ результатѣ всего этого получилось страшное опу-

[1]) Mészáros K. Ungvár tört. 67—70.
[2]) Acsádi — Magyar nemzet tört. 564.

стошеніе. Такъ, напр., въ Земплинскомъ комитатѣ, гдѣ въ 1598 году, согласно подворной переписи, насчитывалось 10.293 двора, въ 1604 году было только 3019 въ Угочѣ, подвергшейся татарскому нашэду, количество дворовъ съ 2232 понизилось на 203 и т. д.[1]).

Русскаго народа реформація въ общемъ не коснулась. Онъ стойко держался своей прадѣдной вѣры, благодаря чему остался въ сторонѣ отъ кровавыхъ вѣроисповѣдныхъ распрей того времени, жертвой которыхъ пало несмѣтное количество жизней, вызванныхъ ими страшныхъ опустошеній и не считая.

Это обособленіе было русскому народу выгодно не только съ національной точки зрѣнія, но и съ матеріальной, такъ какъ своимъ священникамъ, которые были тоже крѣпостные, не долженъ былъ платить такъ наз. поповскую десятину (papi tized), т. е. десятую часть урожая и приплода скота.

Благодаря настоящему самоистребленію, инородцевъ и иновѣрцевъ, получившемуся въ результатѣ длительной религіозной борьбы, сопровождаемой также политической, уцѣлѣлъ карпаторусскій народъ. Они настолько были заняты своимъ взаимоистребленіемъ, что про него и забыли.

Уцѣлѣнію карпаторусскаго народа, лишеннаго почти всецѣло культурныхъ цент-

[1]) Acsádi — Magyar nemzet tört. 535—536.

тровъ, немало способствовало также учрежденіе во Львовѣ на основаніи грамоты Антіохійскаго патріарха Іоакима отъ 1. января ст. ст. 1586 г. существующаго понынѣ «Ставропигійскаго Братства», снабжавшаго въ теченіе сотенъ лѣтъ карпаторусскій народъ душевной пищей.

Въ концѣ XVI. вѣка казалось, что католичеству неминуемо наступитъ конецъ. Католическое населеніе даже въ Габсбургской Венгріи почти исчезло. — Въ то время въ королевской Венгріи и Семиградіи вмѣстѣ взятыхъ еле насчитывалось, включая сюда высшее и черное духовенство, 300 католическихъ духовныхъ лицъ, большинство которыхъ при томъ было женато. Соразмѣрно этому была и численность ихъ паствы.

Отъ окончательной гибели, однако, спасла католичество взаимная вражда лютеранъ и реформаровъ, на которой оно ловко сыграло. — Благодаря этому католичество не только не погибло, но скоро само перешло въ контръ-наступленіе. Оно нашло для этого сильную опору въ единовѣрныхъ Габсбургахъ, державшихъ въ своихъ венгерскихъ владѣніяхъ многочисленные иностранные гарнизоны, подъ прикрытіемъ которыхъ началась такъ наз. контръ-реформація, которой фактически руководили іезуиты, прослывшіе своимъ пресловутымъ принципомъ: «цѣль оправдываетъ средства!»

Противореформація сначала прикрыва-

лась политической закраской. Самые видные и богатые протестанты были обвинены въ государственной измѣнѣ и лишены имущества. Этимъ достигалась двойная цѣль, а именно: наполнялась казна, а что главное, протестантизмъ лишался своихъ вождей и покровителей. Между пострадавшими были также Валентинъ и Георгій Гуменянскій, у которыхъ, несмотря на ихъ особыя заслуги по оборонѣ государства противъ турокъ, въ которыхъ особенно отличились Валентинъ и его отецъ Степанъ, конфисковано было по современной расцѣнкѣ многомилліонное имущество[1]).

Первый открытый ударъ былъ направленъ на твердыню лютеранства — Кошицы. Дня 7 января 1604 года генералъ Бельгіоіозо, направивъ пушки на городскую управу, заставилъ городской совѣтъ выдать ключи собора, которые потомъ были переданы іезуитамъ, хотя населеніе города состояло сплошь изъ лютеранъ. Это былъ сигналъ, по которому началось всеобщее гоненіе на протестантовъ, священники которыхъ изгонялись, а церковное имущество захватывалось при помощи иностранныхъ гарнизоновъ католиками. Насиліе это, однако, кончилось постыднымъ пораженіемъ самихъ же насильниковъ. Вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго сталъ семиградскій бояринъ, Степанъ Бочкаи (Бочковскій), на сторону котораго перешли

[1]) Acsádi — Magyar nemzet tört. 571—572.

гайдуки, при помощи которыхъ быстро очистилъ Семиградію отъ наемныхъ королевскихъ войскъ, послѣ чего двинулся дальше на западъ, одерживая побѣду за побѣдой, пока его войска не докатились до границъ Австріи и не стали угрожать самой Вѣнѣ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ побѣдъ Бочкаи избирается сначала государемъ (princeps) Семиградіи, а потомъ и самой Венгріи. Его сторону принимаетъ также султанъ, а въ знакъ своей дружбы присылаетъ ему корону. При такихъ условіяхъ вѣнскому двору ничего другого не оставалось, какъ идти на уступки.

Послѣ длительныхъ перегоговоровъ 23. іюня 1606 года былъ подписанъ въ Вѣнѣ мирный договоръ, которымъ Степанъ Бочкаи былъ признанъ государемъ Семиградіи, границы которой продвинулись фактически до Токая и Кошицъ. Повстанцамъ была удѣлена полная амнистія, а конфискованныя имущества были возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ, въ томъ числѣ Валентину и Юрію Другетамъ.

Самымъ важнымъ достиженіемъ вѣнскаго мира нужно считать, однако, подтвержденіе свободы вѣроисповѣданія, хотя таковая признавалась только за свободными сословіями, къ которымъ принадлежали духовенство, паны (бояре), шляхта и мѣщане.

Храбрыхъ гайдуковъ, основное ядро которыхъ состояло изъ русскихъ, за оказанныя

ему услуги Бочкаи щедро наградилъ. Всѣмъ поголовно пожаловалъ дворянство и поселилъ ихъ на плодородныхъ земляхъ сѣверовосточнаго Потисья, гдѣ потомки ихъ живутъ понынѣ. Многіе изъ нихъ до сихъ поръ сохранили русскую вѣру. Степанъ Бочкаи, самымъ близкимъ человѣкомъ котораго былъ Валентинъ Другетъ, его главнокомандующій, намѣченный имъ себѣ въ наслѣдники, плодами своей побѣды, однако, долго не пользовался. Еще до подписанія мира, будучи отравленъ въ мѣсяцѣ маѣ 1606 года, послѣ продолжительной болѣзни умеръ въ Кошицахъ дня 29. декабря 1606 г.

Первая попытка протиреформаціи кончилась, такимъ образомъ, полнѣйшей неудачей. Это заставило католиковъ перемѣнить свою тактику. Они убѣдились, что однимъ насиліемъ имъ не побѣдить, поэтому подъ защитой иностранныхъ гарнизоновъ стали по городамъ учреждать іезуитскія школы, которыя въ первую очередь должны были стать разсадниками католицизма. Кромѣ того занялись усиленнымъ обращеніемъ протестантовъ посредствомъ живого слова и печати.

Во главѣ новаго движенія сталъ обращенный реформатъ Петръ Пазманъ, впослѣдствіи кардиналъ и острохолмскій митрополитъ. Это былъ талантливый и высокообразованный человѣкъ, которому въ короткое время удалось обратить въ католичество около 30 боярскихъ родовъ, чѣмъ оно полу-

чило въ Венгріи надъ протестантизмомъ перевѣсъ. Между обращенными имъ былъ Юрій (III) Другетъ, которому благодаря побѣдѣ Бочкаи возвращено было конфискованное имущество. Онъ принялъ католичество въ концѣ 1609 года[1]).

Послѣ своего обращенія Юрій Другетъ сталъ фанатическимъ католикомъ, питавшимъ смертельную ненависть къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ. Его религіозный фанатизмъ, который онъ завѣщалъ также своимъ потомкамъ, былъ главной причиной наступившаго въ концѣ XVII вѣка заката этого могущественнаго рода.

Другой современный ему представитель рода, его дядя Валентинъ, ближайшій соратникъ Бочкаи, оставался стойкимъ реформатомъ. Ему предстояла блестящая карьера, которая, однако быстро оборвалась. Въ концѣ 1609 года умеръ въ возрастѣ 32 лѣтъ съ признаками отравленія (cum suspicione veneni). Три года спустя, 16 марта 1612 года, былъ отравленъ его малолѣтній сынъ Степанъ. Наканунѣ этой трагедіи гостилъ у него его дядя Юрій (III), который черезъ три дня уже вступилъ во владѣніе Ужгородомъ[2]). Этимъ протестантская линія Другетовъ прекратилась.

Съ переходомъ Юрія Другета, ставшаго однимъ изъ вождей протиреформаціи, въ ка-

[1]) Réz. — A Drugethek és Homonna, — 87.
[2]) Réz. — A Drugethek és Homonna, — 84.

толичество, возобновилась религіозная борьба, въ которую былъ втянутъ на этотъ разъ уже и русскій народъ.

Въ 1613 году основалъ Юрій Другетъ въ Гуменномъ по указаніямъ Пазмана, ближайшимъ сотрудникомъ котораго онъ былъ, въ память своего обращенія іезуитскую коллегію, ставшую въ нашей области главной твердыней католицизма, которая возложенную на нее задачу, несмотря на всѣ невзгоды, блестяще исполнила.

Учредительной грамотой, данной въ Ужгородскомъ замкѣ (in aree nostra Unghvár) дня 2. іюля 1615 г., въ которой миссіонерское предназначеніе коллегіи опредѣленно подчеркивается, онъ щедро обезпечилъ въ матеріальномъ отношеніи учрежденную имъ институцію[1]).

Миссіонерство кончилось, однако, для него весьма печально. Скоро началась тридцатилѣтняя война, вспыхнувшая изъ-за притѣсненія протестантовъ. Къ противогабсбургскому блоку примкнулъ также семиградскій господарь Гавріилъ Бетленъ, питавшій къ Юрію Другету, который, какъ кандидатъ католиковъ на семиградскій престолъ, сдѣлалъ даже попытку свергнуть его, непримиримую личную вражду. Онъ отправилъ своего военачальника Юрія Ракоци спеціально для «навѣщенія» своего соперника. Юрій

[1]) Бланарь. — Трехсотлѣтіе ужгородской гимназіи. Стр. 22—25.

Другетъ принужденъ былъ бѣжать въ Польшу, гдѣ ему принадлежалъ замокъ Лезковъ. Въ Польшѣ онъ нанялъ казачій отрядъ, при помощи котораго въ концѣ ноября 1619 года застигнутаго имъ у Гуменнаго врасплохъ Юрія Ракоци разбилъ на голову. Это его, однако, не спасло, и въ концѣ концовъ онъ принужденъ былъ со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжать въ Польшу, гдѣ дня 21. іюня 1620 года, въ возрастѣ 38 лѣтъ скоропостижно умеръ, по нѣкоторымъ признакамъ будучи тоже отравленъ... Это былъ третій по счету представитель рода Другетовъ, умершій насильственной смертью отъ яда.

Его обширныя владѣнія были вторично конфискованы и только 10 лѣтъ спустя, послѣ смерти Бетлена (15. XI. 1629), были въ 1630 году возвращены его сыну Ивану, который объ этомъ самъ упоминаетъ въ данной имъ іезуитамъ дарственной грамотѣ[1]).

Трижды подымался семиградскій господарь Бетленъ на защиту свободы совѣсти. Союзниками его были, между прочимъ, и чехи, потерпѣвшіе 8 ноября 1620 года не безъ вины своихъ семиградскихъ союзниковъ[2]). на Бѣлой Горѣ у Праги то роковое пораженіе, которое ввергло народъ въ трехсотлѣтнее рабство.

Во время его походовъ, которые, кстати,

[1]) Бланарь. — Трехсотлѣтіе ужгородской гимназіи. Стр. 32.

[2]) Szilágyi. A magy. nemzet története. VI. 299.

были всѣ весьма удачны, изгонялись въ первую очередь іезуиты, считающіеся главными зачинщиками притѣсненій иновѣрцевъ. Бѣжали также іезуиты гуменянскіе. Вернулись они вмѣстѣ съ Другетами только 10 лѣтъ спустя, когда умеръ ихъ грозный противникъ Бетленъ.

Съ переходомъ Другетовъ въ католичество Ужгородъ сталъ вновь ареной религіозныхъ боевъ, выразившихся въ первую очередь въ борьбѣ съ протестантизмомъ. Эта борьба, затѣянная и руководимая Другетами, была ввиду близости протестантской Семиградіи, въ составъ которой въ тѣ времена обыкновенно входилъ Ужгородъ, вообще дѣломъ весьма рискованнымъ и неблагоразумнымъ. Первая ея фаза кончилась изгнаніемъ Другетовъ, во время котораго въ Ужгородѣ дѣйствовалъ прославленный реформатскій проповѣдникъ Иванъ Кечкемети, написавшій здѣсь три большихъ апологетическихъ труда въ защиту протестантизма[1]). Во всякомъ случаѣ ко времени смерти Бетлена (15. XI. 1629) въ Ужгородѣ еще католическаго прихода не было, по крайней мѣрѣ таковой въ податномъ спискѣ 1631 года не значится, въ то время, какъ домъ реформатскаго пастора въ немъ указанъ.

Помянутый податной списокъ 1631-го года содержитъ весьма цѣнныя данныя. Согласно этого списка въ то время въ Ужгородѣ имѣлось 206 тяглыхъ дворовъ (porta)

[1]) Réz. Homonna és a Drugethek. 75—76.

и 32 дворянскихъ и свободныхъ, итого 238 дворовъ и усадебъ[1]). Если считать по 5 душъ на каждый дворъ, то количество жителей, не считая войска и замковой челяди, можно отгадывать максимально на 1200 человѣкъ. Это въ сравненіи съ 1567 годомъ, когда количество населенія города еле могло превышать 200 душъ, слѣдуетъ считать весьма большимъ прогрессомъ, особенно если принять во вниманіе, что тогдашнія условія жизни росту населенія не особенно благопріятствовали.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе большое сравнительно количество дворянскихъ домовъ. Это объясняется тѣмъ, что въ тѣ тревожныя времена только замки представляли нѣкоторую защиту отъ непрерывнаго разбоя и насилія, отъ которыхъ не было предохранено и само дворянство. Поэтому дворянство нашей области, не чувствовавшее себя въ безопасности въ своихъ провинціальныхъ усадьбахъ и не владѣвшее собственными замками, охотно селилось подъ стѣнами сильнаго по тому времени Ужгородскаго замка, въ которомъ въ случаѣ опасности могло укрыться. Для поселенія въ Ужгородѣ необходимо было, однако, испрашивать у помѣщика разрѣшеніе, за что обыкновенно приходилось платить сравнительно большой выкупъ. Дворянскіе дома расположены были на $23^{1}/_{2}$ участкахъ, въ то время

[1]) Hodinka. Adalékok Ungvár tört. 22—23.

какъ 206 тягловыхъ дворовъ занимали всего $75^{3}/_{4}$ участка.

Нужно полагать, однако, что крѣпостные жители города, промышлявшіе разными ремеслами, были относительно тоже зажиточны. Другеты въ собственныхъ интересахъ содѣйствовали развитію промышленности, являющейся и нынѣ основой благосостоянія мѣщанъ. Они надѣляли отдѣльные цехи, на которые въ тѣ времена дѣлились ремесленники, приблизительно такими же льготами и привиллегіями, какими таковые пользовались въ вольныхъ городахъ.

Такъ Валентинъ Другетъ надѣлилъ въ 1608 году привилегіями чеботарей, а Иванъ Другетъ въ 1630 году золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Въ 1665 году получили привилегіи фельдшера и парикмахеры, а въ 1669-мъ г. портные[1]). Благодаря этому, особенно же сравнительно большому количеству зажиточнаго дворянскаго населенія, ужгородское подградье стало постепенно принимать видъ города. Несмотря на это жупныя собранія въ XVII стол. отбывались не гъ немъ, а главнымъ образомъ въ двухъ подгородныхъ селеніяхъ Іоврѣ или же Дермѣ[2]).

Къ этому времени относится самая древняя — до сихъ поръ извѣстная — печать города, хранящаяся въ городскомъ архивѣ. Она

[1]) Mészáros. Ungvár története. 16.
[2]) Дневникъ Хорватовъ Павловецкихъ.

ность надпись: «Sigillum Civitatis Ungvariensis 1635».

Въ 1631—1632 годахъ по нашей области прошла волна крестьянскихъ возстаній. Движеніе это, хотя къ нему присоединилась и мелкая шляхта, большихъ успѣховъ, однако, не имѣло и было послѣ упорныхъ боевъ жестоко подавлено при помощи регулярныхъ нѣмецкихъ войскъ и гайдуковъ. Предводитель движенія, нѣкій Петръ Чисаръ былъ при осадѣ Кошицъ схваченъ и четвертованъ[1]).

Одновременно съ принятіемъ католичества Другеты перемѣнили также свою политическую оріентацію. Они стали ярыми сторонниками Габсбурговъ, отъ которыхъ потомъ уже до конца не отступали. За свою вѣрность были ими всячески награждаемы. Такъ самъ Юрій (III) былъ назначенъ ужгородскимъ и земплинскимъ жупаномъ, королевскимъ виночерпіемъ, кавалеромъ ордена «Золотого Руна» и т. д. Его сынъ Иванъ (X) былъ всегосударственнымъ судьей (országbiró), каковая должность по важности слѣдовала послѣ должности надворнаго жупана (палатина), бывшаго по закону замѣстителемъ короля. Кромѣ того онъ былъ въ 1618 году назначенъ постояннымъ жупаномъ (comes perpetuus) ужанскимъ[2]). Королевская милость, однако, не могла спасти ихъ отъ

[1]) Szilágyi. A magy. nemz. tört. VI. 439, 552.
[2]) Ив. Горватъ. Монографія ужанской жупы. - 13.

гнѣва семиградскихъ господарей, которые имъ за отступничество при первой возможности жестоко мстили. Такимъ образомъ Другеты очутились между молотомъ и наковальней. На нихъ со всѣхъ сторонъ посыпались несчастья, но они съ начатаго ими рокового пути уже больше не сходили...

Въ своихъ владѣніяхъ они упорно продолжали насаждать католичество. Справиться съ протестантизмомъ именно въ Ужгородѣ, бывшемъ однимъ изъ очаговъ реформатства, было, однако, дѣломъ весьма нелегкимъ, особенно если принять во вниманіе многочисленное дворянское населеніе, по отношенію къ которому нельзя было примѣнять пресловутаго принципа «cuius regio, eius religio». Началась упорная и длительная борьба, въ которой реформаты искали защиту у семиградскихъ господарей, которые на ихъ зовъ обыкновенно откликались. Такъ въ 1644 году Иванъ Баллингъ, мукачевскій капитанъ, отправился въ Ужгородъ во главѣ карательнаго отряда въ 3000 человѣкъ для наказанія насильниковъ и наведенія порядка, о чемъ упоминаетъ въ своей хроникѣ Саларди[1]).

Но Другеты были не изъ того десятка, чтобы уступать. Они рѣшили довести свою затѣю во что бы то ни стало до конца. Къ тому времени реформація въ ихъ земплинскихъ владѣніямъ была сломлена, благодаря главнымъ образомъ искусной миссіонерской

[1]) Mészáros K. — Ungvár története. — 71.

дѣятельности гуменянскихъ іезуитовъ, дальнѣйшее присутствіе которыхъ въ Гуменномъ становилось поэтому излишнимъ. Имъ тамъ нечего было уже дѣлать. По такимъ соображеніямъ рѣшено было перемѣстить іезуитскую коллегію въ Ужгородъ, гдѣ протестантизмъ еще крѣпко держался. Замыселъ этотъ осуществилъ Иванъ (X) Другетъ, который, однако, въ своей дарственной грамотѣ, данной въ Гуменномъ дня 31 іюля 1640 г., переселеніе іезуитовъ въ Ужгородѣ объясняетъ второстепенной причиной, а именно «городской благоустроенностью» Ужгорода, предоставлявшаго по сей причинѣ гораздо больше удобствъ, чѣмъ Гуменное[1]).

Помянутой дарственной грамотой Иванъ (X) Другетъ въ благодарность за то, что іезуиты его тещу, жену и многочисленныхъ ихъ сородичей изъ «лютеранскаго заблужденія обратили въ католичество», — обязался построить въ Ужгородѣ для іезуитской коллегіи новыя зданія, какъ монастырь для 24 монаховъ со всѣми принадлежностями, часовню, семиклассную школу, бурсу и т. д. При томъ прежнія фундаціи, сдѣланныя въ пользу коллегіи его отцомъ, были не только оставлены въ силѣ, но даже дополнены новыми, такъ что въ матеріальномъ отношеніи коллегія была какъ нельзя лучше обезпечена[2]).

---

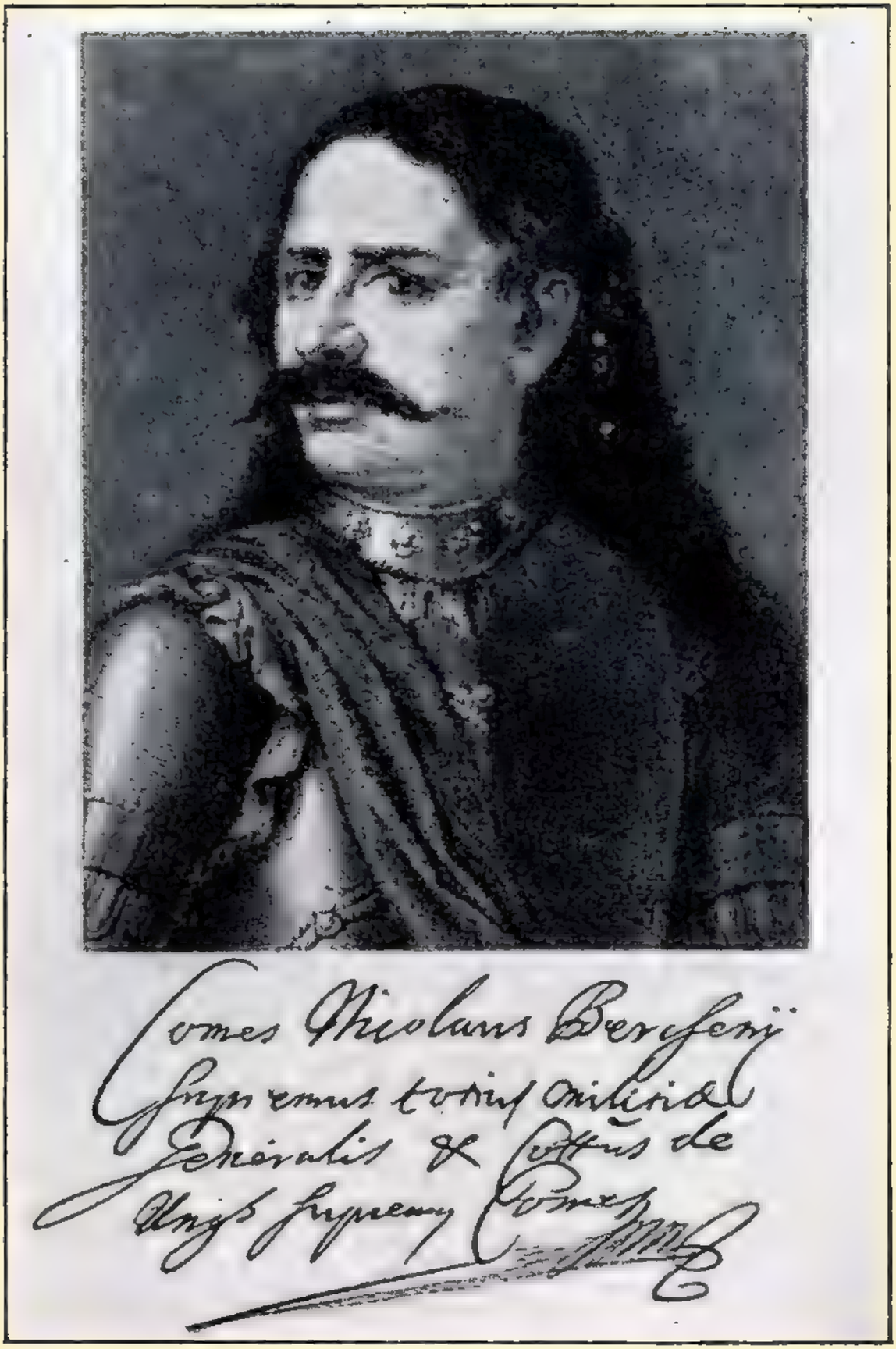
[1]) Бланаръ. Трехсотлѣтіе ужгородской гимназіи.-32.
[2]) Тамъ-же 29—41.

Закладка новыхъ зданій совершена была на мѣстѣ теперешней епископской резиденціи еще въ томъ же 1640 году. Этимъ положено было начало также ужгородской гимназіи, въ которую іезуитская коллегія со временемъ превратилась. Постройка продвигалась сравнительно быстро и въ 1644 году близилась уже къ концу. Іезуитамъ, однако, и на этотъ разъ не повезло. Надъ ними какъ будто тяготѣлъ злой рокъ.

Преслѣдованія протестантовъ въ королевской Венгріи въ это время усилились. Они просили защиту у Юрія (I) Ракоци, преемника Бетлена на семиградскомъ престолѣ, который давно замышлялъ напасть по сему поводу на Габсбурговъ и такимъ образомъ вмѣшаться на сторонѣ протестантскихъ державъ въ близившуюся къ концу 30-лѣтнюю войну. Въ началѣ февраля 1644 года уже двинулся въ походъ во главѣ 30.000 бойцовъ съ цѣлью захватить въ первую очередь Кошицы, отъ чего зависѣлъ въ высшей степени исходъ кампаніи. По дорогѣ онъ осадилъ Ужгородъ, владѣлецъ котораго Иванъ (X) Другетъ счелъ благоразумнымъ удалиться въ Польшу[1]). Отъ бомбардировки сильно пострадало почти уже законченное новое зданіе коллегіи.

На этотъ разъ городъ, однако, не былъ взятъ, ибо осада была скоро снята и Ракоци двинулся дальше къ Кошицамъ, которые 12

[1]) Дневникъ Хорватовъ Павловецкихъ.



Гр. Николай Берчени.

Замокъ Паланскъ у Мукачева.

Горецъ съ трембитой.

марта открыли ему ворота. По дорогѣ захватилъ Гуменное, откуда іезуиты принуждены были бѣжать. Лѣтомъ, однако, когда результаты похода были уже обезпечены, вернулся спеціально къ Ужгороду, который на этотъ разъ былъ имъ взятъ[1]).

Ввиду несомнѣнныхъ успѣховъ Ракоци, тѣснимые на остальныхъ театрахъ тридцатилѣтней войны Габсбурги принуждены были идти на уступки и заключить съ нимъ на выгодныхъ для него условіяхъ миръ, подписанный императоромъ Леопольдомъ въ Линцѣ, дня 16. декабря 1645 г. Этимъ мирнымъ договоромъ была обезпечена свобода вѣроисповѣданія и для крѣпостныхъ. Это было весьма важнымъ завоеваніемъ, хотя на практикѣ еще долго не соблюдалось.

Только послѣ заключенія Линецкаго мирнаго договора смогли вернуться іезуиты въ Гуменное. Между тѣмъ Иванъ (X) Другетъ въ 1645 году умеръ, вслѣдствіе чего постройку новаго зданія коллегіи въ Ужгородѣ пришлось закончить уже его вдовѣ, урожденной графинѣ Аннѣ Якушичъ.

Она, повидимому, энергично взялась за дѣло и въ сравнительно короткій срокъ были не только исправлены поврежденія, но и сама постройка закончена, такъ что въ 1646 году уже состоялось переселеніе іезуитовъ изъ Гуменнаго въ Ужгородъ, — гдѣ послѣ

[1]) Бланаръ. Трехсотлѣтіе ужгородской гимназіи 58

многихъ злоключеній въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ безпрепятственно могли развивать свою миссіонерскую и культурную дѣятельность.

Слѣдуетъ отмѣтить, что Иванъ Другетъ, отличавшійся, повидимому, большимъ жертволюбіемъ, основалъ въ Ужгородѣ также богадѣльню (xenodochium)[1]), которая впослѣдствіи по неизвѣстнымъ причинамъ, къ сожалѣнію, перестала существовать.

Послѣ заключенія Линецкаго мира и возвращенія Ужгорода Другетамъ, притѣсненія реформатовъ, надъ которыми католики вслѣдствіе перемѣщенія іезуитской коллегіи получили явный перевѣсъ, опять возобновились. Между прочимъ католиками присваивались реформатскіе приходскіе доходы. Въ отвѣтъ на поданныя по сему поводу жалобы въ 1647 году былъ сеймомъ изданъ за № 11 спеціальный законъ, уложившій: «Proventus porro eccelsiae Unghvariensis pacifice ab evangelicis ministris possideantur[2]), т е. чтобы ужгородскіе евангелическіе священнослужители мирно пользовались доходами своего прихода.

Основаніемъ іезуитской коллегіи преслѣ-

---

[1]) Dr. Fr. Gabriel. — Selský stav v užhorodském panství. — Sbornik musejní společnosti v Užhorodě, 1932—39.

[2]) Corpus juris Hungarici. Art. 1647. XI.

довались не столько научно-просвѣтительныя цѣли, сколько миссіонерскія, т. е. «распространеніе и обогащеніе католической церкви», какъ это указано также въ учредительной грамотѣ Ивана (X) Другета съ 1640 года. Сюда входила по замыслу Пазмана не только борьба съ протестантизмомъ, но и такъ наз. церковная унія, т. е. присоединеніе православнаго карпаторусскаго населенія къ латинской церкви. Примѣръ для этого былъ взятъ у поляковъ, проведшихъ у себя унію по политическимъ соображеніямъ еще въ 1595 году (Брестская унія), и тѣмъ внесшихъ острый нравственный расколъ въ среду подвластнаго имъ многомилліоннаго русскаго народа.

Для осуществленія этого замысла больше всего подходили Другеты, какъ самоотверженные ревнители католицизма, у которыхъ при томъ чуть ли не половина карпаторусскаго народа находилась въ подданническомъ подчиненіи. Использовано было для этого въ первую очередь бѣдственное и безправное состояніе православнаго духовенства, принадлежавшаго къ крѣпостному сословію и отбывавшаго панщину наравнѣ со своей паствой. Въ современныхъ документахъ православные священники упоминаются подъ названіемъ «батьки» (batykók —lat batykones). Въ налоговомъ спискѣ 1631 года

во всей ужгородской доминіи значатся 22 батюшки[1]).

Интересно отмѣтить, что на Пряшевщинѣ лютеранскіе пасторы въ отличіе отъ полноправныхъ католическихъ плебановъ (ксендзовъ) по старой памяти до сихъ поръ называются «батьками» (лютеранскій байтко).

Первую попытку въ этомъ направленіи сдѣлалъ по указаніямъ кардинала Пазмана Юрій Другетъ, — самой важной задачей своей жизни считавшій присоединеніе карпатороссовъ къ латинской церкви. Онъ выписалъ около 1614 года изъ Перемышля уніатскаго епископа Афанасія Крупецкаго, которому при содѣйствіи гуменянскихъ іезуитовъ удалось уговорить нѣсколькихъ подвластныхъ Другетамъ православныхъ священниковъ, которымъ обѣщаны были разныя льготы и привилегіи, принять по Брестскому образцу церковную унію. Попытка эта кончилась, однако, полной неудачей. Народъ взбунтовался и хотѣлъ было убить Крупецкаго, котораго отъ вѣрной смерти спасла только во время подоспѣвшая челядь Другетовъ, разогнавшая нападавшую толпу выстрѣлами. Послѣ этого народъ опять вернулся въ православіе[2]). Смерть помѣшала Юрію осуществить свою затѣю.

Первая неудача, однако, Другетовъ не

---

[1]) Д-ръ Антонъ Годинка. Adalékok Ungvár tört. 18

[2]) Historia Regni Hungariae, Authore Francisco Kazy. Turnaviae 1737. Lib. II. Pag. 114—116.

смутила. Начатое Юріемъ дѣло продолжалъ его сынъ Иванъ (X), который принявшимъ унію священникамъ всячески покровительствовалъ, надѣляя ихъ разными льготами и преимуществами, которыя его сынъ Юрій (IV) закрѣпилъ даже и спеціальной грамотой, начинавшейся словами: «Tum ex pietate, qua in Deum et religionem catholicam dicemur[1]). Кромѣ того свои владѣнія онъ оторвалъ отъ Мукачевской православной епархіи и подчинилъ юрисдикціи перемышльскаго уніатскаго епископа[2]).

Такимъ образомъ контръреформація втянула въ религіозную борьбу стоявшій отъ нея дотолѣ въ сторонѣ карпаторусскій народъ. Въ этой борьбѣ Семиградскіе господари естественно принимали сторону православныхъ и въ свою очередь преслѣдовали и притѣсняли уніатовъ. Такъ Иванъ Баллингъ, Мукачевскій градоначальникъ (капитанъ), узнавъ, что Мукачевскій православный епископъ, Василій Тарасовичъ (галичанинъ по происхожденію), замышляетъ принять унію, немедленно арестовалъ его. Это случилось 13 декабря 1640 г. въ день св. Люціи. Епископъ былъ схваченъ въ церкви, у алтаря, когда собираясь для заключенія уніи въ Ясовъ, передъ своимъ отъѣздомъ служилъ напутственный молебенъ. Ему, между прочимъ, вмѣнялось въ вину, что окружилъ себя мно-

[1]) Réz — A Drugethek és Homonna. 99.
[2]) А. Годинка - Исторія Мукачевской епархіи, 262; 302.

жествомъ галицкихъ священниковъ, и что всѣ епархіальные доходы сплавлялъ въ Галичину. Изъ тюрьмы онъ былъ выпущенъ только черезъ девять мѣсяцевъ по настостоятельному ходатайству самого императора и государственнаго судьи (judex curiae) Ивана Другета. Его дальнѣйшая судьба не вполнѣ выяснена. Современные документы, касающіеся его личности полны противорѣчій, въ которыхъ наврядъ-ли можно будетъ когда-либо безошибочно разобраться. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ онъ свой замыселъ все-же осуществилъ и унію принялъ, но впослѣдствіи отъ нея опять таки отрекся, послѣ чего было ему разрѣшено вернуться въ Мукачево въ санѣ епископа, каковымъ онъ и умеръ. Во всякомъ случаѣ въ 1648 году былъ еще въ живыхъ[1]).

Несмотря на эти неудачи, Иванъ Другетъ не унывалъ. Онъ при помощи іезуитовъ и выписанныхъ спеціально для этой цѣли изъ Галичины монаховъ-васильянъ упорно приготовлялъ почву для уніи. Преждевременная смерть (1645) помѣшала ему, однако, довести начатое его отцомъ дѣло до конца. То, что не удалось ему, было осуществлено его вдовой, уроженной графиней Анной Якушичъ, хорваткой по происхожденію Весьма важную роль сыгралъ при этомъ братъ графини, Юрій Якушичъ, ягерскій ка-

[1]) Антонъ Годинка — Исторія Мукачевской епархіи. 299.

толическій епископъ, а также воспитанникъ іезуитовъ, василіанскій чернецъ Гавріилъ Косовичъ. Вдовствующая графиня пригласила тогдашняго мукачевскаго православнаго епископа Петра Ростошинскаго (Парфенія), преемника Василія Тарасвича, въ Ужгородъ, гдѣ предоставила ему жилище и навѣрное окружила его вниманіемъ и всѣми удобствами, чтобы такимъ образомъ расположить его къ уніи. Объ этомъ въ докладѣ острихолмскаго митрополита 1665 года римской куріи приводится слѣдующее: «Verum adhuc vivente Rakoczio, illma quondam dna com. Anna Jakusich... Petro Parth. eppo gr: r. adhuc schismatico in oppido suo Ungvár... dederat domum pro habitatione, quatenus paulatim disponeretur ad unionem»[1]) т. е. что графиня Анна Якушичъ еще при жизни Ракоци предоставила Петру Парфенію, епископу греческаго обряда, въ то время (еще) схизматику, въ своемъ городѣ Ужгородѣ домъ для жительства, чтобы такимъ образомъ постепенно расположить его къ уніи. По другимъ источникамъ Парфеній былъ василіанскимъ монахомъ и какъ таковой былъ избранъ только впослѣдствіи въ уніатскіе епископы.

По третьей версіи Парфеній до своего рукоположенія въ епископы былъ настоятелемъ (prior) монастыря въ Альба-Юліи, въ Трансильваніи.

[1]) А. Годинка. Исторія Мукачевской епархіи. 304.

Самъ актъ заключенія уніи слѣдующимъ образомъ описанъ въ меморандумѣ, принявшихъ унію архидіаконовъ маковицкаго, спишскаго, гуменянскаго, стремянскаго, врановскаго и стропковскаго, отъ 15 января 1652 года, которымъ у римскаго престола испрашивали подтвержденія избраннаго ими епископа, Петра Парфенія:

«Haec vero ipsa reductia nostra peracta est in anno salutifero 1649. aprilis, 24 imperante Ferdinando Tertio Romanorum sacratissimo Caesare in Ecclesia Arcensi Ungvarini latina. in bonis illustrissimi comitis Georgii de Homona sita tali modo.

Dominus Episcopus munkachiensis Basilius Taraszovits, qui e vivis jam discessit, cum sequens partes, tam schismaticas, quam haereticas, Unionis sacrae vinculum rupisset ecclesiae catholicae nuncium publice remisisset; Hoc, animadvertens venerabilis in Christi Pater, dominus Georgius Jakussicz, episcopus Agriensis, in Christo quiescens, habens penes se reverendos patres Basilianos in hunc finem adscitos, patrem Petrum Parthenium et patrem Gabrielem Cassivicium, nos per litteras suas Ungvarinum humanissime invitavit, sermoneque opportuno de Unione Sacra per praedictos Patres praemisso, quod intendebat, Spiritu Sancto sic nos disponente, facillime effecit, diemque Sancto Georgio Martyri dicatam pro fidei professione facienda terminavit qua die currente nos Sacerdotes sexaginta tres congregati praenominatum

reverendissimum episcopum Agriensem ad ecclesiam supra citatam sumus secuti. Praemisso itaque incruenti sacrificii mysterio, nostro Rutheno idiomate habito, praemissaque nonnullius sacerdotibus peccatorum expiatione sacramentali, fidei professionem audibilvoce secundum formam praescriptam emissimus, scilicet nos credimus omnia et singula quae credit S. Mater nostra Ecclesia Romana: credereque jubet, Sanctissimus Patrem Dominum Innocentium X. Universalem Ecclesiae Christi, et nostrum Pastorem profitemur, ab eoque cum successoribus nostris dependere in omnibus cupimus, et volumus his tamen adjectis conditionibus.

Primo: ut ritus graecae Ecclesiae nobis servare liceat.

Secundo: episcopum a nobis electum, et ab Apostolica Sede confirmatum habere.

Tertio: libertatibus ecclesiasticis libere fungi».

По русски это значитъ: «Это самое наше возвращеніе (на лоно римской церкви) произошло 24-го апрѣля благословеннаго 1649 г. въ царствованіе Фердинанда Третьяго, святѣйшаго царя Римскаго, въ латинской замковой церкви въ Ужгородѣ, въ имѣніи ясновельможнаго графа Георгія Гуменянскаго слѣдующимъ образомъ:

Господинъ Василій Тарасовичъ, епископъ Мукачевскій, котораго уже нѣтъ въ живыхъ, принявъ сторону какъ раскольниковъ, такъ еретиковъ, порвалъ связь святой Уніи и по-

сла католической церкви публично отослалъ обратно. Послѣ того господинъ Георгій Якушичъ, преосвященный во Христѣ отецъ, почившій во Христѣ епископъ Ягерскій, имѣя возлѣ себя для сей цѣли преподобныхъ отцевъ Василіанъ, о. Петра Парфенія и о. Гавріила Коссовича, пригласилъ насъ своими письмами въ Ужгородъ, и послѣ предшествовавшей соотвѣтствующей проповѣди помянутыхъ отцевъ, расположивъ насъ такимъ образомъ при помощи Святого Духа, весьма легко достигъ того, что затѣялъ, и для принятія (провозглашенія) символа вѣры назначилъ день Св. муч. Георгія, въ теченіе котораго мы собравшіеся 63 священника послѣдовали за вышеупомянутымъ преосв. епископомъ Ягерскимъ въ вышеприведенную церковь. Послѣ отслуженія Божественной Литургіи на нашемъ русскомъ языкѣ и причащенія нѣкоторыхъ священниковъ, мы громко провозгласили (произнесли) въ предписанной формѣ символъ вѣры, а именно, что мы вѣримъ въ совокупности и отдѣльности во все то, во что вѣритъ наша Св. Матерь Римская Церковь и вѣрить велитъ; Святѣйшаго отца, Государя Иннокентія X. признаемъ Вселенскимъ Пастыремъ Церкви Христовой и нашимъ Пастыремъ, отъ него вмѣстѣ съ нашими преемниками зависѣть во всемъ желаемъ и хотимъ, однако съ прибавленіемъ слѣдующихъ условій.

Во первыхъ: будетъ намъ вольно сохранять обрядъ греческой Церкви.

Во вторыхъ: будемъ имѣть епископа нами избраннаго и Апостольскимъ Престоломъ одобреннаго.

Въ третьихъ: церковными свободами (вольностями) будемъ безпрепятственно пользоваться.

О принятіи уніи, ознаменовавшемъ краеугольный камень въ судьбахъ карпаторусскаго народа, по всей видимости одновременно съ симъ важнѣйшимъ историческимъ актомъ не было составлено никакой достовѣрной грамоты, хотя среди уніатскаго духовенства крѣпко держится мнѣніе, что подлинный протоколъ о заключеніи уніи находится въ Ватиканѣ въ архивѣ инквизиціи.

Достовѣрность вышеприведенной грамоты, копія которой хранится въ жупанскомъ архивѣ въ Ужгородѣ[1]), несмотря на ясность и правоподобность изложенія, ставится многими подъ вопросъ, такъ какъ она находится въ явномъ противорѣчіи со многими иными, относящимися къ заключенію уніи современными документами, а также съ нѣкоторыми общеизвѣстными историческими фактами. Такъ, напр., Георгій Якушичъ, ягерскій епископъ, заключавшій согласно помянутой грамоты дня 24 апрѣля 1649 года въ качествѣ представителя римской церкви

[1]) N. Radványi. — Die Archive in der Podkarpatska Rus. 131—135.

унію, еще въ 1647 году умеръ. Слѣдуетъ отмѣтить, что подлинникъ сей грамоты, составленный по-русски, до нашихъ дней не сохранился. Вышеприведенный текстъ есть только его латинскій переводъ, выданный Братиславской капитулой дня 15 февраля 1655 года[1]).

Всѣ остальные документы, относящіеся къ заключенію уніи, также взаимно другъ другу противорѣчатъ, ввиду чего врядъ-ли удастся кому либо съ полной достовѣрностью установить точное время и остальныя подробности сего важнѣйшаго въ жизни карпаторусскаго народа происшествія. — Какъ бы оно тамъ не было, одно все-таки несомнѣнно ясно, а именно, что сначала унія была принята только западной половиной карпаторусскаго народа, подвластной большей частью Другетамъ, восточная же его половина, подвластная семиградскимъ князьямъ, упорно держалось «старой вѣры», т. е. православной. Такимъ образомъ и въ средѣ нашего народа произошелъ нравственный расколъ, вызвавшій, какъ у инородцевъ, тоже братоубійственную религіозную борьбу. Въ этой борьбѣ, продолжавшейся добрую сотню лѣтъ, побѣдила унія, что однако не обошлось безъ примѣненія штыковъ[2]) и вообще военнополицейскихъ принудительныхъ

[1]) А. Годинка. — Исторія Мукачевской епархіи. 297.
[2]) Mészáros K. — Ungvár tört. 55.

мѣръ[1]). Во второй половинѣ XVIII. вѣка борьба уже приближалась къ концу, и 11 іюля 1769 года уже и начальство Марамарошскаго жупанства, гдѣ православіе держалось дольше всего, могло объявить, что «non unitos in suo sinu jam non dari», т. е. что неуніатовъ уже больше не имѣется.

Послѣ тридцатилѣтней войны, закончившейся въ 1648 году вестфальскимъ миромъ, въ нашей области наступаетъ на добрыхъ два десятка лѣтъ сравнительное затишье. Семиградскій владѣтельный князь, Юрій Ракоци II, предшественники котораго причинили Габсбургамъ не мало хлопотъ, отвлекается въ сторону Сѣвера. Онъ задумалъ стать польскимъ королемъ. Это была его ни на чемъ не основанная сумасбродная мечта, для осуществленія которой онъ заключилъ союзъ съ малороссійскимъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и съ шведскимъ королемъ Карломъ Августомъ X. Союзники даже договорились между собой насчетъ раздѣленія Польши, у которой тогда уже появились признаки разложенія.

Предпріятію этоно не было, однако. суждено осуществиться, для самого же Ракоци оно приняло весьма плачевный, и при томъ позорный конецъ. Его войско въ количествѣ болѣе 20.000 человѣкъ, не потерпѣвшее ни одного пораженія, дня 31 іюля 1657 года по-

[1]) И. М. Кондратовичъ. — Очерки изъ исторіи Мукачевской епархіи. — Карпаторусскій сборникъ. 105.

зорно сдалось безъ боя татарамъ, бывшимъ тогда союзниками поляковъ и было ими уведено въ рабство. Ракоци спасшійся заблаговременно бѣгствомъ и оставившій свое войско на произволъ судьбы, несмотря на свое несмѣтное богатство, поскупился дать за плѣнниковъ требуемый ханомъ выкупъ, вслѣдствіе чего они всѣ, за исключеніемъ тѣхъ сравнительно немногихъ, которые были выкуплены ихъ родными, были проданы на невольничьихъ рынкахъ Крыма.

Авантюра эта сильно подкопала могущество Трансильваніи, которая послѣ того уже не смогла отъ постигшаго ее удара вполнѣ оправиться, хотя еще нѣсколько десятковъ лѣтъ продолжала влачить свое существованіе. Обошлась она дорого также самому Юрію II. Ракоци, который былъ по приказу султана низложенъ, послѣ чего Трансильванія погружается на продолжительное время въ междуусобную смуту, окончательно подорвавшую ея жизненныя силы. Его сынъ, Францъ I, избранный въ государи еще при жизни отца, на престолъ уже не вступилъ. Подъ вліяніемъ своей матери, Софьи Батори, родомъ полу-польки, ставшей реформаткой только по расчету, онъ въ возрастѣ 17 лѣтъ принимаетъ вопреки послѣдней волѣ отца католичество. Въ то время число чисто протестантскихъ аристократическихъ родовъ уже сократилось до 4-хъ[1]).

[1]) Szilágyi. — A magyar nemz. tört. VII. 306.

Католики не замедлили использовать бѣдственное положеніе Трансильваніи, бывшей главнымъ оплотомъ протестантизма. Началась систематическая католизація жупанскихъ и городскихъ самоуправленій посредствомъ планомѣрной, замѣны въ нихъ протестантовъ католиками. Придуманъ былъ, или точнѣе, оформленъ новый принципъ, извѣстный подъ названіемъ «jus reformandi», подъ которымъ подразумѣвалось право помѣщика, принявшаго католичество, заставить своихъ поданныхъ (subditos), т. е. крѣпостныхъ, послѣдовать за нимъ.

Притѣсненія протестантовъ по мѣрѣ ослабленія Трансильваніи все усиливались, пока не вылились въ открытое гоненіе. Предводительствовалъ въ этомъ острихолмскій первосвященникъ (primás) гр. Леопольдъ Колличъ, родомъ хорватъ, которому приписываютъ пресловутое изрѣченіе: «faciam Hungariam pauperam, deinde catholicam», т. е. «сдѣлаю Венгрію нищей, а потомъ католической!» Ревностной помощницей его была Софья Батори[1]), вдова по Юріи II. Ракоци, владѣвшая огромнѣйшими помѣстьями и многочисленными замками, между прочимъ и мукачевскимъ. Она не постѣснялась даже нарушить послѣднюю волю своего мужа и лишила силы всѣ дарственныя, сдѣланныя имъ въ пользу реформатовъ. Въ короткое время у про-

[1]) Дневникъ Хорватовъ Павловецкихъ. 28. VIII. 1671.

тестантовъ отнято было подъ прикрытіемъ нѣмецкихъ гарнизоновъ болѣе 300 церквей[1]).

Эта горькая участь не миновала также ужгородскихъ реформатовъ. Дня 7. февраля 1672 года, ягерскій епископъ, Францъ Сегеди, не только отнялъ у нихъ костелъ и школу, но вообще запретилъ реформатскому проповѣднику, по имени Степану Неметъ, совершать какія бы то ни было священнодѣйствія. Почти откровенно были отняты у реформатовъ костелъ въ Михаловцахъ и въ многихъ иныхъ селеніяхъ[2]).

Гонимые протестанты, къ которымъ теперь нерѣдко присоединялись и православные, стали массами убѣгать въ малозаселенныя пограничныя области, въ Семиградію или турецкую Венгрію, куда власть Габсбурговъ не достигала. Несмотря на страшную нужду, которую имъ приходилось переносить, они все же не сдавались и стали понемному организовываться по военному, выжидая удобнаго случая, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ отомстить за всю причиненную имъ кривду. Число ихъ все время увеличивалось. Къ нимъ стали присоединяться также бѣглые крестьяне и прочіе низы народные, главнымъ образомъ русскіе, которые стали себя называть по старой памяти «куруцами», поддерживая такимъ образомъ простонародный ха-

[1]) Szilágyi. — A magy. nemz. tört. VII. 128.—140.
[2]) Дневникъ Хорватовъ Павловецкихъ.

Старый Жупный домъ.

Соборъ и резиденція.

рактеръ движенія, въ отличіе отъ верхушки, состоявшей преимущественно изъ аристократовъ, которыхъ прозвали «лабанцами», какowымъ словомъ впослѣдствіи стали обозначать сторонниковъ Габсбурговъ.

Главнымъ убѣжищемъ куруцевъ былъ Мараморошъ и прилегающія къ нему сосѣднія области, откуда въ 1672 году ворвались въ области подвластныя королю, въ первую очередь угочскую, земплинскую и ужанскую, русское и протестантское населеніе которыхъ сразу къ нимъ примкнуло. Предводителемъ ужанскихъ повстанцевъ былъ нѣкто Павелъ Балковъ, который у вдовствующей графини урожд. Маріи Эстергази, потребовалъ передачи ужгородскаго замка и возвращенія отнятыхъ протестантскихъ церквей, въ чемъ она, конечно, ему отказала. Послѣ этого повстанцы, не имѣя средствъ для осады замка, разсыпались по всей провинціи и страшно опустошили ея имѣнія, въ первую очередь Гуменное, гдѣ жестоко избили монаховъ-францисканцевъ[1]).

Повстанцы, у которыхъ за долгіе годы скитальчества накипѣла страшная злоба, жестоко мстили всѣмъ тѣмъ, кого они считали виновниками ихъ бѣдственнаго положенія. Это были прежде всего католики и приверженцы Габсбурговъ, въ особенности же католическое духовенство.

Возстаніе, поддерживаемое неоффиціаль-

[1]) Századok — 1869-89.

но турками и семиградцами, имѣло сначала сравнительно большіе успѣхи. Повстанцы овладѣли, между прочимъ, Пряшевомъ, Сабиновомъ и даже Оравскимъ замкомъ. Несмотря на это, вслѣдствіе измѣны подкупленныхъ гайдуковъ, въ концѣ 1672 года возстаніе все же было подавлено, въ чемъ не малую роль сыграла владѣлица мукачевскаго замка Софья Батори. Ея ратные люди и мукачевцы дня 6 октября того же года совершили набѣгъ на возставшую ужгородскую область, въ первую очередь на ея столицу Капушаны Великія, которые были ими разграблены и сожжены. Въ отместку за это ужанцы, въ свою очередь совершили набѣгъ на мукачевскую область, которую до самой польской границы страшно опустошили и разграбили, угнавъ, между прочимъ, несмѣтное количество скота. Мукачевцы не остались въ долгу. Софья Батори въ свою очередь напустила на ужанскую область (должно быть на равнинную ея часть, обитаемую протестантами) мукачевскихъ русскихъ, которые ее безпощадно разграбили и разорили.

Въ тѣ времена въ верхнемъ Потисьи образовались многочисленные русскіе отряды или войска, какъ ихъ называетъ современникъ, промышлявшіе нападами на богатыхъ помѣщиковъ[1]), ввиду чего движеніе это нужно считать въ первую очередь соціальнымъ,

[1])Дневникъ Хорватовъ Павловецкихъ.

хотя оно не могло быть лишено и нѣкоторыхъ національныхъ элементовъ.

Послѣ подавленія возстанія началась жестокая расправа. Не было такого рода казни, которая бы не была примѣнена къ тѣмъ изъ повстанцевъ, кто имѣлъ несчастье попасть въ руки властямъ. Ихъ вѣшали, четвертовали, колесовали, распинали, вѣшали за ребра, сжигали на кострахъ, сажали на колья, рубили имъ головы, отрѣзали конечности и т. д. Особенно отличалась въ этомъ отношеніи Софья Батори, устраивавшая на куруцевъ настоящія облавы[1]).

Звѣрства эти, однако, не только не сломили, но еще болѣе ожесточили куруцевъ, которые опять скрылись въ пограничныхъ областяхъ, откуда постоянно, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, предпринимали набѣги въ подвластныя королю области, гдѣ въ свою очередь они издѣвались всевозможными способами надъ католиками, о совершаемыхъ ими грабежахъ, посредствомъ которыхъ эти бездомные скитальцы добывали себѣ средства для существованія, и не говоря.

Ими кишмя кишѣли лѣса и болота, въ которыхъ они скрывались отъ преслѣдованія властей. Не было отъ нихъ проходу. Общественная безопасность въ корнѣ пошатнулась. Даже выходить на работу въ поля было небезопасно. Насталъ страшный голодъ, осо-

[1]) Szilágyi. — A magy. nemz. tört. 355.

бенно въ ужгородской и земплинской областяхъ, гдѣ люди пекли хлѣбъ изъ желудей.

Подавивъ сравнительно легко возстаніе, власть, во главѣ которой фактически стоялъ помянутый гр. Леопольдъ Коллоничъ, рѣшила окончательно искоренить бывшій уже въ то время въ явномъ упадкѣ протестантизмъ. Началось массовое уголовное преслѣдованіе протестантскихъ священниковъ, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ за проявленныя, якобы, къ повстанцамъ симпатіи. Цѣлью этой акціи было лишить протестантовъ духовныхъ вождей, что частично и было достигнуто. Болѣе 90 священниковъ было приговорено къ смерти, или сослано на галеры, болѣе 200 подъ страхомъ наказанія приняло католичество или отказалось отъ своего званія. Чтобы спастись отъ невыносимаго террора, протестанты тысячами принимали мусульманство. Оставшіеся пасторы принуждены были скрываться и только тайкомъ могли совершать богослуженія и требы. Въ нашей области терроръ былъ настолько силенъ, что пасторы не смѣли уже ни крестить ни хоронить своихъ единовѣрцевъ, и то не только крестьянъ, но и дворянъ и даже аристократовъ.[1])

Глухая междуусобная смута, сопрождаемая взаимнымъ истребленіемъ католиковъ и протестантовъ и непрерывными пограничны-

[1]) Дневникъ Хорватовъ Павловецкихъ 1674 г.

ми стычками, продолжалась дальше. не доходя однако до открытой формальной войны,— такъ какъ изгнанники не получали надлежащей поддержки ни отъ турецкихъ. ни отъ семиградскихъ властей, которыя почему-то сами открыто и активно не выступали.

Кромѣ того куруцамъ не хватало единаго веденія, такъ какъ слишкомъ много было у нихъ вождей, взаимное соперничанье которыхъ срывало всякое начинанье. Положеніе это все же скоро измѣнилось. Судьбой изгнанниковъ, представлявшихъ собой военную силу, заинтересовались французы. бывшіе союзниками турокъ и стали снабжать ихъ деньгами. У куруцевъ скоро появился и вождь въ лицѣ юнаго графа Эмериха Тэкэля, который будучи еще мальчикомъ, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ смертнаго одра своего отца и съ тринадцатилѣтняго возраста находился въ изгнаніи.

При измѣнившихся обстоятельствахъ новое наступленіе куруцевъ не заставило себя долго ждать. Въ 1678 году они вторглись въ области подвластныя королю, несмотря на первоначальныя неудачи, скоро достигли значительныхъ успѣховъ. въ результатѣ которыхъ на сѣверо-востокѣ Венгріи со столицей въ Кошицахъ образовалось временно подъ скипетромъ Тэкэля, прозваннаго «словацкимъ королемъ» еще одно полусуверенное буфферное государство, въ составъ котораго входила и наша область.

Въ этой борьбѣ, въ которую примѣшивалось все больше соціальныхъ элементовъ, Ужгородъ, переходившій въ зависимости отъ военнаго счастья изъ рукъ въ руки, сыгралъ видную роль. Въ 1679 году Тэкэль съ боя взялъ Ужгородъ, перерѣзавъ сопротивлявшихся католиковъ, — и изгналъ іезуитовъ.

Возстаніе Тэкэля было, однако, только маленькимъ эпизодомъ вызванной имъ продолжительной войны, въ которую постепенно втянулись виднѣйшія европейскія державы. Въ ней приняла участіе подъ предводительствомъ Петра Великаго и объединенная молодая Россія, которая послѣ присоединенія къ ней Малороссіи ставъ сразу великой державой, впервые выступаетъ послѣ многовѣковой обособленности на европейской аренѣ, на этотъ разъ на сторонѣ Габсбурговъ.

Война эта, продолжавшаяся около полутора-двухъ десятковъ лѣтъ, имѣла весьма важныя послѣдствія. Турки, которые въ то время, несмотря на пораженія, понесенныя ими отъ русскихъ, слыли все еще непобѣдимыми, въ 1683 году предприняли походъ на Вѣну, желая поразить Габсбурговъ прямо въ сердце. На выручку тѣснимыхъ Габсбурговъ поспѣшили поляки во главѣ съ Яномъ Собѣскимъ, при помощи которыхъ, а главнымъ образомъ при помощи козаковъ, турки и ихъ союзники семиградцы и куруцы были не только отражены, но даже обращены въ повальное бѣгство.

Наступленіе на Вѣну было тѣмъ девятымъ валомъ, послѣ котораго турецкая сила замѣтно пошла на убыль, и всѣ поставленныя на нее ставки должны были бить биты.

Въ 1684 году былъ взятъ Пештъ, а въ 1686-мъ стольный градъ Будинъ, послѣ чего событія быстро слѣдовали другъ за другомъ. Въ 1687 году безъ какого либо сопротивленія была занята имперскими войсками Трансильванія, послѣдній господарь которой Михаилъ Апафи I. призналъ надъ собой верховную власть императора, оставаясь только номинально ея правителемъ. Послѣ его смерти въ 1690 году, однако, прекратилась и эта номинальная государственность Семиградіи, которая свою автономію сохранила всетаки до 1848 года, когда была возсоединена съ Венгріей. Съ ней пала и твердыня протестантства. Такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вся Венгрія очутилась подъ властью Габсбурговъ, за которыми по карловацкому договору, заключенному въ 1698 году она окончательно и осталась.

Въ 1688 году былъ взятъ Бѣлградъ, потомъ Новый Базаръ, Призренъ, Видинъ, Нишъ и казалось, что наступилъ часъ для захвата самаго Царьграда. Но въ настроеніяхъ балканскихъ славянъ, поддерживавшихъ дотолѣ всецѣло Габсбурговъ, вдругъ начался рѣзкій переломъ. Они сразу почувствовали, что турецкій режимъ куда либеральнѣе чѣмъ власть нѣмецкихъ «освободителей», первымъ

дѣломъ которыхъ было насажденіе католицизма и притѣсненіе православныхъ. Тѣснимые православные обратились съ ходатайствомъ къ Петру Великому, моля его о защитѣ отъ тираніи римскаго императора[1]). Такъ была перенята отъ Австріи роль защитницы балканскихъ христіанъ единовѣрной Россіей, грозная тѣнь которой медленно поднималась на Востокѣ на страхъ врагамъ славянъ. Австрія же, потерявъ навсегда симпатіи и поддержку югославянъ, быстро потеряла свои балканскія завоеванія.

Пораженія турокъ оказалось роковымъ и для Тэкэля, который сумѣлъ еще, однако, нѣкоторое время продержаться, хотя число его приверженцевъ, которымъ онъ за отступничество жестоко мстилъ, стало быстро таять. Такъ въ 1684 году въ Гуменномъ онъ казнилъ 15 магнатовъ. Въ томъ же году взялъ приступомъ Ужгородъ, владѣльца котораго Сигизмунда Другета потомъ дня 14. апрѣля 1684 г. въ Кошицахъ казнилъ[2]).

бя только двухъ дочекъ, единственнымъ пред-

Послѣ Сигизмунда, оставившаго послѣ себратъ и преемникъ Валентинъ, епископъ карставителемъ рода Другетовъ остался его настоянію своей фанатичной матери, вышебавійскій, принявшій священническій санъ по упомянутой Маріи Эстергази. Онъ, какъ лицо духовное, былъ безсемейный и поэтому

[1]) Szilágyi S. A magy. nemz. tört. 484.
[2]) Бланарь. Трехсотлѣтіе ужгородской гимназіи. 102.

законныхъ наслѣдниковъ имѣть не могъ. Такимъ образомъ судьба этого, когда то могущественнаго рода, была запечатлѣна. Скоро онъ сходитъ навсегда съ арены исторіи, потонувъ въ кровавыхъ волнахъ контръ-реформаціи . . .

Въ 1685 году, однако, звѣзда Тэкэля окончательно закатилась. Послѣ героической обороны, въ которой принимали участіе и женщины, сдался Пряшевъ. Въ довершеніе этой неудачи Тэкэль, заподозрѣнный турками въ измѣнѣ, былъ заманенъ въ Великій Варадинъ и тамъ дня 15. октября 1685 года арестованъ. Вѣсть объ его арестѣ сразу разложила ряды его войскъ, лишенныхъ предводителя. Его замки, считая дальнѣйшее сопротивленіе безцѣльнымъ, поочередно сдавались нѣмцамъ, передъ которыми 25 октября 1685 г. открыла свои ворота и его столица Кошицы. Скоро сдался также Ужгородъ, комендантъ котораго Францъ Галамбошъ передъ сдачей города нѣмцамъ въ безсильной злобѣ разгромилъ городъ, особенно же твердыню католицизма. іезуитскую коллегію, въ которой въ виду этого ученіе возобновилось только въ 1694 году.

Вѣрной осталась Тэкэлю, которому турки, осознавши свою роковую ошибку, скоро вернули свободу, только его жена, Елена Зринская, югославянка по происхожденію. Она до послѣдней возможности защищалась въ Мукачевскомъ замкѣ и только послѣ продол-

жавшейся $2^1/_2$ года осады, выбившись изъ послѣднихъ силъ, сдалась 17 января 1688 года извѣстному своей жестокостью царскому генералу гр. Антону Караффѣ, обагрившему въ 1687 году въ Пряшевѣ свои руки кровью нѣсколькихъ десятковъ знатныхъ лютеранъ. Условія сдачи были сравнительно выгодны: гарнизонъ получилъ амнистію, а дѣти Елены Зринской отъ перваго ея брака съ вышеупомянутымъ Францемъ Ракоци I-ымъ Юліанна и Францъ, сохранили громадныя родовыя имѣнія Раковціевъ. Самую Елену Зринскую отлучили отъ дѣтей, воспитаніе которыхъ было поручено пресловутому Леопольду Коллоничу, ставшему изъ наемнаго кондотьери кардиналомъ и заточили въ монастырь св. Урсулы. Въ началѣ 1692 года она была, однако обмѣнена Тэкэлемъ на плѣннаго австрійскаго генерала Гейстера и раздѣлила съ нимъ его горькую участь изгнанника.

Ужгородъ, по нѣскольку разъ переходившій изъ рукъ въ руки, отъ частыхъ осадъ сильно пострадалъ. На стѣнахъ замка и нынѣ замѣтны слѣды поврежденій, задѣланныхъ наспѣхъ обыкновеннымъ кирпичемъ.

Плачевное состояніе города, жители котораго ввиду ихъ бѣдности временно даже освобождены были тогдашнимъ помѣщикомъ Валентиномъ Другетомъ отъ помѣщичьихъ поборовъ, слѣдующимъ образомъ описано въ оцѣночномъ спискѣ 1691 года:

Oppidum Ungvár, antecedenter solemne et

amplum. certum annuum proficuum censum tribuens, praeteritis disturbiorum temporibus per rebelles expilatum et funditus exustum a paucis annis restaurari coeptum. cujus incolae. exceptis certorum nobilium domibus ab antiquo exemptis, pro nunc nullum praestant censum ex beneplacito dni terrestris, loco cujus census unam vineam Kertallya dictam in promontorio Ungvár, plantatum excolunt et insuper literas. quo necessarium est, bajulare et alia manualia exercitia praestare obligantur. quae se extendere possunt ad fl. 180.

По русски это значитъ:

«Городъ Ужгородъ былъ раньше знаменитый и просторный и платилъ извѣстную годичную дань. Во время прошлыхъ неурядицъ повстанцы (бунтовщики) разграбили его и до основанія выжгли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ наново отстраиваться. Жители его, за исключеніемъ давно изъятыхъ домовъ нѣкоторыхъ дворянъ, въ послѣднее время по доброй волѣ барина не платятъ никакихъ денежныхъ поборовъ, но вмѣсто того обрабатываютъ находящійся на ужгородской виноградной горѣ виноградникъ, называемый «Керталья», далѣе разносятъ письма на требуемыя мѣста и обязаны также другими домашними работами, разностоимость коихъ можетъ быть опредѣлена въ 180 фл. въ годъ»[1]).

Отъ непримиримой междуусобной смуты

[1]) Hodinka -- Adalékok Ungvár tört. 95 стр.

сильно пострадала также ужгородская область, населеніе которой въ 1684 году большей частью вымерло или разбѣжалось. Осталась еле одна треть населенія и та нищенствовала[1]).

Кромѣ непрерывной смуты Ужгородъ и его околица пережили въ XVII вѣкѣ немало разныхъ стихійныхъ и природныхъ бѣдствій. Весьма интересныя данныя содержитъ въ этомъ отношеніи семейная хроника Хорватовъ Павловецкихъ, которая была ведена съ нѣкоторыми прерывами изъ поколѣнія въ поколѣніе съ 1622 г. по 1800 годъ. Носитъ она заглавіе: Memoriale[2]). Приводимъ изъ нея только болѣе интересные отрывки.

Землетрясеніе было 21 января и 28 октября 1656 года, а также 1 іюля 1677. Во время послѣдняго какъ разъ шелъ судъ въ Капушанахъ Великихъ. Перепуганная на смерть публика сломя голову бѣжала изъ жупнаго зданія, опасаясь, что оно рухнетъ. По этой замѣткѣ можно заключить, что въ концѣ XVII столѣтія столицей комитата были все еще Капушаны.

Въ 1672 году сентября 25-го было въ Ужгородѣ большое наводненіе. уничтожившее «Соляную» улицу (Sós utca) почти цѣликомъ, а Кладбищенскую (Temető utca) большей частью. Большія наводненія отмѣчены также

[1]) Angyal -- Thököly II-98

[2]) Monumenta Hungariae Historica, Bpest. 1881-191-300.

въ январѣ 1673 года, а также 13 и 14 января 1699 года.

Безснѣжная теплая зима (какъ и въ нынѣшнемъ 1936 году) отмѣчена въ 1636 и 1648 годахъ. Въ концѣ апрѣля 1643 и 1651 гг. выпалъ большой снѣгъ. Въ 1695 году послѣ праздника «Божьяго Тѣла» (іюнь) былъ страшный морозъ, уничтожившій даже озими.

Въ 1642 году свирѣпствовала чума, обычное, впрочемъ, въ тѣ времена явленіе. Лѣтомъ 1692 года страшно размножились мыши, уничтожившія весь урожай, въ довершеніе чего потомъ прилетѣла саранча и съѣла, то, что еще осталось. Бѣдствіе это повторилось и въ слѣдующемъ году, когда изъ отложенныхъ яичекъ вылупилось еще больше саранчи.

Въ 1700 году былъ большой неурожай, но зато въ 1702 и 1703 годахъ настало такое обиліе всего, что цѣны невѣроятно пали, что вызвало большой недостатокъ денегъ и тѣмъ настоящій «хозяйственный кризисъ» въ современномъ смыслѣ слова.

Послѣ отнятія Ужгорода у Тэкелійцевъ въ замкѣ былъ посаженъ нѣмецкій гарнизонъ, который въ немъ оставался съ 1685 по 1689 г.

Дня 26-го мая 1691 г. въ чейтейскомъ дворцѣ умеръ безъ потомства въ возрастѣ 38 лѣтъ послѣдній Другетъ, по имени Валентинъ, корбавійскій епископъ. Надъ его сар-

кофагомъ перевернули гербъ вымершаго съ нимъ рода Другетовъ. Остались только двѣ женскія линіи, къ одной изъ которыхъ принадлежали потомки гр. Христины Гуменянской, сестры Валентина, умершей отъ родовъ въ возрастѣ 36 лѣтъ 17-го марта 1691 г. въ таворноцкомъ дворцѣ, — а къ другой женскіе потомки казненнаго въ Кошицахъ (по другимъ источникамъ умершаго въ Ужгородѣ дня 14 февраля 1684 г. природной смертью[1]) Сигизмунда Другета.

Согласно тогдашнихъ законовъ все огромное наслѣдство Другетовъ, какъ выморочное за пресѣченіемъ мужской линіи, должно было перейти къ казнѣ. Только часть наслѣдства, стоимость въ 100.000 златовокъ (гульденовъ), должно было быть согласно распоряженія гр. Юрія Другета (IV), одобреннаго грамотой Фердинанда III. данной дня 27-го іюля 1653 г. въ Регенсбургѣ, въ случаѣ пресѣченія мужской линіи передано потомкамъ Христины и Сигизмунда Гуменянскихъ.

Мужъ покойной Христины и отецъ ея двухъ малолѣтнихъ дѣтей Ладислава и Сусанны, графъ Николай Берчени, не пожелалъ, однако довольствоваться одной только частью наслѣдства и своевольно захватилъ Ужгородскій замокъ, какъ «caput dominii Ungvariensis», куда только послѣ серьезной угрозы со стороны властей впустилъ царскій

[1]) Réz. A Drugethek és Homonna.

гарнизонъ и переписчиковъ, повѣренныхъ инвентаризаціей вымороченнаго наслѣдства Другетовъ, которое какъ таковое должно было отойти къ казнѣ. Подробная опись наслѣдственнаго движимаго имущества, находившагося въ замкѣ, была окончена и подписана дня 30-го іюня 1691 г. въ ужгородскомъ замкѣ. Она носитъ заглавіе: «Inventarium rerum mobilium et supellectilium in Arce Ungvár repertarum et confiscatarum». Actum in Arce Ungvár. die 30. Juniy Ao 1691[1]).

Перепись же всего наслѣдственнаго имущества и подробная его оцѣнка содержатся въ двухъ другъ друга дополняющихъ инвентарныхъ спискахъ, составленныхъ представителями казны, одинъ изъ коихъ данъ дня 23 іюня 1691 г., а другой дня 18 августа того же года. Кромѣ нихъ существуетъ еще нѣсколько болѣе раннихъ конскрипціонныхъ списковъ, изъ коихъ самый старый 1567 г., потомъ слѣдуютъ списки 1631, 1684, 1685 и 1690[2]) годовъ, далѣе списки 1701 и 1711 годовъ и др.[3]).

Всѣ эти и послѣдующіе списки содержатъ цѣннѣйшіе матеріалы по исторіи Ужгорода, по которымъ почти полностью и поименно можно возстановить весь составъ на-

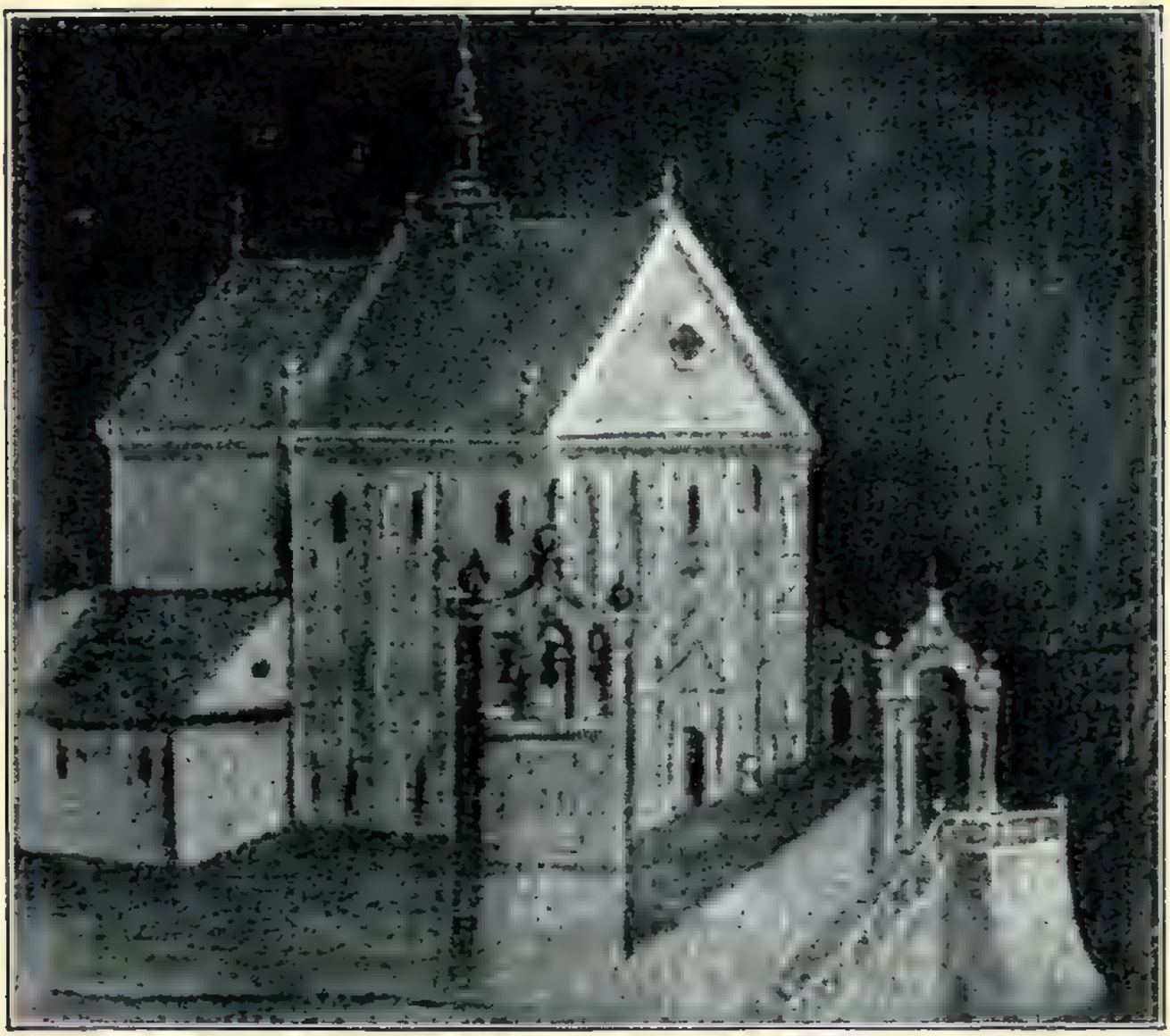
[1]) Thaly. A Spékesi gr. Bercsényi család II—40.
[2]) Dr. Hodinka. Adalékok az ungvári vár stb. történetéhez.
[3]) Thaly. A szék. gr. Bercsényl család II. 41. стр.

селенія города, его классовое, соціальное и имущественное состояніе.

По нимъ можно также прослѣдить и даже точно установить постепенное развитіе города. Такъ въ 1567 году было въ Ужгородѣ на 9 цѣлыхъ и 28 половинныхъ крѣпостническихъ участкахъ 34 крѣпостническихъ двора, кромѣ 4 жидлярскихъ. Въ 1631 году на 21 цѣлыхъ, 47 половинныхъ и 90 четвертныхъ усадебныхъ участковъ было уже 206 крѣпостническихъ дворовъ и 31 дворянскихъ, при чемъ крѣпостническіе дворы занимали $^{2}/_{3}$, а дворянскіе $^{1}/_{3}$ усадебной площади, изъ чего слѣдуетъ, что дворянскіе участки, изъ коихъ только 3 были четвертные въ среднемъ были гораздо крупнѣе, чѣмъ крѣпостническіе. Изъ этого слѣдутъ, что въ теченіи 64 лѣтъ количество домовъ возросло о какихъ нибудь 200, то есть на одинъ годъ приходится въ среднемъ 3 новыхъ дома. Это ростъ весьма внушительный, если принять во вниманіе, что за сравнительно короткій періодъ времени количество домовъ увеличилось приблизительно въ 6 разъ.

Численность населенія въ 1567 году можно отгадывать безъ войска и барской дворни, считая въ среднемъ на каждый домъ по 5 душъ, на 200 душъ, а въ 1613 году на 1200 душъ.

Съ 1631 года по 1691 годъ количество домовъ уменьшилось съ 237 на 221, т. е. о 16 домовъ, при чемъ пустырей было 45.



Видъ кафедральнаго собора въ началѣ XIX в.
(Оригиналъ во владѣніи д-ра Ю. Марины.)

Жупный домъ.

Городская управа (бывшая гимназія).

Примѣняя вышеуказанный ключъ, населеніе города, опять таки безъ войска и дворни, можно отгадывать приблизительно на 1000-1100 душъ.

Перепись 1685 года, содержитъ поименный списокъ ремесленниковъ и мужиковъ (parasztok). Ремесленники были зарегистрированы въ цехахъ, а именно гончарей было 9, чеботарей 13, мѣховщиковъ 10, портныхъ 5, кожевниковъ 3, кузнецовъ 4, плотниковъ 6, разныхъ 7, — всего ремесленниковъ было 57. Мужиковъ было 23. Из этого слѣдуетъ, что въ то время Ужгородъ былъ прежде всего промысловымъ городомъ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что ремесленники промышляли не однимъ своимъ ремесломъ, но пополняли его также винодѣліемъ, садоводствомъ и даже скотоводствомъ и огородничествомъ.

Относительно имущественнаго состоянія населенія весьма цѣнныя данныя содержитъ перепись 1690 г., въ которой содержится поименный списокъ хозяевъ. Въ ней подробно указано, что у 70 хозяевъ имѣется 11 лошадей, 86 воловъ, 65 коровъ, 45 телятъ. 337 свиней, 42 поросенка и 30 овецъ. По этому же списку узнаемъ, что у 106 хозяевъ имѣлось 156 виноградников, которые ежегодно давали въ среднемъ 528 бочекъ вина. Кромѣ этихъ имѣлись и обширные помѣщичьи виноградники числомъ 20, дававшіе въ хорошіе годы 300 бочекъ вина.

По вышеуказанному видно, что винодѣліе велось въ Ужгородѣ съ незапамятныхъ вре-

менъ и поэтому гербъ города недаромъ состоитъ изъ изображенія виноградной лозы съ гроздьями.

Виноградники имѣлись также въ подгородних̀ъ селахъ: Нѣмецкомъ, Гусакѣ, Петровцѣ, Доманинцахъ, Оноковцахъ и Невицкомъ, гдѣ нынѣ винодѣліе вовсе отсутствуетъ.[1])

Согласно урбаріальной переписи 1631 г., какъ уже было сказано, изъ 237 — домовъ дворянскихъ и вольныхъ было 31, что слѣдуетъ считать сравнительно большимъ числомъ. Это была преимущественно мелкая шляхта, поселившаяся въ городѣ съ разрѣшенія помѣщика, ища защиты въ тѣ тревожныя времена подъ стѣнами сильной по тому времени ужгородской крѣпости. Высшая аристократія, которая сама владѣла собственными замками, въ Ужгородѣ не селилась. За неимѣніемъ въ Ужгородѣ вольныхъ участковъ, такъ какъ кромѣ помѣщичьей земли, имѣлись только земли крѣпостныхъ, шляхта принуждена была селиться преимущественно на такъ наз. тягловыхъ участкахъ. Ввиду того, однако, что крѣпостные участки обременяла барщина и другія урбаріальныя повинности, то поселившееся на такихъ участкахъ дворянство, обязано было отбывать соразмѣрно тѣ-же повинности, что и крѣпостное населеніе, ибо барщина и другія крѣпостныя обязанности составляли бремена крѣпостныхъ надѣловъ

[1]) Dr. Hodinka — Adalékok az ungvári vár és tart. tört. 16, 91, 96.

и должны были исполняться, если даже освѣшій на них самъ личо принадлежалъ къ свободному сословію. Но такъ какъ, дворянину не пристало отбывать барщину, то поселившееся въ Ужгородѣ дворянство обыкновенно откупалось у помѣщика единовременными выкупами, что называлось экземпціей, т. е. изъятіемъ изъ крѣпостныхъ обязанностей. Такія экземпціи, однако, часто впослѣдствіи оспаривались правопреемниками, ввиду чего освобожденные или откупившіеся владѣльцы изъятыхъ участковъ обыкновенно испрашивали на экземпцію королевскаго утвержденія. Но и это не всегда соблюдалось правопреемниками. Объ этомъ упоминается въ описяхъ 1890 91 г., согласно которыхъ казна не признала экземпцій, проведенныхъ Валентиномъ Гуменянскимъ.[1]) Примѣру дворянства слѣдовали и зажиточные крестьяне и ремесленники и тоже откупались отъ барщины. Суммы выкупа были разныя. Въ спискѣ 1691 г. встрѣчаются какъ выкупныя суммы 100—300 таллеровъ, 100 золотыхъ (червонцевъ), 200—300—400 и даже 500—900 златовокъ (гульденовъ).

Согласно переписи отъ 23. VI. 1691 г. дворянскихъ усадебъ было въ Ужгородѣ 47—48.

Четверо изъ дворянъ, навѣрное не будучи въ состояніи откупиться, служили наравнѣ съ крѣпостными, а одинъ платилъ аренду натурой въ видѣ одной бочки вина.

---

[1]) Dr. Hodinka — Adalékok az ungvári vár és tart. tört. 87.

Освобожденныхъ отъ крѣпостныхъ обязанностей (либертиновъ) или откупившихся отъ таковыхъ въ то время было кромѣ дворянъ, 40 съ чѣмъ-то.

Для тогдашнихъ правовыхъ отношеній весьма характернымъ является, что если откупившійся отъ крѣпостныхъ обязанностей дворянинъ посадилъ въ свою экземптную усадьбу человѣка, принадлежавшаго къ несвободному сословію, то таковой долженъ былъ помѣщику служить, несмотря на то, что сидѣлъ на участкѣ, отъ крѣпостныхъ повинностей освобожденномъ.

Участковъ, принадлежавшихъ церкви или іезуитамъ, было 4. Остальные жители, составлявшіе лучшую половину населенія города, не считая войска и дворянъ, были крѣпостные, обязанные барщиной и разными феодальными поборами. Пустырей въ то-же время было 40 съ лишнимъ. Владѣльцы такихъ незастроенныхъ участковъ въ Ужгородѣ обыкновенно не жили и барщину не отбывали, по крайней мѣрѣ не въ Ужгородѣ.

Крѣпостное населеніе было облагаемо налогами, главнымъ образомъ натурой, а кромѣ того обязано было разными службами въ пользу барина, въ отношеніи котораго въ силу крѣпостного права населеніе находилось на положеніи подданныхъ (subditus). Налоговыя обязанности и крѣпостныя повинности въ разныя эпохи были разныя, о чемъ свидѣтельствуютъ упомянутые списки,

и зависѣли навѣрное больше отъ барской воли, чѣмъ отъ законныхъ установленій.

Согласно переписи 1631 г. жители облагались двоякими денежными поборами, а именно святогеоргіевскими и святомихайловскими, при чемъ первый взимался по 50 динаровъ, а второй по 1 златовкѣ съ цѣлой усадьбы. Назывались эти налоги такъ навѣрное потому, что взыскивались или подлежали уплатѣ въ оные дни, отъ которыхъ получили свое названіе. Къ Рождеству обязаны были барину по одному корцу или вѣку (вѣко = около 40 л.) овса. Обязаны были давать, между прочимъ также по 1-ой курицѣ, далѣе десятину отъ свиней, когда былъ урожай желудей.

Переписи 1684 и 1685 гг. содержатъ данныя относительно барщины (панщины), каковую должно было отбывать крѣпостное населеніе. Такъ согласно переписи 1685 г. населеніе города, переписанное поименно, по милости барина, освобождено было отъ всякаго рода налоговъ, подъ которыми слѣдуетъ навѣрное подразумѣвать денежные поборы, поэтому ихъ повинности по отношенію къ помѣщику сводились главнымъ образомъ къ отбыванію барщины. Ремесленники-либертины изъ отдѣльныхъ цеховъ обязаны были, на-примѣръ, на барскихъ виноградникахъ работать по два дня въ каждомъ рабочемъ сезонѣ. Тѣ, кто замку, т. е. барину, никакимъ ремесломъ не служили, обязаны были отрабатывать на барскихъ виноградникахъ по 2 дня въ недѣлю,

что составляло 104 трудодня въ годъ. Кромѣ того существовала повинность разносить письма на разстояніе 2 миль (15 килом.), но это не соблюдалось и жители принуждались ходить и дальше.

Ремесленники, какъ плотники, кузнецы, колесники, слесари, ружейники, столяры, чеботари обязаны были свозить въ барскій погребъ девятинное вино, а тѣ изъ нихъ, у кого имѣлся тягловой скотъ, обязаны были поставлять жнецамъ воду. Съ вина взималась для барина девятина (nona), а для короля десятина (decima). Съ зернового урожая десятина для барина не взималась.

Въ описи отъ 18. августа 1891 служба ремесленниковъ оцѣнивалась въ 121 зл. въ годъ, что при переводѣ на капиталъ равнялось 1.000 зл.

Отъ барщины можно было откупиться, о чемъ свидѣтельствуетъ вышеприведенная опись, въ которой указано, что 6 жителей не служатъ, т. е. не отбываютъ барщину (называемую по мадьярски robot), вмѣсто которой обязаны давать годично по одной бочкѣ вина, что считая по 8 зл. за бочку, составляло 48 зл.

Мясники платили годично 100 зл., 3. центнера лоя и 4. воловьихъ шкуры.

Винная девятина изъ Ужгорода, Горянъ, Невицкаго, Нижнихъ Доманинецъ и Гусака составляла вмѣстѣ годично 100 и больше бо-

чекъ, что по 8 зл. за бочку равнялось въ среднемъ 80 златовкамъ.

Это были т. н. урбаріальные доходы барина-помѣщика, получаемые имъ отъ своихъ крѣпостныхъ частью деньгами, частью натурой, а частью также работой. Совокупность этихъ повинностей и платежныхъ обязанностей крѣпостныхъ къ своему барину называлась мадьярскимъ словомъ «urbér», что въ русскомъ переводѣ значитъ плата (bér — мзда) барину.

Отсюда потомъ возникло въ т. н. «кухонной латыни», употребляемой въ мадьярской администраціи до начала XIX. ст. въ качествѣ официальнаго языка, слово urbarium, которымъ обозначалась совокупность повинностей крѣпостныхъ по отношенію къ помѣщику, т. е. своего рода узаконеніе правовыхъ соотношеній между помѣщикомъ и его крѣпостными, что съ латинскимъ словомъ urbs (городъ) ничего общаго не имѣетъ.

Кромѣ сихъ главныхъ обязанностей крѣпостные должны были давать помѣщику девятину меда, пчелинныхъ роевъ, ягнятъ, козлятъ, далѣе по 2 цыпленка, по 2 пѣтуха (каплуна) и т. д. Эти поборы назывались мелкой десятиной (apró dézsma), которая была отмѣнена еще до освобожденія крестьянъ закономъ № VII. 1836 г.

Кромѣ урбаріальныхъ доходовъ и доходовъ отъ собственнаго имущества согласно переписи отъ 18. VIII. 1691 г. въ самомъ Ужг-

городѣ имѣлъ помѣщикъ еще разные иные доходы источникомъ которыхъ были разныя т. н. регальныя (королевскія) права.

Такъ во время торговъ взимался съ продавцовъ въ пользу помѣщика за мѣсто сборъ отъ шатра. Этотъ рыночный сборъ составлялъ согласно представленія Николая Берчени, поданнаго имъ въ отвѣтъ на казенную оцѣнку, содержимую въ описи 1691 г., по 2 динара отъ шатра. Потому-же отвѣтному представленію гр. Н. Берчени въ Ужгородѣ въ то время отбывалось около 5 торговъ въ годъ.

Доходъ отъ парома (плота), принадлежавшій также помѣщику, былъ оцѣненъ казенными людьми въ 36 зл. въ годъ. Противъ такой оцѣнки возражалъ Н. Берчени, утверждая, что паромъ ходитъ только во время наводненій, да къ тому еще дворяне, помѣщичьи люди и дворня пользуются имъ безплатно. Изъ сего можно заключить, что при нормальномъ уровнѣ воды рѣка переѣзжалась возами вбродъ. Мостъ, упоминаемый между прочимъ въ переписяхъ 1631—1690—1691 г. г., повидимому для возовъ не былъ приспособленъ и служилъ только для пѣшеходовъ, ибо въ противномъ случаѣ паромъ былъ бы совершенно излишнимъ.

Наемное отъ 7 лавокъ на рынкѣ, которое принадлежало также помѣщику, составляло по той же описи 60 зл. въ годъ.

Въ имѣвшихся въ городѣ двухъ корчмахъ

(educilla vini) съ Юрьева дня до Михаилина дня продавалось помѣщичье вино, въ среднемъ около 120 бочекъ въ годъ. Доходность корчемъ опредѣлялась по 9 зл. съ бочки, что составляло 1080 зл. въ годъ. Это отвѣчало при 6% капиталу 18.000 зл. Въ остальное время года продавалось вино жителей.

Мыто находилось въ арендѣ у еврея, который за него, а также за распивочную, въ которой продавалось пиво, медъ и водка, платилъ помѣщику годично 600 зл. Такъ какъ въ другихъ спискахъ евреи не упоминаются, нужно полагать, что въ концѣ XVII. вѣка въ Ужгородѣ жили только одна-двѣ еврейскихъ семьи.

О тогдашнихъ размѣрахъ города достаточно наглядное представленіе даетъ оцѣночная опись отъ 23 іюня 1691 года, согласно которой въ то время Ужгородъ состоялъ изъ слѣдующихъ улицъ:

1. Várutcza — Замковая (нынѣ Капитульная)
2. Gyapjuutcza — Волняная (нынѣ Духновича)
3. Piaczutcza — Рыночная (нынѣ ?)
4. Hidutcza — Мостовая (нынѣ Рашина)
5. Sósutcza — Соляная (нынѣ Ракоци)
6. Cigányutcza — Цыганская (нынѣ Мункачи ?)
7. Malomutcza — Мельничная (нынѣ Подградская—Vadkert u.?)
8. Téglaszinutcza — Цегольнянская (нынѣ Подгорная и Другета)

9. Vatautcza — Ватная (нынѣ ?)

10. Temetőutcza — Кладбищенская (нынѣ Добрянскаго?)

Всѣ вышеперечисленныя улицы расположены были, за исключеніемъ можетъ быть, одной Цыганской, вокругъ замка на правомъ берегу рѣки Ужа. За рѣкой (мостомъ) находилась, по всей видимости, только одна изъ корчемъ, называемая въ спискахъ 1631 и 1690 91 годовъ «гостиницей». Мѣстонахожденіе ея указано неопредѣленно: «за Ужемъ» и «за мостомъ при дорогѣ», безъ поименованія улицы. Изъ этого можно заключить, что «гостинница» эта была просто постоялымъ дворомъ, каковыхъ въ тѣ времена было не мало на большихъ дорогахъ. Она была, по всей вѣроятности, предшественницей позднѣйшей гостинницы «Черный Орелъ», находившейся на «Орлиной площади», называемой нынѣ Масариковой.

О замкѣ упоминаютъ впервые почему то только описи 1691 года, составленные представителями казны, къ которой какъ уже выше было сказано, должно было перейти вымороченное наслѣдство Другетовъ.

Опись отъ 23-го іюня 1691 г. содержитъ слѣдующее интересное описаніе имѣвшаго въ то время еще важное стратегическое значеніе замка:

«Arx Ungvár dicta continens primo ante portam exteriorem clausuram pallesatis et 2 ligneis portis extructam ac circumdatam huszárvár

vocatam, ubi erectae sunt 3 viles gasae, in quibus pedites arcis degunt. Ex post habetur fossatum amplum, per quod comtinetur pons, quo itur ad portam arcis exterioris, in qua habentur plurimae domunculae tempore disturbiorum per oppidanos aedificatae, in quibus nunc praesidiarii milites resident. In eadem exteriori arce habetur templum cum turri murata sat amplum et formosum, in quo praedecessores familiae Homonnai sepulti sunt. Propugnacula ibidem continentur 5 regaliter exstructa, in quibus actu exstant plurima tormenta majora et minora, quae in inventario domus armentariae officialium uberius specificantur. Stabula, culina et penes eadem constructae mansiones commodae dantur. In arce interiori 2 contignationum, ubi ad inhabitandum bonae commoditates, palatia, nonnulla vero cubicula sub obsidione Tököliana ruinata et necdum restaurata habentur, potiora vero una cum tectis arcis hactenus reparata sunt et adhuc partim, praecipue tecta et muri per Tökölianos tormentis ruinati et demoliti reperatione indigent. Tabulatum etiam palatii majoris valde ruinosum, fenestrae etiam potiores et januae cum suis requisitis commode restauratae sunt.»

По-русски это значитъ: «Передъ наружными воротами ужгородскаго замка имѣется обведенная тыномъ паланка съ двумя деревянными воротами, называемая гусарскимъ замкомъ, въ которомъ находятся 3 хижины, въ которыхъ живутъ пѣхотинцы замка. Послѣ

того слѣдуетъ широкій ровъ, черезъ который проложенъ мостъ, по которому идется къ воротамъ наружнаго замка, въ которомъ жители города въ тревожныя времена понастроили много домишекъ, въ которыхъ теперь пребываютъ крѣпостные воины. Въ томъ-же наружномъ замкѣ имѣется довольно просторная и красивая церковь съ мурованной колокольней, въ которой погребены предки семьи Гуменянскихъ. Тамъ-же возвышаются 5 изрядно построенныхъ башенъ, на которыхъ поставлено много большихъ и маленькихъ пушекъ, подробно перечисленныхъ чиновниками въ оружейномъ инвентарѣ. Имѣются тамъ конюшни, кухня и возлѣ нихъ удобныя жилища. Въ среднемъ замкѣ имѣются двѣ двухэтажныя палаты съ удобными жилыми помѣщеніями, изъ коихъ нѣкоторыя во время Тэкэлійской осады были разрушены и до сихъ поръ не были возстановлены, лучшія же изъ нихъ были вмѣстѣ съ крышей замка отремонтованы, частью же, особенно крыша и стѣны, разрушенныя и снесенныя Тэкэлійскими ядрами, нуждаются въ починкѣ. Своды большого хорома сильно разрушены, окна немного лучше, двери же со своими принадлежностями въ достаточной мѣрѣ исправлены».

По этому описанію видно, что ужгородскій замокъ въ то время состоялъ собственно изъ крѣпости, обведенной рвомъ и крѣпостной стѣной съ башнями, точнѣе площад-

ками для орудій, и наружныхъ вспомогательныхъ укрѣпленій, обведенныхъ деревяннымъ палисадникомъ или паланкой.

Обѣ эти части соединялись подъемнымъ мостомъ, замѣненнымъ нынѣ насыпью. Наружныя деревянныя укрѣпленія, носившія навѣрное и въ то время только временный характеръ, уже давно не существуютъ и отъ нихъ не осталось и слѣда. Только острый клинообразный выступъ на ул. Подградской, напротивъ сѣверной башни, заставляетъ насъ предполагать, что линія наружныхъ укрѣпленій на сѣверной сторонѣ совпадала частично съ теперешней линіей помянутой улицы. — Находившаяся внутри огражденій замковая цероквь сегодня уже не существуетъ. Изъ палатъ уцѣлѣла только одна, въ которой сегодня находится уніатская богословская семинарія. Уцѣлѣли также башни и ровъ, хотя нуждаются въ срочномъ ремонтѣ.

Въ оцѣночномъ спискѣ отъ 18-го августа 1691 г. имѣется слѣдующее, уже болѣе скудное, описаніе замка:

Arx Ungvár in uno colle, fluvio Ung dicto circumfluente, et in loco amoeno exstructa, universis ad inhabitandum necessariis suis commoditatibus optime provisa, extrinsecis 5 regalibus propugnaculis et murato fossato munita, non contemnendis sumptibus erecta, cujus valor ad multa millia sese extenderet, sed cum aestimationis arcium certa methodus cameralis praescripta haberetur, ex eo arx ista respectu situs

loci et optimarum suarum commoditatum, veluti versus r. Poloniae finitima merito aestimari potest ad fl. 6.000.— Tormenta, machinae, bombardae et aliae munitiones bellicae in aedem existentens dd. officialibus domus armentariae reliquuntur aestimanda.

Въ русскомъ переводѣ это значитъ:

«Ужгородскій замокъ, построенный на холмѣ, омываемомъ рѣкой, называемой Ужгомъ, на весьма пріятномъ мѣстѣ, имѣетъ всѣмъ необходимымъ прекрасно снабженныя жилыя помѣщенія. Снаружи защищенъ 5-ью крѣпкими башнями и мурованнымъ рвомъ. Построенъ на средства немалыя, равняющіеся многимъ тысячамъ, но такъ какъ способъ казенной оцѣнки замковъ точно предписанъ, то сей замокъ ввиду своего расположенія и хорошихъ помѣщеній, какъ окраинная крѣпость противъ королевства Польши, оцѣнивается въ 6.000 златовокъ (флореновъ). Оцѣнка пушекъ, боевыхъ машинъ, бомбардировочныхъ орудій и прочихъ военныхъ снаряженій, въ крѣпости этой находящихся, предоставляется гг. чиновникамъ оружейной палаты».

Согласно оцѣночной описи отъ 18. VIII. 1691 г. все обширное ужгородское помѣстье было казенными людьми оцѣнено въ 140.892 златовокъ, считая въ томъ также феодальныя обязанности крѣпостныхъ, какъ барщину, денежные и натуральные поборы и т. д., переведенные на деньги, т. е. капитали-

зованные, что слѣдуетъ считать и по тому времени за слишкомъ низкую цѣну.

Споръ гр. Берчени съ казной изъ-за наслѣдства кончился сдѣлкой, согласно которой все ужгородское помѣстье казна уступила ему на неопредѣленное время въ залогъ (titulo hypothecae jureque redemptibili) за сумму 175.000 златовокъ съ правомъ окончательнаго выкупа въ собственность, при чемъ въ сію сумму засчитывалось 50.000 златовокъ, т. е. сумма, которая согласно помянутой жалованной грамоты Фердинанда III. принадлежала женской линіи Христины. Въ силу сей сдѣлки, которая была дня 10. II. 1692 г. одобрена Леопольдомъ I-мъ, гр. Николай Берчени сталъ владѣльцемъ ужгородскаго замка и всего принадлежащаго къ нему огромнаго помѣстья (около 120.000 га), при чемъ еще раньше дипломомъ того-же Леопольда I-го отъ 30. VIII. 1691. была ему пожалована пожизненная должность ужгородскаго жупана.

Новый владѣлецъ обновилъ и укрѣпилъ отъ многочисленныхъ осадъ сильно пострадавшій замокъ и обставивъ его небывалой роскошью, сдѣлалъ его своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ, гдѣ на устраиваемыхъ имъ великолѣпныхъ пиршествахъ (самъ онъ былъ трезвенникомъ) собиралась вся мадьярская знать. Особенно дружилъ Берчени съ юнымъ владѣльцемъ сосѣдняго мукачевска-

го замка, Францемъ Ракоци, княземъ «Мукачевскимъ и Маковицкимъ».

Сначала Берчени былъ преданнымъ сторонникомъ Габсбурговъ и поборникомъ существующаго порядка, какъ это, конечно, и подобало гусарскому полковнику, придворному совѣтнику и камергеру, по отношенію къ которому неоднократно проявлялась особая царская милость. Между прочимъ онъ активно принималъ со своимъ полкомъ участіе въ подавленіи Куруцкаго возстанія 1697 года, вспыхнувшаго въ Новомъ Мѣстѣ подъ Шатромъ изъ-за неимовѣрныхъ безчинствъ разнузданной нѣмецкой солдатни.

Въ религіозномъ отношеніи Берчени не отличался также особой терпимостью. Ко времени вступленія имъ во владѣніе Ужгородомъ реформаты имѣли въ Ужгородѣ по милости Валентина Другета опять приходъ. Дня 15-го апрѣля 1695 года, однако, Берчени, ссылаясь на приказъ кардинала Коллонича, изгналъ изъ Ужгорода тогдашняго реформатскаго пастора, по имени Михаила Вари, который послѣ того поселился въ Радванкѣ[1]) Только 10 лѣтъ спустя, въ 1705 году, въ разгарѣ Куруцскаго возстанія былъ по приказу кн. Франца Ракоци реформатамъ возвращенъ захваченный у нихъ католиками костелъ у госпиталя вмѣстѣ съ приходскимъ

[1]) Monumenta Hungariae Historica, Budapest. 244.

Римо-католическій костелъ.

Греко-кат. церковь на Цегольнѣ.

домомъ и со всѣми доходами (cum parochia et universis reditibus[1]).

Въ настроеніяхъ гр. Николая Берчени со временемъ произошли, однако, коренныя перемѣны. Онъ становится непримиримымъ врагомъ всего нѣмецкаго (Germanici nominis osor implacibilis). Нужно полагать, что ему самому неоднократно пришлось испытать на себѣ своеволіе разнузданнаго нѣмецкаго жолнѣрства, — отъ котораго людямъ не было житья. Навѣрное ему пришлось перенести также немало непріятностей и отъ помѣщавшагося въ замкѣ нѣмецкаго гарнизона.

Для иллюстраціи тогдашняго безправнаго положенія можетъ послужить возмутительный случай, имѣвшій мѣсто въ Ужгородѣ въ мѣсяцѣ іюнѣ 1693 г., т. е. скоро послѣ того, какъ гр. Н. Берчени вступилъ во владѣніе ужгородскимъ помѣстьемъ. Дѣло было такъ, что Берчени долженъ былъ городу Дебрецину 3.000 флореновъ. Сумму эту городъ переуступилъ во избѣжаніе экзекуціи военной казнѣ въ уплату причитавшагося съ него военнаго налога. Взысканіе долга, хотя срокъ платежа по переуступленному долговому обязательству гр. Берчени еще не насталъ, было поручено начальнику мукачевской крѣпости, нѣкоему Матвѣю Кейзеру, который безъ предупрежденія или предварительнаго вызова отправилъ въ Ужгородъ для проведенія экзекуціи военный отрядъ въ

[1]) Komjáthy G. — Az Ungv. ref. egyh. tört. 13-19.

80 человѣкъ нѣмецкихъ жолнѣровъ. Управляющіе графа Берчени, котораго въ Ужгородѣ въ то время не оказалось, заявили противъ незаконной экзекуціи долга, срокъ уплаты котораго еще не наступилъ. протестъ и просили отсрочки, пока не снесутся по сему поводу со своимъ бариномъ.

Начальникъ отряда, однако, сей обоснованной просьбѣ не внялъ и, размѣстивъ свой отрядъ по частнымъ квартирамъ, снялъ съ него дисциплину, что иными словами обозначало вольный грабежъ.

Только этого и ожидавшая, разнузданная солдатня дала своей жадности и прихоти полную волю. Пьянствовали, буйствовали, насильничали, по улицамъ стрѣляли и вообще творили всякаго рода неподдающіяся описанію безобразія. Въ довершеніе всего отъ выстрѣла пьянаго солдата вспыхнулъ пожаръ, который причинилъ графу убытки въ нѣсколько тысячъ златовокъ, а кромѣ того сгорѣло отъ него 16 частныхъ домовъ, въ которыхъ погибъ весь домашній скарбъ 18-ти семей.

«...qui (т. е. присланные изъ Мукачева «milites executores Germani») nonmodo alias enormes excessus, damnaque et sumptus perpetrassent et causassent: sed et sedecim circiter domos in oppido Unghvar eadem indebitae hujusmodi executionis occasione in flammam et cineres convertissent, damno ejusdem Domini Comitis ad aliquot millia sese extendente valde

gravi et manifesto». (Подлинный концептъ въ архивѣ мад. кор. придворной канцеляріи. 1693 nro 27. ex Augusto).

Вызванное пожаромъ смятеніе жольнѣры использовали для грабежа и чтобъ панику еще увеличить, то ошеломленныхъ отъ пожара людей, крѣпостныхъ и дворянъ безъ различія, неистово избивали и гоняли по улицамъ, обзывая ихъ бунтарями. Произошелъ этотъ случай дня 19-го іюня 1693 года и въ составленномъ по сему поводу слѣдственномъ протоколѣ отъ 20 іюня 1693 г. описанъ слѣдующимъ образомъ:

«Sub eodem incendio inexplicabiles percussiones et verbera in plateis hominibus peregerunt, evaginatus armis executores indifferenter, sive in Nobilibus en Ignobilibus, demoninando cohabitatores omnes ejusdem Oppidi Unghvar esse Rebelles; sub eodem incendio etiam multas direptiones perpetrarunt». (Подлинникъ тамъже ad nrum 27).

Безобразіе сіе, творимое надъ ни въ чемъ неповинными людьми, прекратилось только тогда, когда поставленный о происходившемъ въ срочномъ порядкѣ въ извѣстность гр. Берчени, сложилъ 3.000 зл.[1]).

Если такое насиліе безнаказанно позволяли себѣ царскіе наймиты противъ такого знатнаго и заслуженнаго аристократа, какъ гр. Николай Берчени, владѣльца огромныхъ помѣстій, гусарскаго полковника, жупана и

[1]) Таль. — Семья графовъ Берчени — II. — 77-79.

т. д., то даже трудно себѣ представить то безвыходное положеніе, въ какомъ находились мелкіе шляхтичи, а тѣмъ болѣе крѣпостные. Такъ, напр., въ 1697 году въ области Токайскаго Подгорья (Tokaj — hegyalja) уплаченный уже разъ военный налогъ вторично взымался съ злочастныхъ жителей посредствомъ военной экзекуціи (gravis militaris executio) , при чемъ, какъ средство воздѣйствія примѣнялось, между прочимъ. подвѣшиваніе людей за ноги, головой внизъ и подкуриваніе ихъ[1]). Неудивительно поэтому, что возстаніе сейчасъ же вспыхнуло, какъ только появились вожди въ лицѣ графа Н. Берчени и кн. Фр. Ракоци.

Вдохновителемъ возстанія былъ собственно Берчени. Подъ его вліяніемъ Ракоци въ силу союзнаго договора, заключеннаго въ свое время между его прадѣдомъ, семиградскимъ господаремъ Юріемъ Ракоци I. и французскимъ дворомъ, обратился за помощью къ французскому королю Людовику XIV. Его посолъ, однако, былъ собственно приставленный къ нему агентъ іезуитовъ и тѣмъ самымъ и вѣнскаго двора, благодаря чему заговоръ уже съ самаго начала былъ раскрытъ[2]). Вслѣдствіе этого Ракоци былъ въ своемъ великошаришскомъ дворцѣ ночью съ 17-го на 18-е апрѣля 1701 года арестованъ и доставленъ въ Вѣнскій Новгородъ

[1]) Таль — Семья графовъ Берчени.
[2]) Таль. — Семья графовъ Берчени. II—295.

(Wiener-Neustadt). Та-же участь ожидала Берчени. который, однако, заблаговременно узнавъ о случившемся, бѣжалъ въ Польшу.

Послѣ побѣга Берчени въ Польшу на его имущество былъ наложенъ арестъ. По описи, составленной по сему случаю представителями казны лѣтомъ 1701 г., которая содержитъ между прочимъ списокъ домашней утвари, драгоцѣнностей, платьевъ и всей обстановки замка по отдѣльнымъ помѣщеніямъ. можно судить о необыкновенной роскоши, съ какой ужгородскій замокъ былъ обставленъ, а также о богатствѣ, вкусахъ, привычкахъ и вообще объ образѣ жизни его владѣльцевъ. На чердакѣ замка найдено было, между прочимъ. девять громадныхъ охотничьихъ сѣтей для ловли дикихъ звѣрей (retia ingentia pro feris), что заставляетъ предполагать, что въ тѣ времена охота велась еще въ значительной степени посредствомъ загона звѣрей въ разставленныя сѣти.

Изъ помянутой описи, а также другихъ источниковъ узнаемъ, что замокъ окружало 5 великолѣпныхъ парковъ, какъ «Virágoskert» (Цвѣточный садъ) по правой сторонѣ Замковой улицы. «Lugaskert» (Луговой садъ) и «Darvaskert» (Журавлиный садъ) по направленію къ Радванкѣ, далѣе расположенный подъ замкомъ романтичный «Vadkert» (Звѣриный садъ), возлѣ котораго находился помѣщичій пивоваренный заводъ, а наконецъ сосѣдній съ нимъ «Galamboskert» (Голуби-

ный садъ[1]). Изъ нихъ всѣхъ уцѣлѣлъ только служащій нынѣ городскимъ паркомъ «Vadkert», пріобрѣтенный отъ казны въ 1901 году путемъ обмѣна[2]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что среди арестованныхъ въ замкѣ вещей находился, между прочимъ, архивъ Лелесскаго конвента, уложенный въ трехъ ящикахъ. Архивъ этотъ, являющійся цѣннѣйшимъ историческимъ кладомъ, былъ перевезенъ монахами во время такэлійскаго возстанія въ ужгородскій замокъ, какъ по ихъ мнѣнію болѣе надежное мѣсто, чѣмъ лелесскій монастырь. Какъ мы видимъ въ своемъ разсчетѣ монахи, увы, жестоко ошиблись, и архивъ въ переходившемъ изъ рукъ въ руки ужгородскомъ замкѣ уцѣлѣлъ только благодаря случайности, подробности которой описаны въ письмѣ графа Берчени отъ 5-го апрѣля 1701 г., въ которомъ онъ сообщаетъ Лелесскому конвенту, что со времени взятія обратно ужгородскаго замка отъ тэкэлійцевъ (ноябрь 1685 г.) пушкари помѣщавшагося въ замкѣ гарнизона «его царскаго и королевскаго величества» по приказу своихъ офицеровъ до недавна пользовались архивомъ въ качествѣ матеріала для пушечныхъ пыжей, что было имъ только недавно случайно открыто и злоупотребленіе это сразу же пріостановлено. Одновременно

[1]) Таль. — Семья графовъ Берчени 11-242-273-222.
[2]) М. Финцицкій. — Докладъ о состояніи города Ужгорода за 1907 г.

предлагаетъ конвенту спасенный имъ остатокъ архива срочно убрать[1]).

Можно себѣ представить, что въ теченіе 15 лѣтъ сколько цѣннѣйшихъ документовъ пропало, получивъ такимъ образомъ примѣненіе къ «военному дѣлу».

Кн. Францъ Ракоци, которому угрожала смертная казнь былъ заключенъ въ замокъ въ Вѣнскомъ Новгородѣ (Винеръ Нейштадтъ) именно въ ту-же самую комнату, въ которой провелъ послѣдніе дни казненный за государственную измѣну его дѣдъ Петръ Зринскій. Оттуда ему удалось бѣжать при помощи подкупленнаго его женой, офицера и пробраться къ своему пріятелю гр. Н. Берчени, въ Польшу. Въ Польшѣ, несмотря на враждебное къ нимъ отношеніе придворныхъ круговъ, имъ удалось благодаря интенсивной дипломатической и матеріальной поддержкѣ французскаго короля, а также при помощи нѣкоторыхъ благосклонно расположенныхъ къ нимъ, отчасти даже находившихся съ Берчени въ родствѣ польскихъ аристократовъ, организовать и подготовить дома на родинѣ черезъ своихъ эмиссаровъ возстаніе противъ Габсбурговъ. Для этой-же цѣли ими былъ на французскія деньги нанятъ отрядъ изъ 800 козаковъ, который составилъ основное ядро повстанческаго войска, къ коему потомъ присоединился и карпа-

[1]) Таль. — Семья графовъ Берчени — 11-267, 300-302.

торусскій народъ, какъ это описываетъ въ своемъ дневникѣ современникъ — іезуитъ:

«Latebat Rákóczius post fugam Neostadiensem in Polonia, apud Principissam Sinavskianam. Bercsénius habuit nomen apud eandem Dominam Derzovsky. Haec dedit uterque 800 circiter Cosacos, quorum auxilio sunt agressi partes Munkácsienses et Ruthenos sibi adjunxerunt.»

Въ русскомъ переводѣ это гласитъ: «Ракоци послѣ побѣга изъ Вѣнскаго Новгорода укрывался въ Польшѣ, у княгини Сѣнявской. Берчени у этой-же барыни носилъ имя (псевдонимъ) Дерзовскій. Она имъ обоимъ дала около 800 казаковъ, при помощи которыхъ захватили Мукачевскій край и присоединили къ себѣ русскихъ (т. е. карпатороссовъ)[1]).

Такъ началось въ концѣ цервой половины 1703 г. то знаменитое, длившееся полныхъ 8 лѣтъ, куруцкое возстаніе, которое при нѣкоторыхъ условіяхъ могло положить конецъ нѣмецкому владычеству въ дунайскомъ бассейнѣ и тѣмъ самымъ повернуть колесо исторіи въ другую стоорну, а именно въ сторону славянорусскую, на которую въ данномъ случаѣ въ значительной степени и была сдѣлана ставка. Въ немъ весьма видную, можно сказать основную, роль игралъ карпаторусскій народъ, надѣявшійся съ оружіемъ въ рукахъ выбороть себѣ свою правду. Участіе карпаторусскаго народа въ возстаніи уже само по се-

[1]) См. Таль: „Семья графовъ Берчени II. 520.

бѣ въ значительно степени обезпечивало ему успѣхъ, ибо закаленные въ бояхъ воинственные карпаторусскіе горцы представляли собой весьма цѣнный боевой матеріалъ, — о стратегическомъ значеніи Подкарпатской Руси, какъ исходной и основной базѣ возстанія, черезъ которую поддерживалась постоянная связь съ Востокомъ, и не говоря.

Въ тѣ времена вдоль всей границы отъ Мароморошa до Спиша шла между карпаторусскимъ народомъ и польской шляхтой пограничныхъ округовъ ожесточенная борьба, принимавшая иногда видъ настоящей войны, сопровождаемая, какъ это ужъ полагается, набѣгами, взаимнымъ истребленіемъ, опустошеніями, грабежами, угономъ скота, поджогами, уводомъ населенія въ плѣнъ и даже въ рабство, наложеніемъ контрибуціи и прочими пріемами формальной войны. (Szilágvi S. — A magyar nemzet tört. VII. 538.) Такъ въ 1698 году земплинцы, или какъ ихъ современныя грамоты называютъ «русскіе разбойники», (Praedones Rutheni) угнали изъ Польши около 1.000 головъ скота, а посланный за ними въ догонку отрядъ въ 500 человѣкъ подъ Виравой разбили на голову, захвативъ, между прочимъ, одну мортиру (certam quoque colubrinam)[1]). По этому одному случаю можно заключить, что карпаторусскій народъ въ тѣ времена обладалъ въ значительной степени развитой военной организаціей,

[1]) Таль: Семья графовъ Берчени, 229-230, 213-217.

служившей ему прочной основой самозащиты и позволявшей ему съ успѣхомъ сводить счеты съ сосѣдними польскими панами.

О роли, какую игралъ въ возстаніи русскій народъ, можно судить по тому вліянію, которое онъ оказывалъ на тогдашнюю венгерскую общественность и въ бытовомъ отношеніи. Вся мадьярская поэзія и музыка эпохи возстанія, называемая «куруцской», густо пронизана русскими, въ частности карпаторусскими, мотивами, уцѣлѣвшими до нашихъ дней. Такъ напр. въ трембитахъ (труба карпаторусскихъ пастуховъ длиною въ 3—4 метра) нельзя не усмотрѣть праобразъ мадьярскаго національнаго инструмента, называемаго «tárogató».

Первоначально трембита была инструментомъ боевымъ который нѣмцы такъ и называли «Heerpfeife»[1]), т. е. «боевой свирѣлью». При помощи трембитъ, имѣющихъ сильный, слышный на далекія разстоянія, пронзительный звукъ, предуславливаемый уже и ихъ внушительной длиной, поднималась въ нашихъ горахъ въ случаѣ иноземнаго набѣга или иной опасности тревога и созывались бойцы. Въ оныя жестокія времена трембита играла роль своеобразнаго телефона; при ея помощи передавались сигналы по всей области съ вершины на вершину. Она входила такимъ обра-

[1]) Rákóci emlékkönyv 11-182 Allgemeine Musikzeitung 180.-10 № 6.

зомъ въ составъ своеобразной военнооборонительной системы карпаторусскихъ горцевъ.

Возстаніе, которое распространялось съ быстротой лавины, носило сначала не только проти-габсбургскій, но и явно соціальный характеръ. Это было въ первую очередь движеніе угнетаемыхъ низовъ народныхъ, возглавляемое, однако. аристократической верхушкой, во главѣ которой стоялъ богатѣйшій мадьярскій магнатъ, который въ силу логики вещей не могъ или не хотѣлъ удовлетворить соціальнымъ требованіямъ широкихъ массъ, на которыя онъ главнымъ образомъ опирался. Это парадоксальное противорѣчіе и оказалось для окончательнаго исхода борьбы роковымъ.

Дворянство, особенно сначала, приняло сторону нѣмцевъ и передъ взбунтовавшимся крестьянствомъ искало убѣжища въ замкахъ. Сторонниковъ Габсбурговъ, въ отличіе отъ куруцевъ, звали «лабанцами». Въ нашей области дворянство укрылось въ ужгородскомъ замкѣ.

Ужанскіе верховинцы поднялись тоже. Они загородили ущелія и стали вооружаться. Во главѣ движенія сталъ популярный атаманъ Беча, тотъ самый, который въ концѣ XVII. вѣка руководилъ пограничной партизанской войной между карпатороссами и поляками.

Ночью 18-го августа 1703 года верховинцы совершили подъ предводительствомъ Бечи набѣгъ на Горяны и Ужгородъ и угнали въ горы

весь помѣщичій скотъ, а также попавшійся имъ въ руки скотъ укрывшихся въ замкѣ дворянъ-лабанцевъ.

Къ началу сентября Беча уже сформировалъ свое войско, которое сторонники Габсбурговъ, т. е. «лабанцы» насмѣшливо звали «сермяжнымъ войскомъ» (gubás had). Во главѣ этого войска, состоявшаго изъ нѣсколькихъ тысячъ, плохо вооруженныхъ, но зато отоважнѣйшихъ верховинскихъ бойцовъ, Беча спустился съ горъ и 17-го сентября послѣ упорного боя занялъ Ужгородъ и осадилъ замокъ.

Гарнизонъ замка въ то время состоялъ изъ роты нѣмецкихъ мушкетеровъ при соотвѣтствующей артиллеріи и конницѣ. Начальникомъ крѣпости былъ капитанъ Францъ Свѣтликъ (по другимъ источникамъ Шветликъ — Schwetlik). Численность защитниковъ замка вмѣстѣ съ укрывшимся въ немъ дворянствомъ и челядью равнялось 300—400 бойцамъ. Въ защитѣ замка дѣятельное участіе принимали также іезуиты, производившіе, — по нѣкоторымъ источникамъ, — якобы отравленныя пули[1]).

Осаждаемые стойко и мужественно защищались. Они частыми вылазками старались разстроить ряды осаждающихъ. Кромѣ того ядрами и иными зажигательными средствами нѣсколько разъ подожгли городъ, въ которомъ размѣщались осаждающіе, чтобы та-

[1]) Таль - Семья графовъ Берчени - III. 52-54.

кимъ образомъ лишить ихъ крова и прикрытія. Осаждающіе, однако, каждый разъ пожаръ быстро тушили. Осада изъ-за недостатка бомбардирочныхъ средствъ сильно затянулась, а замокъ такъ и не удалось взять приступомъ. Только послѣ капитуляціи сильнаго Мукачева-Паланка, гарнизонъ котораго, конвоируемый куруцами, около 20. Февраля 1704 г. проходилъ Ужгородомъ на виду осаждаемыхъ, сочло начальство крѣпости дальнѣйшее сопротивленіе безцѣльнымъ и рѣшило сдаться. Другого мотива для этого не имѣется, такъ какъ осажденные ни въ чемъ нужды не терпѣли, по крайней мѣрѣ о ней не упоминаетъ въ своемъ дневникѣ пережившій осаду Георгій Хорватъ Павловецкій[1]).

Условія сдачи были составлены 26. февраля и послѣ ихъ ратификаціи со стороны Ракоци 2. марта подписаны уполномоченными обѣихъ сторонъ. Условія эти для осаждаемыхъ были весьма выгодны. Войску гарантированъ былъ вольный уходъ въ Польшу черезъ Маковицкій (Дуклянскій) перевалъ, при чемъ солдатамъ оставлены были винтовки съ 16 патронами. Остальные защитники замка получили амнистію, должны были, однако, присягнуть на вѣрность Ракоци. Сдача замка состоялась 16-го марта, по другимъ источникамъ 17-го марта 1704 г., чѣмъ и окончилась продолжавшаяся ровно полъ года затяжная осада[2]).

---

[1]) Monumenta Hungariae Historica, XXXI, 252, 259.
[2]) Таль — Семья графовъ Берчени III. 52-54, 25-126.

Возстаніе имѣло сначала головокружительные успѣхи. Къ концу 1704 г. почти вся Венгрія находилась въ рукахъ Ракоци. Его наѣздники уже въ началѣ лѣта 1704 года появились у стѣнъ Вѣны и въ день рожденія императора Леопольда, 9-го іюня, вечеромъ устроили ему своеобразную иллюминацію, подожегши всѣ предмѣстья Вѣны.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ успѣховъ семиградцы уже 6-го іюля 1704 г. на сеймѣ въ Альба-Юліи избрали Ракоци своимъ государемъ. Венгерскій сеймъ въ Сѣчинѣ 16. сентября 1705 г. избралъ его государемъ-правителемъ, а графа Берчени главнокомандующимъ.

Сѣчинскій сеймъ, который за неимѣніемъ легальной правовой формулы былъ названъ по образцу польскихъ конфедерацій: «Generalis conventus statuum et ordinum Regni Hungariae pro libertatae patriae», важенъ и потому что на немъ была провозглашена свобода вѣроисповѣданія. Въ исполненіе постановленій сѣчинскаго сейма былъ также въ Ужгородѣ возвращенъ въ 1705 г. реформатамъ костелъ «cum parochia et universis ad se pertinentiis»[1]). Этотъ же сеймъ постановилъ также, что іезуиты, какъ отъявленые непріятели народа и сторонники Габсбурговъ должны быть изгнаны за предѣлы Венгріи, а имущество ихъ конфисковано. Въ Ужгородѣ постановленіе это было приведено въ исполненіе, однако, только въ

[1]) Monumenta Hungariae XXXI. — 255-256.

началѣ 1708 года, когда звѣзда Ракоци начала уже закатываться. Ужгородскіе іезуиты ушли частью въ Австро-Германію, частью въ Польшу, послѣ чего 20 февраля учащаяся молодежь была распущена. (Бланарь — Трехсотлѣтіе ужгородской гимназіи — 61—63).

Борьба продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ. Ракоци правилъ Венгріей какъ суверенный государь. Чеканилъ монету, содержалъ пышный дворъ, принималъ иностранныхъ пословъ, заключалъ союза и т. д. Численность его войска временами доходила до 70.000 и больше бойцовъ. Въ 5-омъ году войны, 13-го іюня 1707 г. венгерскій сеймъ въ Онодѣ низложилъ Габсбурговъ съ венгерскаго престола и до избранія новаго короля свѣрилъ королевскую власть Францу Ракоци, замѣстителемъ котораго на случай его отсутствія былъ назначенъ гр. Берчени.

Самую дѣйственную помощь оказывалъ Ракоци французскій король Людвикъ XIV, регулярно снабжавшій его деньгами и военными спеціалистами. Ракоци, однако, скоро сообразилъ, что помощь Людвика XIV, который самъ неоднократно терпѣлъ на западномъ театрѣ войны жестокія пораженія, недостаточна, чтобъ довести дѣло до побѣднаго конца. Свои взоры онъ все больше и больше сталъ обращать на молодую Россію, великодержавная тѣнь которой въ то время уже стала медленно подыматься на востокѣ Европы. Онъ навязалъ сношенія съ Петромъ Великимъ, ко-

торый охотно включилъ его въ свою тонкую дипломатическую игру и хотѣлъ его, между прочимъ, посадить даже на польскій престолъ. Для переговоровъ онъ выслалъ къ Ракоци своего приближеннаго духовника Давида Ивановича Корбева, который 24-го іюня 1707 г. былъ имъ встрѣченъ въ Ужгородѣ въ сопровожденіи гр. Берчени съ царской пышностью. Скоро послѣ того Ракоци отправилъ графа Берчени, который плавно говорилъ по-русски, съ важной миссіей къ царю. Согласно полученныхъ инструкцій Берчени долженъ былъ склонить Петра Великаго къ союзу съ Франціей противъ Габсбурговъ, возглавлявшихъ и олицетворявшихъ въ то время Германію.

Берчени 7-го сентября 1707 года встрѣтился съ Петромъ Великимъ въ Варшавѣ. При его посредничествѣ между Петромъ Великимъ и Ракоци былъ заключенъ 21-го сентября союзный договоръ, который былъ Петромъ Великимъ ратифицированъ 10-го декабря въ Москвѣ. Предпосылки этого договора. которымъ Россія обязалась оказать въ случаѣ нужды помощь Ракоци, не были. однако, никогда исполнены. Помѣшала этому главнымъ образомъ двуличная политика главной союзницы Ракоци, Франціи, союзъ съ которой какъ разъ и былъ основной предпосылкой цѣлаго соглашенія. Франція не только не заключила союза съ Россіей, но даже наоборотъ, натравила на нее шведовъ, съ которыми русскому народу пришлось какъ разъ

Видъ города въ началѣ XIX в.

Общій видъ города со стороны Карпатъ.

тогда сводить бой не на жизнь, а на смерть, и поэтому не до венгерскихъ дѣлъ было ему въ то время.

Такимъ образомъ великой концепціи Ракоци не было суждено осуществиться. Франко-русскій союзъ не состоялся, что весьма неблагопріятно отразилось на дальнѣйшемъ ходѣ событій. Военное счастье между тѣмъ отвернулось отъ Ракоци. Его войска стали терпѣть пораженія. Въ ряды куруцевъ вкралась измѣна. Государство было затяжной войной сильно опустошено, а населеніе истощено и до тла разорено. Въ довершеніе всего разразилась страшная чума, эта обычная спутница войнъ, потребовавшая по тогдашнимъ даннымъ болѣе 300.000 жертвъ. Цѣлые лагери вымерли. Объятые страхомъ войска въ паникѣ разбѣгались. Въ Ужгородѣ особенно въ 1710 году свирѣпствовала чума и то до такой степени, что по словамъ современниковъ «люди жались какъ овцы на бойнѣ». На Верховинѣ размножившіяся неимовѣрно мыши уничтожили весь урожай. Ко всему этому прибавился еще страшный падежъ скота[1]). Въ результатѣ этихъ бѣдствій настала ужасная нужда. Наступало начало конца.

Гр. Н. Берчени отправился въ серединѣ 1710 года за помощью къ царю, оставивъ Ужгородъ на попеченіе своего сына Владислава Берчени, который въ свою очередь свѣрилъ его генералу Степану Эбецкому. Объ этомъ

[1]) Monumenta Hungariae Hist. 261-262.

упоминаетъ мадьярскій историкъ Коломанъ Таль въ своей докладной запискѣ о состояніи архива графовъ Эрдэди, помѣщающагося въ ихъ дворцѣ въ Верешварѣ (комитатъ Вашъ), провѣреннаго имъ въ 1870 году. Въ упомянутой запискѣ, опубликованной въ научно-историческомъ журналѣ „Századok“ («Столѣтія») — 1870 г. стр. 597, пишетъ Таль между прочимъ слѣдующее: «Отдѣльный фасцикулъ (связку) составляютъ ужгородскіе акты, когда въ началѣ 1711 г. весьма талантливый сынъ ушедшаго уже въ Польшу маршала, графъ Ладиславъ Берчени, передалъ любимый замокъ своего отца на попеченіе новому комендату. генералу Стефану Эбецкому. Здѣсь находимъ исчерпывающее описаніе ужгородской крѣпости: дворцоваго полка графа Берчени, застрявшаго въ ней дворянства, однимъ словомъ всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ и дѣлъ, касающихся Ужгорода, даже находящихся въ замкѣ потайныхъ ходовъ и колодцевъ, а также разныхъ куріезностей; были тамъ наприм. «рѣшетки. на которыхъ людей жарятъ».

Помянутыя рѣшетки служили, навѣрное, въ качествѣ средневѣковыхъ истязательныхъ средствъ. употребляемыхъ главнымъ образомъ при допросахъ обвиняемыхъ, при помощи которыхъ заставляли ихъ сознаваться. Эти страшные свидѣтели неимовѣрной человѣческой жестокости до нашихъ дней не сохранились. Изъ колодцевъ сохранился только

одинъ, который находится во дворѣ построеннаго квадратомъ главнаго зданія. Онъ имѣетъ внушительную глубину въ 36 метровъ. Колодецъ этотъ сегодня прикрытъ желѣзной плитой и имъ уже давно не пользуются. Второй колодецъ находился въ одномъ изъ казематовъ[1]) и сегодня уже засыпанъ. На счетъ потайныхъ ходовъ существуетъ преданіе въ нѣсколькихъ версіяхъ. Наличіе предполагаемыхъ подземныхъ ходовъ, соединяющихъ якобы замокъ съ наружнымъ міромъ, пока не установлено. Въ самомъ же замкѣ имѣется въ стѣнахъ цѣлая сѣть потайныхъ ходовъ, при помощи которыхъ незамѣтно можно было прорваться изъ одной части замка въ другую, минуя коридоры, и ужъ навѣрное также вонъ изъ замка.

Берчени поручено было предложить Петру Великому занять сѣверо-востокъ Венгріи и посадить въ Эчедѣ, въ Мукачевѣ и Маромарошѣ русскіе гарнизоны, что было весьма легко осуществимо, такъ какъ въ то время русскіе полки стояли въ спишскихъ городахъ. Этой затѣѣ не было, однако, также суждено осуществиться. Помѣшала этому опять таки союзница Ракоци, Франція, натравившая на Россію Турцію, объявившую войну.

При такихъ условіяхъ миссія Берчени, корреспонденція котораго съ Ракоци о ходѣ веденныхъ имъ дипломатическихъ переговоровъ содержитъ, между прочимъ, весьма цѣн-

[1]) Szilágyi — Magyar Nemzet Története VII. 657-658.

ныя данныя по характеристикѣ личности Петра Великаго и исторіи всей эпохи, не могла имѣть практическихъ результатовъ[1]). До окончанія войны съ Турціей Россія при лучшемъ своемъ желаніи не могла оказать существенной помощи повстанцамъ, постепенно терявшимъ въ то время уже подъ ногами почву. Къ концу 1710 года въ ихъ рукахъ оставалось только сѣверовосточная пограничная область. Въ концѣ февраля 1711 года самъ Ракоци ушелъ въ Польшу въ надеждѣ вернуться съ русскимъ вспомогательнымъ войскомъ. Этой его надеждѣ, однако, не было суждено также осуществиться. Русско-турецкая война — т. н. «Прутскій походъ» — кончилась 13 іюля 1711 г. полнымъ пораженіемъ Россіи. Этимъ рухнула послѣдняя надежда на русскую помощь.

Между тѣмъ гр. Александръ Кароли, которому Ракоци на время своего отсутствія свѣрилъ начальство, 29-го апрѣля того-же года, по нѣкоторымъ источникамъ будучи подкупленъ, заключилъ съ императоромъ Карломъ VI. въ Сату-Маре на весьма выгодныхъ условіяхъ миръ. Послѣ того 12.000 куруцевъ, сложивъ 1-го мая 1711 г. на Майтенскомъ полѣ присягу на вѣрность императору и сдавъ свои знамена, разошлись мирно по домамъ.

Ужгородъ сдался 15-го мая 1711 г. Дольше всего держалось Мукачево, эта послѣдняя твердыня повстанцевъ, открывшая свои

[1]) Thaly. Gr. Bercsényi Miklós levelei Rákóczi Ferencz fejedelemhez. Bpest 1875. I.-IV.

ворота императорскимъ войскамъ только 23-го іюня. Длившееся 8 лѣтъ возстаніе было такимъ образомъ окончательно ликвидировано.

Сорвавшійся было съ нѣмецкаго якоря мадьярскій государственный корабль былъ взятъ опять на нѣмецкій буксиръ.

Согласно условій Сату-марскаго мира всѣ повстанцы, сложившіе до извѣстнаго срока обѣтъ вѣрности императору, получили полную амнистію съ возвращеніемъ имъ всего имущества (gratiam vitae et universorum bonorum). Ракоци и Берчени и съ ними много другихъ соратниковъ предпочитали императорской милости и богатству изгнаніе и нужду. Петръ Великій, питавшій къ Ракоци особую симпатію, которая не охладѣла и послѣ того, какъ ихъ общія мечты вслѣдствіе прутскаго пораженія рухнули, въ силу прежняго соглашенія предложилъ изгнанникамъ для поселенія возлѣ Кіева соотвѣтствующую мѣстность.[1]) Ракоци, однако, надѣявшійся все еще на помощь западныхъ державъ, предложенія Петрова не принялъ и отправился во Францію съ цѣлью на предстоявшихъ мирныхъ переговорахъ отстаивать свои интересы. Однако ему и здѣсь не повезло, ибо побѣжденная Франція, потерявшая значительную часть своихъ заморскихъ владѣній, только съ величайшимъ трудомъ могла отстаивать и свои собственные интересы противъ Австро-англійской коали-

[1]) Rákóczi emlékkönyv. I. 205-206.

ціи. Послѣ заключенія Раштадскаго мира въ 1714 году, которымъ закончена была тогдашняя великая война, однимъ изъ эпизодовъ которой и было куруцское возстаніе, Ракоци отправился въ 1717 году въ Турція, которая какъ разъ въ то время вела съ нѣмецкимъ императоромъ войну. Туда же пробрался изъ Польши и Берчени. Однако и этой, возложенной на Турцію, послѣдней надеждѣ, не было суждено осуществиться, т. к. турки потерпѣли пораженіе. Звѣзда Ракоци закатилась навсегда! Умеръ онъ, какъ и Берчени, а также ихъ ближайшіе соратники въ изгнаніи въ городѣ Родосто на берегу Мраморнаго моря.

V. ЭПОХА ВЛАДЫЧЕСТВА КАЗНЫ.

Подавленіе возстанія оказалось для Ужгорода роковымъ. Венгерскій сеймъ, на которомъ, кстати сказать, большинство составляли бывшіе куруцы, закономъ № XLIX. 1715. года объявилъ Ракоци и Берчени, а также остальныхъ невозвращенцевъ измѣнниками и предателями и лишилъ ихъ всего движимаго и недвижимаго имущества, о чемъ вышеприведенный законъ содержитъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: «bona vero eorundem mobilia et immobilia universa fisco regio applicanda decernuntur et declarantur».

Такимъ образомъ Ужгородъ, а съ нимъ, конечно, и все огромное ужгородское имѣніе, досталось королевской казнѣ (fisco regio).

Тутъ начинается въ исторіи Ужгорода новая эпоха, по которой красной нитью проходитъ борьба города со своимъ новымъ помѣщикомъ, съ королевской казной, наложившей на него свою тяжелую руку.

Въ глазахъ казенныхъ людей, исполнявшихъ именемъ помѣщицы-казны помѣщчью власть, Ужгородъ былъ гнѣздомъ непокорныхъ бунтарей, возставшихъ противъ законнаго своего государя, которое необходимо было обуздать и вывести изъ него крамолу. Самымъ подходящимъ средствомъ для этого казалось лишеніе населенія его прежнихъ правъ и привилегій, а также самоуправленія.

Населеніе города благодаря своему трудолюбію, состоятельности и культурности съ теченіемъ времени постепенно освобождалось отъ бременъ панщины и пріобрѣтало все больше правъ и привилегій въ ущербъ помѣщичьей власти, которая понемногу сокращалась и урѣзывалась. Процессъ этотъ происходилъ незамѣтно, отчасти по доброй волѣ господъ помѣщиковъ, желавшихъ, можетъ быть, такимъ образомъ поднять благосостояніе, а тѣмъ и платежеспособность своихъ подданныхъ, что было въ прямыхъ ихъ интересахъ. Съ другой стороны само населеніе, тяготившееся барщиной, неудержимо стремилось къ мѣщанскимъ свободамъ, для достиженія которыхъ оно использовало въ первую очередь свою состоятельность. Болѣе зажиточные крѣ-

постные просто откупались отъ барщины. заплативъ помѣщику требуемый имъ выкупъ.

Немалую роль сыграло, конечно, въ этомъ процессѣ, можетъ быть, и то обстоятельство, что со временемъ въ Ужгородѣ поселилось съ разрѣшеніемъ барина сравнительно большое количество дворянъ, составлявшихъ къ концу XVII. вѣка приблизительно 1 5 часть населенія. Наличіе въ городѣ такого большого количества населенія, принадлежащаго къ привилегированному сословію, имѣвшему по отношенію къ барину-помѣщику съ остальнымъ населеніемъ общіе интересы, поневолѣ должно было благопріятно отразиться также на правовомъ положеніи несвободныхъ сословій.

Такимъ образомъ первоначальное крѣпостное населеніе Ужгорода съ теченіемъ времени превратилось въ полумѣщанское съ разными вольностями, напоминающими таковые-же мѣщанъ вольныхъ королевскихъ городовъ, подвластныхъ одному только королю.

Часть вольностей была основана на жалованныхъ грамотахъ помѣщикомъ, какъ напр. привилегіи отдѣльныхъ ремесленныхъ цеховъ, часть на индивидуальныхъ сдѣлкахъ между помѣщикомъ и отдѣльными жителями. Таковы были напр. откупы отъ барщины вообще, или отъ нѣкоторыхъ урбаріальныхъ повинностей. Дѣйствительность такихъ сдѣлокъ по всей видимости переходила также на потомство или вообще на правопреемниковъ. Нужно полагать, что часть привилегій возникла са-

ма собой путемъ долголѣтней практики, какъ логичное слѣдствіе всего тогдашняго смѣшаннаго полумѣщанскаго общественнаго правопорядка, не имѣя при томъ въ своей основѣ никакого писаннаго правоисточника. Какъ бы оно тамъ ни было, прежніе владѣльцы привилегіи ужгородцевъ, на чемъ бы они не были основаны, въ общемъ не только соблюдали, но часто сами даже удѣляли къ прежнимъ вольностямъ новыя. Руководились можетъ быть они при этомъ въ значительной степени эгоистическими соображеніями и амбиціями, желая видѣть подвластный имъ городъ богатымъ и благоустроеннымъ, первой предпосылкой чего были такъ наз. мѣщанскія вольности.

Подобныхъ амбицій у казеныхъ людей по отношенію къ мятежному городу и не могло, и не смѣло быть. Городъ систематически лишался своихъ прежнихъ вольностей и въ конечномъ итогѣ былъ низведенъ въ «Oppidum Regio-camerale», т. е. въ казенное мѣстечко. Къ этой категоріи селеній принадлежали напр.: Великое Березное, Вышковъ, Тячево и пр. Титулъ этотъ былъ введенъ въ употребленіе по всей вѣроятности только въ 1766 году.

Въ чемъ заключались конфискованныя привилегіи Ужгорода нынѣ можно установить только косвенно, на основаніи уцѣлѣвшихъ архивныхъ данныхъ, т. к. подлинная дарственная грамота до нашихъ дней не сохранилась. Въ грамотахъ 1411 и 1430 годовъ Ужгородъ называется «Oppidum Ungwar», «т. е. мѣстечко

Унгваръ».[1]) Титулъ «oppidum» уже самъ по себѣ предуславливаетъ наличіе нѣкоторыхъ вольностей, присущихъ этой категоріи селеній.

Въ своемъ ходатайствѣ отъ 21-го мая 1816 года городъ утверждаетъ, что 444 года тому назадъ (1372) «Ужгородъ процвѣталъ, согласно находящагося въ нашихъ рукахъ документа, какъ вольный королевскій городъ».[2]) Документъ этотъ, увы, не былъ въ свое время представленъ.

Согласно рескрипта мадь. кор. министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 21. декабря 1903 г. № 64.266 930. I. — самая старая печать города, могущая быть установлена на основаніи данныхъ мадь. государственнаго архива, относится къ 1561 году. Въ 1635 году была изготовлена новая печать, вошедшая въ основу современной городской печати, изображающей виноградную лозу съ двумя гроздями. Она въ значительной степени отличается отъ помянутой печати 1561 г., изображающей вѣтку съ четырьмя листьями со звѣздообразнымъ цвѣткомъ. Кѣмъ были печати эти пожалованы, пока не установлено, не подлежитъ однако сомнѣнію, что они были символомъ извѣстныхъ свободъ.

Бывшая съ 1635 г. въ употребленіи серебряная печать была на основаніи постановленія

[1]) Gróf Sztáray család oklevéltára — Bpest 1889. II. 99—286.

[2]) Fincicky Mihály. Polgármesteri jelentés. 1912-186.

гор. думы отъ 34 1878. отправлена въ мадьярскій національный музей.[1])

Николай Радвани въ своемъ трудѣ «Die Archive in der Podkarpatská Rus», стр. 98 - утверждаетъ, что печать 1635 года якобы носитъ надпись: «Sigillum privilegiati Oppidi Unghvár», т. е. «печать привилегированнаго мѣстечка (города) Ужгорода». На чемъ, основанно данное утвержденіе, авторомъ къ сожалѣнію не указано.

Хранящаяся въ городскомъ архивѣ желѣзная печать носитъ надпись: „Sigillum Civitatis Ungvariensis Anno 1635".

Мадьярское королевское намѣстничество въ своихъ рескриптахъ называетъ городъ «Oppidum privilegiatum»[2]). На наличіе городскихъ привилегій дѣлается также ссылка въ жалобѣ самой казны, разсмотрѣнной на общемъ гобраніи жупы, состоявшемся дня 7 мая 1714 года въ Ужгородѣ[3]).

На основаніи имѣющихся въ городскомъ архивѣ данныхъ, главнымъ образомъ на основаніи разныхъ протоколовъ XVII—XVIII вѣковъ можно почти полностью возстановить тодашнюю структуру городского самоуправленія, его органы и ихъ кругъ дѣятельности.

Во главѣ городского самоуправленія стоялъ

[1]) Fincicky Mihály. Polgármesteri jelentés. Ungvár 1907-83.

[2]) Radványi. Die Archive in der Podkarpatská Rus. Užhorod 1922-28.

[3]) Fincicky — Polgármesteri jelentés. 1912-235.

совѣтъ (Senatus-tanács), возглавляемый выборнымъ старостой, называвшемся «главнымъ судьей» (judex primarius). Совѣтъ состоялъ обыкновенно изъ 12-и выборныхъ присяжныхъ засѣдателей (jurati assessores — hites esküdtektanácsbéliek). Были однако случаи, что совѣтниковъ было и больше. Такъ въ 1620 году было ихъ 15. Письмоводителемъ совѣта былъ гор. нотаріусъ (писарь), неизвѣстно только имѣлъ ли право голоса.

Городское начальство, рядомъ съ которымъ продолжала существовать, конечно, и помѣщичья власть со своими органами, избиралось обыкновенно только на одинъ годъ, хотя повидимому были и исключенія, такъ какъ были случаи, что старосты оставались въ своей должности нѣсколько лѣтъ подрядъ.

Для наглядности приведемъ въ переводѣ съ мадьярскаго оригинала запись о выборахъ городскихъ должностныхъ лицъ 1701 года:

«По старому доброму обычаю города Ужгорода соотвѣтственно указу ясновельможнаго барина его милости графа Николая Берчени слѣдуетъ списокъ городскихъ должностныхъ лицъ по ниже описанному способу:

Дня 23 мѣсяца февраля 1701 года избраны были:

1) Его милость г-нъ Іосифъ Сабо, главный судья города;

2) Члены Совѣта: Іоаннъ Уйгели, Андрей Катко Чижмадія, Эмерихъ Элекъ, Мартинъ Варанаи, Михаилъ Динешъ Сючъ, Іоаннъ Сак-

мари, Іоаннъ Ураи Гомбкетэ, Степанъ Вамошъ, Михаилъ Тибинка, Владиславъ Козакъ, Павелъ Азари, Николай Моноръ, Михаилъ Касонь, Степанъ Барта;

Нотаріусъ — Григорій Капорнаки.

3) Майоры — Михаилъ Надь и Иванъ Сючъ;

4) Десятники — Андрей Чисаръ, Андрей Доцкаи, Иванъ Бубникъ Сючъ, Кость Ковачъ, Степанъ Чизмадія.

5) Посыльный (меньшой староста) Андрей Фачъ, замковый посыльный — Иванъ Рослацкій;

6) Полевые сторожа — Микита Шанта, Іоаннъ Нерегіярто, Лука Смероковаи, Михаилъ Порошкаи;

7) Лѣсникъ — Иванъ Стараи;

8) Экзакторъ[1]) — его милость г-нъ Иванъ Сакмари».

На основаніи имѣющихся у города архивныхъ данныхъ можно въ значительной мѣрѣ возстановить также составъ помѣщичьей власти. Ея органами были, между прочимъ, начальникъ замка (várkapitány), кастелланъ (várnagy), управляющій (tisztartó), счетоводъ (számtartó), дворцовый судья (udvar biró), тюремщикъ (porkoláb), ключникъ (kulcsár) и много разныхъ дворцовыхъ и военныхъ чиновъ.

Соотношеніе между органами самоуправленія и помѣщичьей властью въ разныя вре-

[1]) Сборщикъ налоговъ.

мена было разное, не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что ко времени куруцкихъ возстаній городское самоуправленіе достигло высшей степени своего развитія и, не взирая на урбаріальныя обязанности части населенія, не многимъ отличалось отъ системы самоуправленія, какъ такового, вольныхъ королевскихъ городовъ.

Городской Совѣтъ былъ властью не только административно-полицейской, но также и судебной. Въ городскомъ архивѣ сохранилось, начиная съ 1620 года, нѣсколько толстыхъ протоколовъ, содержащихъ систематическія записи въ хронологическомъ порядкѣ о дѣятельности городского совѣта.

Компетенція городского совѣта была въ высшей степени обширная и разносторонняя. Она охватывала и совмѣщала въ себѣ, можно сказать всѣ отрасли мѣщанской жизни. Передъ совѣтомъ заключались всевозможныя сдѣлки и совершались разнообразнѣйшіе акты. Передъ нимъ заключались договоры о куплѣ-продажѣ недвижимостей, отдавались въ залогъ и выкупались недвижимости, составлялись завѣщанія, описи наслѣдствъ, заключались дарственныя и много иныхъ сдѣлокъ, относящихся къ области гражданскаго права, для дѣйствительности которыхъ по всей видимости требовалась ихъ регистрація передъ совѣтомъ, который въ этомъ отношеніи былъ единственнымъ, и при томъ всеобщимъ, присутственнымъ мѣстомъ «locus cre-

dibilis» и то не только для города, но и для широкой околицы.

Записи въ городскомъ протоколѣ, который по словамъ одного изъ свидѣтелей, допрошенныхъ во время дознанія, производившагося въ 1737 году по жалобѣ города противъ притѣсненій казны, считался «непогрѣшимымъ» (infalibilis)[1]), т. е. достовѣрнымъ, имѣли обязательную силу и для помѣщиковъ, которые и сами бывало заключали свои сдѣлки передъ совѣтомъ. Даже вольности, удѣляемыя помѣщиками отдѣльнымъ жителямъ, заносились — можетъ быть, что только для пущей вѣрности — въ городскіе протоколы, имѣвшіе неоспоримую доказательную силу.

По записямъ городскихъ протоколовъ можно въ значительной степени возстановить тогдашній правопорядокъ и многія особенности тогдашней дѣловой жизни. Въ нихъ часто встрѣчается ссылка: «városunk törvényei szerint» (протоколы написаны большей частью по мадьярски), т. е. «по законамъ нашего города», —jure civitaneo — неизвѣстно только, какіе именно имѣлись въ то время особые «городскіе законы», по которымъ производился судъ. — Можетъ быть, что это были спеціальные мѣстные, ужгородскіе обычаи, имѣвшіе въ дѣловой жизни обязательную нормативную силу. Напримѣръ заложенныя недвижимости отдавались заимодавцу въ фак-

[1]) Земскій архивъ въ Ужгородѣ — Inquisito Collateralis Fasciculus 136.

тическое пользованіе, до тѣхъ поръ, пока должникъ ихъ не выкупилъ. Выкупъ могъ состояться, однако, только въ томъ случаѣ, если должникъ сдѣлалъ объ этомъ въ городской управѣ въ опредѣленные дни, установленные «законами города» соотвѣтствующее объ этомъ заявленіе. Это были только 3 дня въ году, а именно понедѣльникъ, вторникъ и среда мясопустной недѣли, называвшіеся почему то «хриплыми» (rekedő hétfő, kedd és szereda).

Поземельныхъ книгъ и катастровъ тогда, конечно, еще не было, поэтому запись въ городскомъ «protocolo infalibili» замѣняла теперешнюю интабуляцію. Въ записяхъ о куплѣ-продажѣ недвижимость опредѣлялась ввиду этого такимъ образомъ, что просто указывались сосѣди справа и слѣва, — или же съ сѣвера и съ юга и т. д.

Изъ записей въ городскихъ протоколахъ можно сдѣлать весьма важный выводъ, а именно, что жители Ужгорода были вольны располагать своимъ имуществомъ и безъ барскаго соизволенія, могли таковое обременять, закладывать и даже отчуждать.

Судя по записямъ, цѣны недвижимостей были въ тѣ времена невѣроятно низки. Цѣны домовъ колебались между 15—100 флоренами — средняя цѣна была 30 флореновъ. Такая же была приблизительно цѣна и виноградникамъ. Такъ въ 1665 году, наприм., на Дайбо-

Видъ города въ 1880 г. (Картина Фр. Гевердле).

Видъ города въ серединѣ XIX в.
(Ориг. во владѣніи гор. управы.)

кой Горѣ былъ проданъ виноградникъ (безъ указанія площади) за 30 флореновъ и 60 пенсовъ.

Денежная система того времени была довольно разнообразна. Имѣли хожденіе, между прочимъ, мадьярскіе флорены (magyari forint), нѣмецкіе или ренскіе (német v. rhénes frt.) и наконецъ «линейные» (vonás frt.).

Винодѣліе всячески поощрялось и виноградарямъ удѣлялись всякія льготы, главнымъ образомъ въ видѣ освобожденія новозаложенныхъ виноградниковъ отъ налоговъ и урбаріальныхъ бременъ на 10—12 лѣтъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя записи, согласно которыхъ льготы удѣлялись послѣ осмотра на мѣстѣ городской управой.

Въ протоколахъ встрѣчается весьма много, въ наше время уже забытыхъ и вышедшихъ изъ употребленія топографическихъ названій, какъ напр.: Медвѣжья Гора (Medve hegy), Карточная Гора (Kártyás hegy) и т. д. Кромѣ того встрѣчается тамъ немало такихъ названій улицъ, которыя въ спискахъ послѣдующихъ не приходятся, какъ напр. «Sáfrányos ucza» (Шафранная ул. — 1647). «Uj ucza» (Новая ул. — 1656) «Vad kert ucza» (Звѣринецкая ул. — 1663). «Piaczi kis ucza» (Малая Рыночная ул. — 1664). „Süllyedt ucza“ (Осѣвшая ул. 1670), „Uj Város“ (Новый Городъ), „Hóstancon az Dombon“. Такъ какъ въ спискѣ 1691 года, въ которомъ домовладѣльцы перечислены по улицамъ, названія эти не приходятся.

нужно полагать, что во время Тэкэльскаго возстанія помянутыя улицы были разрушены до основанія и не были впослѣдствіи возстановлены.

Весьма цѣнныя данныя по судопроизводству тогдашняго времени имѣются въ хранящейся въ городскомъ архивѣ книгѣ судебныхъ рѣшеній, содержащей постановленія городского суда съ 1676 по 1771 годъ. Она носитъ надпись: **Libellus** Caussarum a Die Decima quinta Mensis quintilis Anni Millesimi sexcentesimi Septuagesimi Sexti erectar. Levandarum: Sub Judicatu Gener. D(omi)ni Stephani Lehoczky Prudentissimo Civit(a)tis Unghvar. Senatui Dedicatus.

Городской судъ, который по мадьярски назывался «Unghvári Törvény Szék», а по латыни «Sedes Judiciaria Oppidi Ungvariensis», состоялъ изъ перваго судьи (старосты) — judice primario Civitatis Ungvariensis — и остальныхъ судей — et ceteris ejusdem judicibus которыми являлись по всей видимости члены гор. совѣта. Объ этомъ свидѣтельствуютъ подписи подъ нѣкоторыми приговорами. Такъ напр. подъ приговоромъ отъ 13. VI. 1732 въ качествѣ судей подписаны 10 присяжныхъ засѣдателей гор. совѣта. Письмоводителемъ суда былъ тотъ же городской нотаріусъ, подписавшійся то «Judiciariae Civitatis de Ungh Sedis Notarius», то просто «Oppidi Unghvár Notarius». — Очевидно главной функціей старосты считалась судейская, а не администра-

тивная, отсюда и его званіе: «judex primarius», т. е. первый судья.

Книжка содержитъ преимущественно рѣшенія, вынесенныя судомъ по всевозможнымъ гражданскимъ искамъ. Есть однако доказательства, что городской судъ выносилъ приговоры и по уголовнымъ дѣламъ. Такъ въ семейной хроникѣ Хорватъ Павловецкихъ описанъ случай, имѣвшій мѣсто въ мѣсяцѣ маѣ 1717 года, когда ужгородскій «магистратъ» выданную ему старую воровку, нѣкую Панду приговорилъ къ смерти и тутъ же казнилъ усѣченіемъ главы «въ назиданіе другимъ»[1]).

Проступки карались большей частью физическимъ наказаніемъ. — Провинившихся били кнутомъ, или сѣкли розгами, а въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ заковывали въ колоду.

Для разрѣшенія споровъ во время торговъ между продавцами и покупателями назначались по волѣ «честнаго Совѣта и Города» (az becsületes Tanács és Város egyenlő akaratbul) ярмарочные судьи (vásárbiró). Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя записи въ протоколахъ; между прочимъ таковыя относятся къ 1710 и 1731 гг.

Не подлежитъ сомнѣнію, что ввиду описанной выше разнообразнѣйшей и сложнѣйшей компетенціи гор. совѣта, отъ отдѣльныхъ его членовъ требовался не только высокій образовательный уровень, но и особыя познанія въ области правовѣдѣнія, что въ свою

[1]) Monumenta Hungariae Historica XXXI. — 267.

очередь предуславливало сравнительно высокій культурный уровень городского населенія, — изъ среды котораго функціонеры гор. управы избирались. Представители помѣщицы-казны (K. Schatzkammer), во главѣ которой стоялъ префектъ (praefectus cameralis), не пожелали считаться ни съ этимъ обстоятельствомъ, ни съ благопріобрѣтенными городомъ въ области мѣстнаго самоуправленія правами и привилегіями, — и стали таковыя систематически урѣзывать.

Противъ такого беззаконія населеніе города сразу же начало упорную борьбу, которая, однако, въ силу тогдашнихъ обстоятельствъ была заранѣе обречена на неуспѣхъ. Доискиваться своей правды опальному городу противъ своеволія казеныхъ людей, поощряемыхъ свыше, у тѣхъ же властей, по указаніямъ которыхъ собственно и чинилась городу кривда, было дѣломъ безнадежнымъ. Несмотря на это, городъ въ сознаніи своей правоты пустился въ неравную борьбу.

Помѣщица-казна (Regia Hungarica Aulica Camera) въ первую очередь отрицала право города имѣть свой выборный магистратъ, олицетворяющій городское самоуправленіе этотъ основной камень и первоисточникъ мѣщанскихъ свободъ. Въ 1737 году производилось по всей вѣроятности по жалобѣ города слѣдствіе, имѣвшее цѣлью установить, въ чемъ именно заключались права и привилегіи города. За неимѣніемъ у города пря-

мыхъ письменныхъ доказательствъ, такъ какъ подлинныя дарственныя грамоты были какимъ то образомъ утеряны, — по нѣкоторымъ источникамъ якобы насильственно похищены казеннымъ начальствомъ — были подъ присягой (sub juramento) допрошены многочисленные свидѣтели, бывшіе очевидцами эпохи, предшествовавшей владычеству казны. Протоколъ слѣдствія, который хранится въ земскомъ архивѣ, носитъ заглавіе: «De eo, utrum»[1]. Онъ содержитъ весьма цѣнныя данныя по разбираемому вопросу. Всѣ находящіяся въ немъ свидѣтельскія показанія сводятся къ тому, что

1) жители Ужгорода были всегда «homines liberae migrationis», т. е. люди, имѣвшіе право на вольное переселеніе;

2) жители города вольно располагали своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, которое только въ томъ случаѣ переходило обратно на помѣщика, если владѣлецъ умеръ безъ завѣщанія, не оставивъ послѣ себя законныхъ наслѣдниковъ;

3) городомъ управлялъ выборный совѣтъ со старостой во главѣ;

4) совершаемые органами города административные и судебные акты и удѣляемыя жителямъ вольности заносились въ городскіе протоколы, которые были «непогрѣшимыми»

[1]) Земскій архивъ въ Ужгородѣ — Inquisitio colleteralis — Fascic. 136.

(infalibiles), т. е. имѣли неоспоримую доказательную силу;

5) староста города и члены гор. совѣта были всегда люди достойные и образованные; многіе изъ нихъ были дворяне, часто занимавшіе даже высокія комитатскія должности;

6) прежніе помѣщики относились къ городу съ особымъ благоволеніемъ и вольности его нерушимо соблюдали.

Эта — кажется первая — попытка города вернуть себѣ прежнія вольности кончилась, однако, неудачей.

Не имѣла успѣха также жалоба города. поданная въ 1770-омъ году противъ притѣсненій казны къ комитетськимъ властям.[1])

Однако не только права и привилегіи были конфискованы у города, но и общинное имущество. Изъ чего оно состояло наврядъ ли удастся когда либо точно установить. Несомнѣннымъ является, однако, что городъ долженъ былъ имѣть хотя бы свой лѣсъ, а также свое общинное пастбище, какъ это полагалось по соотвѣтствующимъ законамъ. Объ этомъ имѣется косвенное доказательство. Такъ напр. согласно протокола 1701 г. объ избраніи городскихъ должностныхъ лицъ, у города имѣлась, между прочими. должность лѣсника. Отсюда поневолѣ напрашивается самъ собой выводъ, что разъ городъ держалъ лѣсника, то долженъ былъ имѣть и свой лѣсъ, — вѣдь зря не держалъ бы его.

---

[1]) Fincicky — Polgármesteri jelentés — 1912 — 235.

Немыслимо также, чтобы городъ не имѣлъ общиннаго пастбища, ибо пастбище было вездѣ законной принадлежностью урбарскихъ (крѣпостныхъ) усадебъ. Въ городскихъ протоколахъ упоминаются городскія земли (város földe), а также городской виноградникъ[1]). Все это имущество со временемъ безслѣдно исчезло.

Городскіе протоколы содержатъ кромѣ того множество записей, относящихся къ виноградникамъ на горѣ «Таршѣ», покрытой нынѣ казеннымъ лѣсомъ, часть котораго была только въ 1936 году вырублена для авіаціонныхъ цѣлей. Помянутые виноградники являлись въ XVIII вѣкѣ сплошь частной собственностью городскихъ жителей. Не подлежитъ сомнѣнію, что казна подъ какими то предлогами наложила свои жадныя руки на оные виноградники, отнявъ ихъ у законныхъ владѣльцевъ, а такъ какъ винодѣліе оказалось для казны убыточнымъ, то виноградная культура и была впослѣдствіи перемѣнена въ лѣсъ, не требовавшій почти никакого ухода.

Горожане имѣли право въ имѣвшихся въ городѣ корчмахъ съ Михаилина дня до Юріева дня продавать вино и иные спиртные напитки. Въ 1766 году былъ камеральнымъ префектомъ изданъ строгій запретъ, по которому вино смѣли продавать только собственники

[1]) Протоколъ закладныхъ сдѣлокъ 1629-1657. стр 225-226; 26.

виноградниковъ, и то только вино собственнаго производства. Если же они сами не желали по какой либо причинѣ продавать своего вина, то должны были его предложить арендатору казенныхъ корчемъ[1])

Такая же горькая участь, какъ и Ужгородъ постигла также весь карпаторусскій народъ, надѣявшійся съ оружіемъ въ рукахъ выборотъ себѣ свою правду. Онъ былъ обобранъ, разоренъ и окончательно закабаленъ, будучи лишенъ минимальныхъ матеріальныхъ основъ, необходимыхъ даже для самаго примитивнаго физическаго существованія. Все засѣли казна и родъ графовъ Шенборновъ, выходцевъ изъ баварскаго Вюрцбурга, которому пожалованы были огромныя бережанскія (мукачевскія) владѣнія князя Ракоци. Но власть имущимъ и этого еще было мало. Они рѣшили не только подсѣчь у карпаторусскаго народа корни жизни, но и обезглавить его, лишивъ его и той немногочисленной мелкопомѣстной русской шляхты, которая какимъ то чудомъ все же уцѣлѣла. Начались противъ нея всяческія притѣсненія, въ результатѣ которыхъ большинство русскихъ шляхтичей было лишено дворянства. Объ этомъ имѣются также письменныя доказательства, между прочимъ и въ ужгородскомъ земскомъ архивѣ. Наглядным доказательствомъ своеволія власть имущихъ служитъ также недавно закончившійся затяж-

[1]) Архивъ Ужгорода - Libellus Caussarum - 191.

ной великолучанскій либертинскій процессъ, длившійся безъ мала цѣлыхъ 100 лѣтъ.

Съ тѣхъ поръ карпаторусскій народъ влачитъ свое жалкое, нищенское и полуголодное существованіе.

Въ довершеніе всего въ тѣ злополучныя времена нашу область постигли бѣдствія, отъ которыхъ пострадало въ первую очередь скотоводство, являвшееся основаніемъ для существованія карпаторусскаго населенія.

Такъ въ 1712-мъ году появилась невѣдомая до тѣхъ поръ «мушка» (muska — мошка), отъ укусовъ которой погибло множество воловъ, лошадей, коровъ, козъ, собакъ и даже людей.

Въ томъ же году былъ продолжительный падежъ скота.

Въ 1764-мъ году появилась, должно быть впервые, болѣзнь ящуръ, которая продолжала свирѣпствовать и въ слѣдующемъ 1765 году. Отъ этой болѣзни, которая нынѣ уже не является смертоносной, погибло множество рогатаго скота, овецъ, оленей, козуль и др.*)

Со временемъ Ужгородъ развился въ важный пограничный торговый узелъ, черезъ который происходила оживленная заграничная торговля между Венгріей и Польшей, а черезъ нее и съ Русью, при чемъ главнымъ про-

* Monumenta Hungariae Historica.

дуктомъ вывоза было кажется вино. Ввиду этого въ Ужгородѣ находилась главная таможня съ филіалками въ Березномъ и Середнемъ (законъ № XCI/1715). гдѣ съ вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ взималась пошлина, т. наз. «тридцатина» (Tricesima).

Интересно отмѣтить, что въ то время между тогдашней т. наз. Угорской Русью и Россіей, несмотря на всевозможныя препятствія со стороны Австро-Венгріи, шла оживленная торговля книгами, главнымъ образомъ, конечно, богослужебными. Такъ согласно донесенія Степана Очкаи, ужгородскаго «тридцатника» (сборщика тридцатины), въ 1727 году владимірскіе купцы, Шаляпинъ и Вакуровъ, привезли между иными товарами 530 псалтырей и иныхъ церковныхъ книгъ, которые были имъ арестованы. Книги эти впослѣдствіи были по настоятельному требованію русскаго посла въ Вѣнѣ книготорговцамъ возвращены. Слѣдующіе транспорты были въ 1756—1757 годахъ задержаны въ Ужкѣ и препровождены въ Ужгородъ, гдѣ были описаны. Всѣхъ книгъ по списку оказалось 1146 штукъ. Съ книгъ этихъ тогдашній ужанскій поджупанъ Антонъ Петроваи (карпатороссъ по происхожденію), однако, снялъ запретъ и разрѣшилъ ихъ продажу. Въ 1759 году также черезъ ужоцкій перевалъ былъ привезенъ большой транспортъ книгъ на 9-ти возахъ. Че-

резъ этотъ же перевалъ дня 1-го апрѣля 1760 г. было привезено 690 книгъ, въ томъ числѣ 150 букварей, 13 мая того же года 309 книгъ, а въ 1762 году 733 книги, въ томъ числѣ 400 букварей. Книги эти подвергались предварительной цензурѣ со стороны іезуитовъ и уніатскихъ церковныхъ властей, послѣ чего разрѣшена была ихъ распродажа. Послѣдній извѣстный транспортъ книгъ былъ задержанъ въ 1770 году на пограничномъ пропускномъ пунктѣ въ Ясѣнѣ, за который книгопродавцамъ Григоровичу, Тимофееву и Иванову было выплачено возмѣщеніе въ 4000 гульденовъ. Послѣ того ввозъ россійскихъ книгъ въ Венгрію былъ, несмотря на громадный спросъ на нихъ, окончательно запрещенъ[1]).

Цѣлью этихъ ограниченій было Подкарпатскую Русь герметически закрыть отъ остального русскаго міра. Такимъ образомъ карпаторусскій народъ былъ лишенъ и духовной пищи. Онъ былъ обреченъ на голодную смерть и въ физическомъ, и въ духовномъ смыслѣ. Если онъ не взирая на все это все же уцѣлѣлъ, то это граничитъ просто съ чудомъ!

Изъ своего изгнанія іезуиты вернулись только послѣ усмиренія возстанія Ракоци. Зданіе коллегіи, однако, настолько было повреждено, что учебныя занятія могли начать

[1]) Dr. Hodinka — a munkácsi püspökség története. (исторія мукачевской епархіи) стр. 797-810.

ся въ немъ только въ 1718 г. Въ XVII столѣтіи гимназія была пятиклассная, въ XVIII. столѣтіи уже шестиклассная. Кромѣ педагогической дѣятельности іезуиты дальше занимались также миссіонерской дѣятельностью, при чемъ не ограничивались обращеніемъ въ католичество однихъ только протестантовъ. Они занялись обращеніемъ въ католичество болѣе знатныхъ и богатыхъ уніатовъ, что нерѣдко имъ и удавалось. Такъ въ 1702 году имъ удалось обратить въ католичество словецкаго помѣщика Ивана Петровая, а въ 1706 году другихъ пять лицъ восточнаго обряда [1]).

Въ рукахъ іезуитовъ съ теченіемъ времени сосредоточилось такое громадное имущество и такая власть, что противъ ихъ злоупотребленій принуждены были выступить сами католическіе государи. По ихъ настоятельному требованію папа Климетій XVI своей буллой съ 1773 года упразднилъ орденъ іезуитовъ. Въ Ужгородѣ постановленіе буллы было приведено въ исполненіе въ началѣ ноября 1773 г. Громаднѣйшее имущество коллегіи, которой между прочимъ принадлежали села Концово (Koncháza), Великая Каменица, Малая Каменица и Модра у Гуменнаго [2]), было ликвидировано, а вырученныя за него деньги были переведены въ распоряженіе католическаго учебнаго фонда.

Условія, подъ которыми была заключена

---

[1]) Mészáros — Ungvár tört. 91—92.
[2]) Hodinka — Adalékok Ungv. tört. 29.

церковная унія, католическими церковными властями не соблюдалась. Уніатская церковь была вполнѣ подчинена ягерскому римско-католическому епископату. Мукачевскіе уніатскіе епископы назначались только по рекомендаціи ягерскаго епископа, при чемъ должны были приносить присягу вѣрности не только римскому папѣ и острихолмскому первосвященнику, но также и ягерскому епископу. Уніатскіе епископы безъ согласія ягерскаго католическаго епископа не имѣли права созывать собора своего духовенства, объѣзжать подвѣдомственные имъ приходы, рукополагать священниковъ и опредѣлять ихъ на приходы. Было время, когда въ Мукачевской уніатской консисторіи занимали первое мѣсто и первые подписывались на бумагахъ мѣстный римско-католическій плебанъ и его капелланъ (помощникъ).

Соотвѣтственно этому въ областяхъ со смѣшаннымъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи населеніемъ и низшее уніатское духовенство, а также его паства находились тоже въ значительной зависимости отъ мѣстныхъ римско-католическихъ духовныхъ органовъ, хотя грамотой Леопольда I-го съ 1692 г. (diploma Leopoldinum) уніатскіе священники и ихъ семьи освобождались отъ крѣпостной зависимости (урбарщины) и вообще уравнивались въ правахъ и привилегіяхъ съ католическимъ духовенствомъ. Уніатскія филіальныя церкви приписывались къ ближайшимъ римско-като-

лическимъ приходамъ, смѣшанные браки уніатовъ съ католиками могли быть заключаемы только по латинскому обряду, уніатское населеніе принуждалось къ празднованію, кромѣ своихъ, также и католическихъ праздниковъ.

Злоупотребленія плебановъ, однако, этимъ не ограничивались. Они кромѣ того отнимали у уніатскихъ священниковъ ихъ приходскіе доходы. Объ этомъ въ протоколахъ о каноническихъ визитаціяхъ уніатскихъ приходовъ (Visitatio canonica parochiarum) имѣются многочисленныя замѣтки, между прочимъ такого рода: «incolae gemunt sub jugo plebanorum» (жители стонутъ подъ игомъ плебановъ). или «plebani rapiunt omnia» (все похищаютъ плебаны) или же «plebani more suo tum stolarem, cum annuum proventum rapiunt» (плебаны по своему обычаю похищаютъ не только требы, но и годичный доходъ[1]) и т. п.

Такое унизительное положеніе уніатской церкви вызвало сильное возмущеніе и огорченіе какъ у русскаго духовенства, такъ и въ широкихъ народныхъ массахъ. Когда же католики стали покушаться на восточный обрядъ, то въ народѣ началось сильное православное движеніе, вылившееся въ концѣ концовъ въ 1760 году въ открытое возстаніе противъ уніи, въ которой простонародіе видѣло первопричину создавшагося унизительнаго положенія.

---

[1]) Д-ръ Петровъ. Каноническія визитаціи — Научовый сборникъ „Просвѣты“ 1924, стр. 110.

Религіозныя волненія охватили широкія народныя массы, которыя стали усиленно отпадать отъ уніи. Волненія эти перекинулись даже въ такія отдаленныя окраины, какъ Гайдуцкій Дорогъ, лежащій нынѣ уже глубоко въ мадьярскомъ этносѣ, гдѣ въ 1765 году потомки русскихъ гайдуковъ-гайдамаковъ тоже поднялись на защиту униженной русской вѣры[1]). Движеніе со временемъ приняло такіе внушительные размѣры, что власти рѣшили подавить его силой оружія. Отправленныя для этой цѣли войска подъ начальствомъ гр. Антонія Караоли и генерала Буко окружили Подкарпатскую Русь, занявъ всѣ горные проходы со стороны Польши и Седмиградья[2]). послѣ чего не трудно было сломить сопротивленіе отрѣзанныхъ отъ остальнаго міра повстанцевъ.

Окончательно остановить православное движеніе и вернуть народныя массы назадъ въ унію удалось, однако, не сразу. Православіе больше всего держалось въ Мараморощинѣ, но и здѣсь комитатское управленіе смогло уже 11-го іюля 1769 года объявить, что «non unitos in suo sinu jam non dari»[3]).

Волненія эти, однако, убѣдили власти въ томъ, что карпторусскій народъ дальше такъ безсовѣстно подводить нельзя. Особенно по-

[1]) Контратовичъ - Очерки по исторіи Мукачевской епархіи; Карпаторусскій Сборникъ - 1931. стр. 99.-

[2]) Тамъ же стр. 105.

[3]) Дулишковичъ. - Историческія черты угрорусскихъ. III. 163.

дѣйствовали они на самое Марію Терезію, которая рѣшила замирить во чтобы то ни стало карпаторусскій народъ. Руководилась она при этомъ, конечно, не любовью къ русскому народу, а чисто политическими соображеніями, дабы такимъ образомъ ослабить вліяніе Россіи на австрійскихъ славянъ, все растущая мощь которой наводила на нее панический страхъ. Нужно ей признать, что избранный ею способъ оказался для достиженія намѣченной цѣли самый вѣрный. По ея настоятельному требованію, несмотря на всевозможныя интриги латинскаго духовенства. особенно ягерскаго, папа Климентій XIV. своей буллой отъ 19-го сентября 1771 г. учредилъ мукачевскую уніатскую епархію, которая дотолѣ латынянами признавалась собственно только какъ апостольскій викаріатъ, подвластный ягерскому епископу. Одновременно съ канонизаціей, новоучрежденная епархія изъята была изъ подъ власти ягерскаго епископа и подчинена непосредственно юрисдикціи острохолмскаго первосвященника. (primas-a).

Пріязнь Маріи Терезіи къ уніатской церкви проявилась еще болѣе наглядным образомъ. Первоначальной резиденціей мукачевскаго епископа былъ монастырь на горѣ Чернецкой подъ Мукачевомъ. Монахи, однако, по всей видимости тяготившіеся присутствіемъ въ своей обители владыки, стали къ нему придираться и даже изгонять оттуда, ссылаясь на учредительную грамоту монастыря, въ

Основной камень «Русскаго Круга».

Ужгородская гимназія.

Реальное училище
(нынѣ русская мѣщанская школа).

которой про епископа ничего не сказано. Споръ кончился тѣмъ, что указомъ Маріи Терезіи отъ 13-го сентября 1751 г. монастырь былъ присужденъ монахамъ. Въ силу сего указа самый заслуженный уніатскій епископъ, Михаилъ Ольшавскій, который кстати сказать, и самъ былъ монахомъ, принужденъ былъ окончательно покинуть древнюю резиденцію Мукачевскихъ епископовъ и очутившись такимъ образомъ безъ крова, принужденъ былъ поселиться въ Мукачевѣ, въ одномъ деревянномъ домишкѣ.

Одновременно на постройку новой резиденціи отпущено было 2.000 флореновъ, что и по тогдашнимъ условіямъ было суммой ничтожной. Ввиду этого начатая было постройка новаго зданія и 17 лѣтъ спустя не была окончена. Тѣмъ временемъ у руководящихъ круговъ зародилась мысль перевести столицу епархіи изъ Мукачева въ Ужгородъ, при чемъ резиденцію первоначально предполагалось помѣстить въ замкѣ, служившемъ въ то время казармой. Перестройка замка требовала, однако, слишкомъ большихъ средствъ (130.000 зл.), поэтому какъ нельзя болѣе кстати пришло упраздненіе іезуитскаго ордена, выручившее изъ затруднительнаго положенія казну, къ которой перешло зданіе Ужгородской іезуитской коллегіи (обитель и школа) съ прилегающимъ къ ней костеломъ. Ввиду экономіи для нуждъ епархіи рѣшено было предоставить оба помянутыхъ зданія, которыя въ тѣ

времена пустовали и перестройка которыхъ требовала затраты сравнительно небольшихъ средствъ. Проектъ этотъ встрѣтился со одобреніемъ Маріи Терезіи, которая грамотой отъ 1. марта 1775 г. помянутыя зданія пожаловала мукачевской уніатской епархіи. Зданіе коллегіи и костелъ переданы были Андрею Бачинскому, тогдашнему епископу, въ серединѣ лѣта того же года. Замокъ былъ переданъ только 2-го мая слѣдующаго 1776 года. Въ немъ было помѣщено богословское училище, находящееся тамъ понынѣ. Кромѣ того пожалованы были епархіи участки между замкомъ и костеломъ, превращеннымъ потомъ въ кафедральный соборъ. Форменная дарственная грамота на все это была выдана только въ 1791 году Леопольдомъ II-ымъ[1]).

Русская вѣроисповѣдная община, первоначально конечно православная, превратившаяся впослѣдствіи въ уніатскую, согласно приходской переписи 1778 года (Consriptio Parochiae Graeco Catholicae Ungvariensis) подлинникъ которой хранится въ ужгородскомъ земскомъ архивѣ, существовала въ Ужгородѣ съ незапамятныхъ временъ (... est ab im memorabili erecta.)

Въ одномъ изъ городскихъ протоколовъ, въ которомъ производилась регистрація продажи недвижимостей, въ записи 1719 года уніатскій приходъ упоминается то какъ «приходъ

[1]) Dr. Hodinka: A munkácsi gk. püspökség története 661. 681.

греческой вѣры». («Görög hiten Levő Parochia«) то какъ «Греческая эклезія» («Görög Ecclesia«), а наконецъ какъ «Русскій приходъ» («Orosz Parafia«). Русская церковь въ одной записи упоминается какъ «Orosz Cerkó« (1723).

Согласно протокола о канонической визитаціи 1751 года къ ужгородскому уніатскому приходу приписано было 84 хозяина и 9 грековъ. Приходская церковь была каменная съ тремя колокольнями[1]). Церковь эта построена была якобы въ 1678 году и стояла будто бы гдѣ то подъ замкомъ, на сѣверной сторонѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи стояла казенная житница (кажется въ районѣ нынѣшней ул. Добрянскаго). Приходской домъ существовалъ уже якобы въ 1575 году. Теперешняя уніатская приходская церковь, т. н. «цегольнянская», построена была согласно данныхъ приходского архива въ 1802 году[2]).

Интересно отмѣтить, что между доходами прихода въ то же приблизительно время числилось, между прочимъ, право на пользованіе общинными пастбищами (usus pascuorum communium) и общиннымъ лѣсомъ (Lignatio ex communibus sylvis), изъ чего слѣдуетъ, что въ тѣ времена имѣлись еще исчезнувшіе впослѣдствіи общинные лѣса, а также пастбища.[3])

---

[1]) Д-ръ В. Гаджега — Додатки къ исторіи Русиновъ. Ужгородъ.

[2]) Mészáros K. — Ungvár tört. 62.

[3]) Mészáros Ungvár története. 64.

Согласно вышеупомянутой приходской переписи въ 1778 году къ ужгородскому уніатскому приходу было приписано 866 душъ, изъ коихъ уніатовъ было 824, а православныхъ (schismatici) 42, что составляло добрую половину всего населенія. Какъ видно въ тѣ времена русскій элементъ, занимавшій въ городѣ первое мѣсто среди народностей и вѣроисповѣданій, былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ наше время, особенно если принять во вниманіе, что русскіе всѣ принадлежали къ свободнымъ сословіямъ, преимущественно къ сословію либертиновъ. (Nobiles numerantur 4 in tota Parochia, ceteri omnes Libertini, Catholicae religionis 123, Schismatici 34).

Ядро православныхъ составляли греки, бѣжавшіе въ началѣ XVIII. вѣка отъ преслѣдованія турокъ изъ Македоніи. Фамиліи у грековъ этихъ были, однако, за малымъ исключеніемъ, преимущественно славянскія. Къ нимъ присоединилось нѣсколько сербовъ и карпаторроссовъ. Сначала они не имѣли церкви и собирались для молитвы въ частномъ домѣ и только временами выписывали священника, главнымъ образомъ изъ Великаго Варадина или Токая.

Занимались ужгородскіе греки преимущественно торговлей, которая до сороковыхъ годовъ XIX. столѣтія была сосредоточена почти исключительно въ ихъ рукахъ. Они составляли особое сообщество — «Communitas graecorum universium». — «az ungvári nemes gö-

rög compánia». — «ungvarer griechischen Handelsleute». Это были зажиточные люди, которые скоро освободились изъ подъ опеки уніатовъ и несмотря на свою немногочисленность и ставимыя имъ препятствія образовали самостоятельную вѣроисповѣдную общину. Сначала приходская церковь была деревянная, потомъ въ 1786 году построена была каменная. Приходъ располагалъ значительнымъ имуществомъ. Кромѣ церкви, которая особенно славилась своими замѣчательными колоколами, имѣлись жилые дома для священника, псаломщика и звонника, наемный домъ на главной улицѣ (Мостовой), виноградники и пахотныя земли.

Жили ужгородскіе греки замкнутой жизнью и упорно придерживались греческаго богослужебнаго языка, который былъ сначала также языкомъ дѣловодства общины, пока въ серединѣ XIX. вѣка не былъ замѣненъ мадьярскимъ. Эта отчужденность оказалась для нихъ роковой. Не имѣя подъ собой почвы, они постепенно стали вымирать. Кромѣ того въ торговлѣ ихъ скоро вытѣснили евреи, что въ корнѣ подорвало ихъ матеріальное благосостояніе.

Послѣднимъ православнымъ священникомъ былъ Свѣтозаръ Боляричъ (1874—1879), родомъ сербъ, послѣ ухода котораго община пришла въ явный упадокъ, продолжая, однако, еще нѣкоторое время влачить свое жалкое существованіе. Между тѣмъ постепенно

таяло и приходское имущество. Въ началѣ 90-хъ годовъ были проданы земли, а въ 1896 году наемный домъ. За оставшееся имущество новоучрежденная лютеранская община предложила сначала 32.000, потомъ 40.000, а наконецъ 70.000 коронъ австрійскихъ. Православные, однако, ввиду того, что церковь была построена для богослуженія по восточному обряду, предложили купить ее вмѣстѣ съ остальнымъ церковнымъ имуществомъ мукачевской уніатской епархіи за 20.000 кор. австр.

Мукачевское епархіальное правленіе въ свою очередь предложило 16.000 кор., каковая сумма и была принята тогдашнимъ православнымъ церковнымъ старостой Иваномъ Іовановичемъ. Сдѣлка эта была дня 5-го августа 1900 года одобрена общимъ собраніемъ православной общины, которая въ то время имѣла уже только 7 взрослыхъ и 2 малолѣтнихъ членовъ. Общее собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ постановило, что вырученная за проданное приходское имущество сумма должна быть раздѣлена между прихожанами. Договоръ о куплѣ-продажѣ былъ подписанъ дня 22. сентября 1900 г., послѣ чего скоро послѣдовалъ форменный переводъ права собственности, однако безъ соблюденія соотвѣтствующихъ законныхъ предписаній, ввиду чего противъ него были поданы нѣкоторыя возраженія. Вслѣдствіе этихъ возраженій ужгородскій поджупанъ своимъ рѣшеніемъ за № 11.022/1902. договоръ, какъ противозаконный отмѣнилъ. Въ послѣдней ин-

станціи пришлось дѣло рѣшать мадь. кор. министру вѣроисповѣданія и народнаго просвѣщенія. Онъ своимъ рѣшеніемъ № 17/1906. хитроумно разрубилъ гордіевъ узелъ, а именно такимъ образомъ, что продажу православнаго церковнаго имущества, какъ таковую, несмотря на явную противозаконность всей сдѣлки и несоотвѣтствіе цѣны, «въ видѣ исключенія» одобрилъ, съ тѣмъ однако, что покупная цѣна не можетъ быть раздѣлена между прихожанами, но должна быть внесена въ центральную государственную казну[1]).

Такимъ образомъ православные въ одинъ пріемъ потеряли цѣннѣйшее церковное имущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вырученныя за него деньги. Дѣло конечно не обошлось безъ непростительнаго попустительства православныхъ церковныхъ властей.

Мукачевская епархія, купленную ею церковь предоставила въ распоряженіе монахамъ-василіанамъ, которые непосредственно передъ войной построили возлѣ нея монументальную монастырскую обитель, въ которой помѣщается также бурса.

Судьба, діаметрально провоположная судьбѣ, постигшей православныхъ, выпала на долю еврейства. Евреи впервые упоминаются въ спискѣ 1690 г., какъ арендаторы мыта, которые кромѣ того продавали пиво, горѣлку и медъ, за что платили аренду 600 фл. въ годъ.

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés 1909. 350-381. 1912. 374-377.

Количество ихъ не указано, однако судя по тому, что въ спискѣ 1691 года упоминается уже только одинъ еврей, можно заключить, что ихъ было очень немного, двѣ-три семьи, не больше.

По переписи 1768 года общее количество евреевъ равнялось 93. — Согласно податного списка 1788 года (Graecorum et Hebreorum Nova Portio 1788) православныхъ хозяевъ, подлежащихъ налогообложенію, было въ то время 25, а евреевъ 24. Количество евреевъ, однако, постоянно увеличивалось въ то время, какъ число православныхъ постепенно убывало. Кромѣ естественнаго прироста еврейство увеличивалось также отъ постояннаго прилива единоплеменниковъ изъ Польши. Иммиграція эта усилилась особенно тогда, когда по первому раздѣлу Польши въ 1773 г. сосѣдняя Галичина досталась Австріи.

Озадаченныя все усиливающимся наплывомъ евреевъ изъ заграницы власти стали противъ еврейской иммиграціи принимать строгія мѣры. Одной изъ этихъ мѣръ былъ королевскій указъ отъ 18-го августа 1806 года, строго запрещающій иностраннымъ евреямъ безъ разрѣшенія Королевскаго Намѣстничества (Consilium Locumtenentiale Regium) въѣздъ въ Венгрію. Запретъ этотъ былъ вновь изданъ распоряженіемъ Королевскаго Намѣстничества 1819 года, который въ нашей области былъ обнародованъ особымъ объявленіемъ жупнаго управленія съ 1820 г. № 19340/10417.

оригиналъ котораго хранится въ городскомъ архивѣ [1]).

Однако, несмотря на эти и другія ограничительныя мѣры, которыя повидимому на практикѣ оказались малодѣйственными, приливъ еврейскаго элемента изъ сосѣдней Галичины интенсивно продолжался, быстро увеличивая численность мѣстнаго еврейскаго населенія. Въ концѣ XVIII. вѣка ужгородская еврейская община настолько окрѣпла, что въ 1792 году уже была въ Ужгородѣ открыта еврейская школа[2]). Къ концу первой половины прошлаго вѣка по численности евреи заняли среди народонаселенія Ужгорода уже второе мѣсто, при чемъ количество ихъ опредѣлялось въ 2.500 душъ[3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они къ тому времени уже захватили въ свои руки всю торговлю, бывшую дотолѣ въ рукахъ вытѣсненныхъ ими греческихъ купцовъ.

Во время царствованія Іосифа II. (1780—1790) была сдѣлана попытка нѣмецкой колонизаціи. Изъ Прирейнской области по предложенію органовъ помѣщицы-казны переселено было въ Ужгородъ 20 нѣмецкихъ семей. Они были поселены на Минайской улицѣ, отъ чего она получила наименованіе «Швабской» улицы. Здѣсь ихъ ожидали готовыя усадьбы, хозяйственныя постройки, домашній скотъ и

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés 1912. 2107-108.
[2]) Бланарь. — Трехстолѣтіе ужгородской гимназіи 17.
[3]) Fényes. — Magyaroszág földrajzi szótára II. Budapest. 1851.

сельскохозяйственныя орудія. Кромѣ того получили на 10 лѣтъ освобожденіе отъ всякихъ общественныхъ бременъ[1]). Попытка эта, однако, никакого результата не имѣла, такъ какъ нѣмецкіе колонисты быстро поддались денаціонализаціи. Сегодня только нѣкоторыя фамиліи жителей Минайской улицы напоминаютъ о нѣмецкомъ происхожденіи ихъ носителей. Ихъ потомки и правопреемники, однако, до сихъ поръ сохранили нѣкоторое свое хозяйственное сообщество, называемое «Швабской урбаріальной общиной».

Цыгане живутъ въ Ужгородѣ съ давнихъ временъ, о чемъ свидѣтельствуетъ также то обстоятельство, что уже въ XVII. вѣкѣ ихъ именемъ называлась даже улица (Czigány ucca). Согласно списка 1691 года жили цыгане подъ предводительствомъ одного «воеводы» (vajda) подъ шатрами, каковыхъ въ то время имѣлось 20. Служили цыгане замку кузнецкимъ ремесломъ[2]).

Согласно хроники Саларди ужгородскій католическій приходской костелъ стоялъ передъ замкомъ внутри паланка или тына, которымъ замокъ снаружи былъ обведенъ[3]). Костелъ этотъ со временемъ — по всей вѣроятности во время одной изъ многочисленныхъ осадъ, которымъ ужгородскій замокъ подвергался, — былъ разрушенъ. Въ XVII. столѣтіи като-

[1]) Mészáros. Ungvár története 8-9.
[2]) Dr. Hodinka. Adalékok Ungvár tört. 91.
[3]) Mészáros. Ungvár tört. 57.

лическій приходской костелъ находился уже на нынѣшней улицѣ Ракоци, о чемъ свидѣтельствуетъ запись въ одномъ изъ городскихъ протоколовъ отъ 16-го марта 1669 года. (Az Sós uczában a Templom ellenében . . .) Костелъ этотъ переходилъ то къ католикамъ, то къ реформатамъ, пока въ началѣ XVIII. вѣка не остался окончательно въ рукахъ первыхъ. Кромѣ того въ Ужгородѣ имѣлся еще и другой, такъ наз. «маленькій костелъ» (Kis templom), упоминаемый въ городскихъ протоколахъ въ 1651 году[1]).

Въ концѣ XVII. вѣка приходской домъ находился въ Замковой улицѣ (теперь Капитульная), о чемъ свидѣтельствуетъ запись въ книгѣ наслѣдственныхъ дѣлъ съ 1668 г. (Az Vár uczában az Parochiális ház mellett[2]). Въ 1691 году приходской домъ вмѣстѣ со школой находился уже на ул. Мостовой (Hid-ucza) на двухъ цѣльныхъ участкахъ[3]).

Со временемъ католическій приходской костелъ настолько обветшалъ, что необходимымъ стало снести его и построить новый. Для постройки новаго костела, однако, не хватало средствъ. Тогда мѣстный католическій архидіаконъ, Эмерихъ Хорватъ, испросилъ въ 1762 году, когда началась постройка нынѣшняго костела, разрѣшеніе у Ягерскаго епи-

[1]) Книга наслѣдствъ. Protocolum Civitatis Ungvar de Rebus In Hereditarium etc. 1643-1721-122.

[2]) Тамъ же 308.

[3]) Dr. Hodinka. Adalékok Ungvár tört. 35.

скопа вскрыть фамильный склепъ Другетовъ, находящійся въ замковомъ костелѣ, въ надеждѣ найти тамъ драгоцѣнности, которыя потомъ должны были пойти на покрытіе нехватающихъ для постройки средствъ. Такъ какъ въ то время замокъ служилъ казармой, то разрѣшеніе пришлось испрашивать также у военныхъ властей. Разсчетъ этотъ, однако, не оправдался, ибо склепъ еще 24 мя годами раньше былъ ограбленъ помѣщавшимся въ замкѣ войскомъ. Кромѣ одного золотого кольца, оказавшагося среди останковъ Валентина (I.) Другета, ничего цѣннаго найдено не было. Да и это кольцо не могло быть использовано для предполагаемой цѣли, такъ какъ его пришлось отправить, какъ казенное добро, въ государственную казну въ Братиславѣ. Напрасно только былъ нарушенъ загробный покой мертвыхъ[1]).

Достопримѣчательностью католическаго костела является серебрянная готическая монстранція художественной отдѣлки, вѣсомъ въ $7^1/_2$ килогр. Послѣ подавленія куруцскаго возстанія бѣжавшій за границу гр. Берчени взялъ ее съ собой, однако впослѣдствіи вернулъ ее изъ Турціи[2]).

Въ 1766 году былъ старый приходской домъ снесенъ, а на его мѣсто въ 1767 году построенъ новый. Постройки эти, равно какъ и постройки уніатскаго прихода, были осуще-

[1]) Mészáros. Ungvár tört. 19.
[2]) Mészáros. Ungv. tört. 62.

ствлены съ помощью помѣщицы-казны (впослѣдствіи лѣсной казны), которой принадлежитъ надъ обоими приходами патронатъ, въ силу котораго обязана, между прочимъ, также содержать приходскія зданія въ исправности.

Вышеупомянутый историческій замковый костелъ, гдѣ въ свое время заключена была церковная унія, со временемъ былъ снесенъ, навѣрное ввиду его обветшалости и отсутствія средствъ, необходимыхъ для ремонта.

Когда возникло римско-католическое богомолье на горѣ Кальваріи до сихъ поръ точно не установлено. На картѣ города 1800-го года уже отмѣчена гора Кальварія съ часовней на вершинѣ. Къ ней вела дорога отъ теперешней улицы собранецкой, черезъ улицу Тихую. Нынѣшняя улица Кальварія была открыта въ 1830-мъ году казной. Тогда же, вѣроятно была построена дорога, ведущая серпентинами къ находящейся на вершинѣ горы главной часовнѣ. Съ этимъ временемъ должна быть связана и постройка часовенекъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ этой дороги, и изображающихъ Страсти Господни. На часовнѣ, мѣченной № VIII. имѣется дата — 1828.

Нынѣшняя главная часовня на вершинѣ горы Кальваріи была построена немного раньше, въ 1826-мъ году, изъ наслѣдства Давида Пеца, въ честь котораго въ 1885-мъ году была къ часовнѣ прикрѣплена мраморная доска.

Ужгородскіе реформаты возвращенное съ

1705 году имъ церковное имущество (согласно дневника Хорватовъ Павловецкихъ «малый костелъ со всѣми принадлежностями» — «cum parochia et universis ad se pertinentiis»[1]) скоро опять потеряли. Въ общинѣ возникла неурядица, которой воспользовались іезуиты и опять захватили церковное имущество, которое уже потомъ никогда не было реформатамъ возвращено. Послѣ того приходъ переведенъ былъ въ сосѣднюю Радванку, гдѣ Адамъ Хорватъ Павловецкій предоставилъ для его нуждъ свою усадьбу и принадлежавшія къ ней земли. Только въ 1783 году былъ реформатскій приходъ съ разрѣшенія императора Іосифа II-го переведенъ обратно въ Ужгородъ. Когда попытка вернуть отнятое приходское имущество кончилась неудачей, община приступила къ сооруженію собственными силами новаго храма, основной камень котораго былъ положенъ 16-го мая 1793 года на участкѣ, купленномъ для этой цѣли у казны за 386 фл. и 44 кр. Существенную матеріальную поддержку оказали ей лютеране, не имѣвшіе еще въ то время своего прихода, который былъ учрежденъ только въ 1906 году. Приходскимъ домомъ (parochia) въ то время служилъ находившійся возлѣ костела деревянный домикъ, и только приблизительно 30 лѣтъ спустя удалось, частью на собранныя путемъ сборщины средства, построить для этой

[1]) Monumenta Hungariae Historica. 256.

цѣли соотвѣтствующее новое зданіе, которое служило до 1905 года[1]).

Католическое засиліе не прекратилось сразу и послѣ учрежденія Мукачевской уніатской епархіи даже въ самой ея столицѣ, въ Ужгородѣ. Оно проявлялось, между прочимъ и тѣмъ, что гимназисты греко-католическаго вѣроисповѣданія должны были праздновать по латинскому обряду и присутствовать на латинскихъ богослуженіяхъ и не могли посѣщать своей церкви даже въ тѣ русскіе праздники, которые совпадали съ латинскими. Въ 1793 году, однако, одинъ русскій четырехклассникъ (гуманистъ 1-го отдѣленія), по имени Георгій Ѳеодоровичъ, въ одинъ изъ совмѣстныхъ праздниковъ во время шествія въ католическій костелъ выступилъ изъ рядовъ и направился въ кафедральный соборъ. Ледъ былъ этимъ проломленъ. Католикамъ пришлось сдѣлать первую уступку, заключавшуюся въ томъ, что по воскресеніямъ и въ совмѣстные праздники уніаты по своему желанію могли посѣщать русскую церковь, въ латинскіе же праздники должны были ходить дальше въ костелъ. Въ области преподаванія Закона Божія добились уніаты почти одновременно съ этимъ также нѣкоторой уступки, а именно съ 1795 года три младшихъ класса стали слушать Законъ Божій по русски, а только три старшихъ класса продолжали слушать его совмѣстно съ католиками по латински.

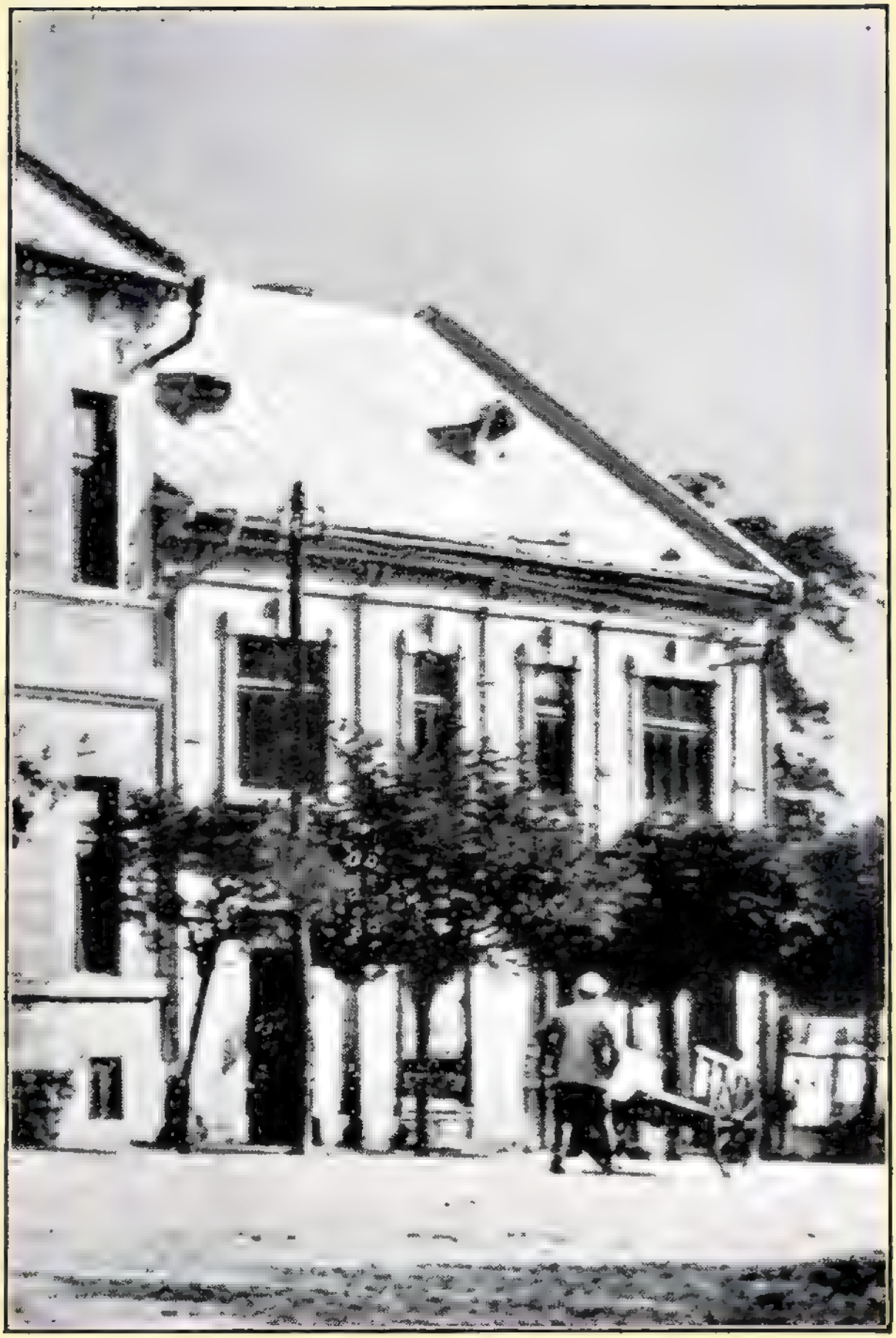
[1]) Komjáthy. Az ungvári ref. egyh. tört. 14-24.

Порядокъ этотъ оставался въ силѣ до середины XIX вѣка[1]).

Послѣ перехода зданія іезуитской коллегіи во владѣніе мукачевской уніатской епархіи гимназія нѣкоторое время еще продолжала оставаться въ одномъ одноэтажномъ флигелѣ коллегіи, пока невдалекѣ не было въ 1784 году построено новое зданіе на мѣстѣ называвшемся «Казармой» казенной постройки, часть стѣнъ и основаній, которой были при томъ использованы для новой постройки. Единственной «достопримѣчательностью» этого неудобнаго и нездороваго зданія, въ которомъ кстати сказать, съ 1900 года помѣщается городская управа, является то, что изъ него былъ въ 1799 г. веденъ первый каналъ въ Ужгородѣ[2]), а въ 1806 году передъ нимъ была сооружена первая мостовая.

Несмотря на свое безправное состояніе, въ силу обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ воли казны, Ужгородъ все же понемногу развился. Съ теченіемъ времени онъ становится важнымъ административнымъ и культурнымъ центромъ. Въ 1775 году былъ по улицѣ Великой (Nagy ucza) — теперешняя улица Ракоци № 27) построенъ Комитатскій домъ, вслѣдствіе чего Ужгородъ сталъ окончательно столицей ужанскаго комитата. Съ того времени комитатскія собранія стали отбываться постоянно въ Ужгородѣ. Въ 1809 году была за-

[1]) Blanár. Az ungv. főgimn. tört. 245-246.
[2]) Fincicky. Polgármesteri jelentés. 1912-110.



Первая городская ратуша (пл. Жатковича).

Бывшая почта.

Синагога.

кончена постройка новаго монументальнаго комитатскаго дома на площади, получившей отъ него наименованіе «Комитатской» (Vármegyeház tér — теперешняя пл. Жатковича[1]) послѣ чего въ старомъ зданіи было помѣщено окружное начальство, которое тамъ находилось до недавна, пока нѣсколько лѣтъ тому назадъ зданіе не было снесено и на его мѣстѣ построена Земледѣльческая Камера.

Послѣ упраздненія ордена іезуитовъ проведена была реформа школьнаго дѣла, въ связи съ которой Венгрія раздѣлена была на восемь учебныхъ округовъ: столицей одного изъ нихъ, правда не на долго, сталъ Ужгородъ[2]).

Въ 1786 году указомъ Іосифа II-го была проведена реформа администраціи, въ силу которой Венгрія была вмѣсто комитатовъ раздѣлена на 10 комиссаріатовъ. Столицей одной изъ этихъ новыхъ административныхъ единицъ, въ составъ которой входили, кромѣ ужгородскаго, также комитаты Бережскій, Угочанскій, Мараморошскій и Сатумарскій, сталъ Ужгородъ[3]), однако не на долго, такъ какъ послѣ смерти Іосифа II-го (1790), всѣ его нововведенія въ области администраціи были отмѣнены и возстановлены старые порядки.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ томъ же 1786

---

[1]) Radványi. Die Archive in der Podk. Rus. 55.
[2]) Szilágyi S. A magy. nemz. tört. VIII. 352.
[3]) Monumenta Hungariae Historica. 291.

году былъ Іосифомъ II-мъ изданъ его знаменитый указъ о вѣроисповѣдной терпимости, которымъ предоставлена была свобода вѣроисповѣданія также некатоликамъ, между прочимъ и православнымъ, — за которыми однако только закономъ № XXVII—1790 года была окончательно закрѣплена свобода вѣроисповѣданія, а также право пріобрѣтать недвижимости и поступать на государственныя и общественныя должности[1]). Одновременно съ этимъ отмѣнены были всякие поборы, взимавшіемя дотолѣ съ некатоликовъ въ пользу ксендзовъ.

Весьма цѣнныя данныя по развитію города въ разсматриваемую эпоху содержатъ хранящіеся въ городскомъ архивѣ въ оригинальныхъ рукописяхъ вѣдомости, составленныя на основаніи подомной переписи населенія. По нимъ съ большой наглядностью можно возстановить весь тогдашній составъ населенія города, его классовое и имущественное состояніе и почерпнуть изъ нихъ множество интересныхъ, и ввиду своей автентичности весьма цѣнныхъ свѣдѣній.

Вѣдомость 1767 года носитъ заглавіе:

«Conscriptio Animarum Anni 1767-mi[2]) Regio Cameralis Oppidi Unghvar Co(mi)t(a)tui Nominis ejusdem adjacentis Catholicis et Helveticae Confessioni addictis Hungaris, Germa-

[1]) Corpus Juris Hungarici — art XXVII. 1790.
[2]) Годъ дописанъ другой рукой. Прим. автора.

nis, ac Graeci ritus Uniti Ruthenis, nec non Catholicis Slavis impopulati».

Вѣдомость эта въ графѣ «Nomina Oppidanorum Proprias Domos habentium» поименно перечисляетъ всѣхъ домовладѣльцевъ, съ указаніемъ въ соотвѣтственныхъ графахъ количества членовъ семьи (Hospes — Hospitissa — Proles) и прислуги (Famuli — Ancillae). Согласно сего списка было въ указанномъ году въ Ужгородѣ 311 домовъ (вѣрнѣе домовладѣльцевъ), а количество населенія составляло 1469 душъ. Число это, все же, не совсѣмъ точно, такъ какъ въ списокъ не были включены евреи. Количество евреевъ, однако, указано въ спискѣ послѣдующаго 1768 года, которое поэтому безъ особой погрѣшности можемъ признать дѣйствительнымъ и для предыдущаго года. Было ихъ тогда 93. Принимая это во вниманіе общее количество жителей города, — однако безъ казенныхъ людей, войска и обитателей іезуитской коллегіи, — можемъ опредѣлить примѣрно въ 1560 душъ. По списку можно установить также, что въ помянутомъ году въ Ужгородѣ было 57 чеботарей, 26 кожевниковъ, 22 гончара, 12 мѣховщиковъ, 5 мельниковъ, 4 кузнеца, 4 столяра, 3 колесника, 3 маляра, 3 валяльщика, 3 садовника (огородника), 2 пекаря и пряничника, 2 веревочника, 2 часовщика, 2 ткача, 2 пуговочника, 1 каменщикъ, всего 157 ремесленниковъ и 20 земледѣльцевъ.

Весьма обширна и подробна вѣдомость

1768 года, которая раздѣлена на 31 графу. Нехватаетъ у нея только заглазной страницы и первой страницы текста (всѣхъ страницъ первоначально было 46), что впрочемъ ничуть не уменьшаетъ ея цѣнности. Къ сожалѣнію вѣдомость эта была кѣмъ то изъ городскихъ должностныхъ лицъ ввиду экономіи труда использована и для 1771 года, при чемъ соотвѣтствующія мѣста въ ней были зачеркнуты и исправлены, что не могло не отразиться на четкости рукописи. Въ ней значится всего 301 домъ, при чемъ не только домовладѣльцы, но и квартиронаниматели и прислуга указаны въ ней поименно. Согласно этой вѣдомости, въ которую на этотъ разъ были включены также евреи, число жителей равнялось, опять таки безъ войска и казенныхъ людей, 1602, что въ общемъ отвѣчаетъ вышеизложенному приблизительному изысканію. По этой же вѣдомости можно подомно установить число мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ, новорожденныхъ и умершихъ, и вообще приростъ и убытокъ населенія въ теченіи года. Протестантовъ (acatholici) было 67, православныхъ 38, евреевъ, какъ уже было сказано, 93, а остальные были уніаты и католики, указанные въ вѣдомости подъ общимъ названіемъ — catholici.

Перепись отъ 3-го декабря 1819 года, которая носитъ заглавіе: «Descriptio Re(gi)o Cameralis Oppidi Unghvar», состоитъ изъ 3-хъ частей. Первая часть содержитъ поименный

списокъ домохозяевъ, съ указаніемъ ихъ профессіи и оцѣнки перечисленнаго подробно (domus, fornices, vineae, cellaria, horti) ихъ недвижимаго имущества.

Вторая часть содержитъ сравнительную статистическую сводку, въ которой сопоставлены данныя 1794 и 1819 годовъ, которая такимъ образомъ представляетъ наглядную картину роста города за цѣлую четверть вѣка. Такъ напр. въ 1794 г. имѣлось въ городѣ 475 домовъ, а въ 1819 году 806, слѣдовательно за 25 лѣтъ количество домовъ увеличилось на 335. Подробныя данныя приведены въ сводкѣ также относительно разныхъ профессій.

Включенное въ перепись 1819 года имущество горожанъ оцѣнивалось въ 1,106.800 рейнскихъ флореновъ. Евреевъ-домохозяевъ имѣлось въ то время 15, при чемъ имущество ихъ оцѣнивалось въ 58.300 фл. Въ это число, однако, не включено имущество еврейской общины по ул. Великой (нынѣшней Ракоци), состоявшее изъ синагоги, школы и жилища раввина, а также богадѣльни (Xenodochium judaeorum) по улицѣ Маломостовой (Kishid).

Третья часть вѣдомости, какъ показываетъ и ея заглавіе: «Consignatio Specifica Literatorum in R. Camerali Oppido Unghvar domiciliatorum» — содержитъ поименный списокъ всѣхъ грамотныхъ ужгородцевъ, раздѣленныхъ въ этомъ отношеніи на 3 класса.

Въ первомъ классѣ (In classe I-a) перечислены правовѣды (Literati Juris periti). Было

ихъ 26. Во второмъ классѣ указаны лица, владѣющіе латинскимъ и мадьярскимъ языками (Literati Linguae Latinae et Hungaricae gnari). Таковыхъ было 35. Къ третьему классу были причислены тѣ, кто зналъ только мадьярское письмо (Literati solum Hungaricae scripturae gnari). Было таковыхъ 25. Кромѣ того живущихъ въ городѣ постоянно грамотныхъ иногородцевъ (non domiciliati) имѣлось 6, такъ что всѣхъ грамотныхъ людей въ городѣ, не считая, однако, въ томъ числѣ людей, знающихъ только русскую грамоту или еврейскую, а также гимназію, насчитывалось всего 96 лицъ, что могло составить приблизительно 2.5% всего населенія, которое въ то время можно отгадывать круглымъ числомъ на 4.000 душъ.

На планѣ города съ 1800 года указано 698 интравилановъ (усадебъ), изъ какового числа нѣкоторое количество припадало, однако, на церкви, склады, житницы (гумна) и т. д., такъ что въ то время количество населенія города могло равняться приблизительно 3.000 жителямъ. Согласно того-же плана по правому побережью было 15 улицъ, а по лѣвому 6.

Послѣ перехода города во владѣніе казны, въ замкѣ былъ размѣщенъ гарнизонъ.. Водоснабженіе замка производилось спеціальными водовозными подводами, доставляемыми по распоряженію комитатскихъ властей.

Въ 1728-мъ году замокъ сгорѣлъ. Отъ него остались однѣ только стѣны.

Въ1735-мъ году ужгородская доминія пожалована была императоромъ Карломъ ужанскому наджупану барону Францу Дюлаи, въ пожизненное владѣніе (въ залогъ).[1])

Новый владѣлецъ въ 1737-мъ году возстановилъ сгорѣвшій было замокъ[2]). Однако, онъ не долго могъ имъ пользоваться, такъ какъ въ 1740-мъ году умеръ, послѣ чего Ужгородъ перешелъ опять къ казнѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что ужгородскій замокъ служилъ также тюрьмой и въ его подземельяхъ, должно быть, не одна жертва барскаго произвола кончила печально свою злосчастную жизнь.

Лишенный своихъ прежнихъ вольностей Ужгородъ получилъ соотвѣтственно своему новому правовому положенію новое званіе. Сначала онъ назывался просто «Oppidum Unghvar», по мадьярски „Ungvár városa“ но съ середины XVIII вѣка сталъ называться казеннымъ начальствомъ «Unghvar mező városa», каковое названіе встрѣчается, однако, и раньше въ записяхъ городскихъ протоколовъ XVII вѣка (1662)[1]), а наконецъ «Királyi Kameralis Uradalmi Urbéri Mező város» (Королевское казенное урбаріальное помѣщичье мѣстечко). Титулъ, правда, длинный, но зато не особенно почетный. По-латыни Ужгородъ

[1]) Земскій архивъ въ Ужгородѣ, — фасцикулъ 135 № 342. - 1795.

[2]) Земскій архивъ — B. 912/1737.

[3]) Книга протоколовъ 1643—1721 стр. 235.

сталъ называться «Oppidum Regio Camerale» или даже «Oppidum Caesareo Regium Camerale».

Городская управа со временемъ попала въ полную зависимость отъ помѣщицы-казны, что проявлялось, конечно, уже при самомъ выборѣ городскихъ должностныхъ лицъ. Такъ наприм. городской староста (главный судья) избирался, правда, и дальше общимъ собраніемъ горожанъ (Voto oppidanorum[1]), голосовать при этомъ можно было, однако, только за кандидатовъ, выставленныхъ казной, о чемъ свидѣтельствуетъ распоряженіе начальника казны (Cameralis Praefectus) съ 1766 года[2]), которымъ расписалъ выборы городскихъ должностныхъ лицъ, которые, повидимому, производились срокомъ на одинъ годъ, обыкновенно около новаго года. Согласно этой же грамоты на должность старосты выставлялись казной обыкновенно по три кандидата, хотя впослѣдствіи было не мало случаевъ, когда выставлялись четыре кандидата. Новоизбранный староста, а равно главный нотаріусъ и члены гор. совѣта подлежали утвержденію со стороны казны (electus per Dominium confirmatur). Кромѣ того должны были торжественно сложить присягу публично въ костелѣ во время новогодняго богослуженія[2]).

Не мало было при этомъ конечно злоупотребленій со стороны всемогущей казны.

[1]) Книга протоколовъ 1737-1779.
[2]) Тамъ же.

Такъ напр. согласно протокола о выборѣ городскихъ должностныхъ лицъ отъ 29 декабря 1771 г. члены совѣта были просто назначены. (pro Juratis autem Oppidi denominantur Sequentes). Не менѣе характеренъ случай, описанный въ протоколѣ отъ 1-го января 1772 года. Изъ четырехъ кандидатовъ Іоаннъ Кемень получилъ 37 голосовъ. Степанъ Гомоки 20, а остальные два 3 и 1. Несмотря на то, что Кемень получилъ абсолютное, а при томъ подавляющее большинство, въ должности старосты былъ казной утвержденъ не онъ, но Гомоки, а именно съ такимъ обоснованіемъ, что тѣ голоса, которыми первый получилъ большинство надъ послѣднимъ, принадлежали якобы грекамъ, т. е. православнымъ, «которые никакъ не могутъ вліять на дѣла городской общины, которая несетъ разныя бремена». Это было, конечно, только предлогомъ къ тому, чтобы не утвердить неудобнаго казнѣ кандидата, ибо не мыслимо, чтобы горсточка грековъ, составлявшая ничтожную часть населенія, могла рѣшить исходъ выборовъ. Къ тому же, если греки почему-то дѣйствительно не имѣли права голоса, то ихъ просто не нужно было къ голосованію допустить. Ясно, что дѣло было не совсѣмъ чистое.

Населеніе города въ высшей степени тяготилось своимъ безправнымъ положеніемъ и своеволіемъ казенныхъ людей и всячески ны-

[1]) Тамъ же.

талось вернуть себѣ утерянныя вольности. Прямо изумительно то упорство города, съ которымъ онъ, несмотря на постоянныя неудачи, продолжалъ бороться за свое освобожденіе. Не видя другого способа, городъ попытался просто откупиться отъ урбаріальныхъ (крѣпостныхъ) бременъ и стать вольнымъ королевскимъ городомъ. Съ этой цѣлью въ 1791 году передъ императоромъ возбуждено было имъ ходатайство, въ которомъ городъ въ качествѣ выкупа предлагаетъ 1.500 флореновъ въ годъ, обстоятельно изложивъ при томъ всѣ мотивы и доводы своего прошенія.

Одновременно съ этимъ среди населенія предпринятъ былъ своего рода плебисцитъ, имѣвшій цѣлью установить, желаетъ ли населеніе Ужгорода освобожденія изъ подъ власти казны, или же довольствуется существующимъ положеніемъ. Въ результатѣ этого плебисцита 362 горожанина одобрили предпринятую городской управой акцію, а 24 высказались противъ нея.

Префектура казны однако, будучи лично заинтересована въ сохраненіи существующаго порядка вещей, въ свою очередь предприняла всѣ мѣры, чтобы ходатайство города не было удовлетворено. Ввиду этого дѣло затянулось на десятки лѣтъ. Началась переписка, разслѣдованіе и тому подобная канцелярщина.

Въ концѣ 1822 года предпринята была подписка съ цѣлью собрать средства, необхо-

димыя для окончательнаго выкупа, которая въ конечномъ результатѣ дала 84.477 рейнскихъ флореновъ, что по тогдашнимъ условіямъ было огромной суммой. Несмотря на такую чрезвычайную жертвенность населенія и на непрестанныя хлопоты города, дѣло освобожденія не подвигалось впередъ, по всей видимости изъ-за сопротивленія всемогущей казны.

Убѣдившись въ томъ, что путемъ выкупа не добиться ему освобожденія, городъ рѣшилъ испытать еще одну послѣднюю возможность. Онъ въ 1839 г. обратился съ просьбой къ роду графовъ Чаки, къ которому принадлежала вторая жена мятежнаго ужгородскаго помѣщика графа Николая Берчени, о выдачѣ ему изъ фамильнаго архива — по крайней мѣрѣ въ копіи — документовъ о вольностяхъ и привилегіяхъ Ужгорода, дарованныхъ ему родомъ Другетовъ. Въ своемъ обращеніи городъ жалуется, что документы о прежнихъ его привилегіяхъ были казенными людьми насильственно похищены, вслѣдствіе чего были утеряны не только городскія вольности, но и горожане были постепенно лишены всѣхъ своихъ правъ и угодій, даже своего частнаго имущества. Однако и эта послѣдняя попытка города успѣха не возымѣла. Требуемыхъ документовъ онъ не получилъ. Этимъ продолжавшееся ровно 48 лѣтъ ходатайство города закончилось безъ какого либо результата[1]).

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés. 1912. 172-221.

Въ борьбѣ города за свое освобожденіе, казавшейся было совсѣмъ ужъ безнадежной, вдругъ наступилъ неожиданный поворотъ. Въ 1836 году изданы были законы №№ XIV, XVIII и XX, которыми судебная компетенція по дѣламъ наслѣдственнымъ, ярмарочнымъ и меньшимъ устнымъ тяжбамъ возложена была по городамъ—гдѣ таковые имѣлись — на т. н. «устроенные» городскіе совѣты (rendezett városi tanács). Ужгородъ, владѣвшій съ незапамятныхъ временъ городскимъ совѣтомъ, состоявшимъ въ то время изъ старосты, нотаріуса, юрисконсульта и 12-ти засѣдателей, автоматически вступилъ въ силу помянутыхъ законовъ по дѣламъ въ нихъ предусмотрѣннымъ въ исполненіе судебной власти I-ой инстанціи, не испрашивая на это предварительнаго разрѣшенія казны.

Казна, однако, усматривая въ этомъ начало эмансипаціи города, стала чинить ему, пользуясь принадлежавшей ей помѣщичьей властью, всякаго рода препятствія, въ первую очередь въ области ярмарочнаго судопроизводства. Городъ на этотъ разъ, однако, въ сознаніи своей правоты, не уступилъ. Противъ своеволія казны онъ подалъ жалобу комитатскимъ властямъ. Комитатское общее собраніе, прежде чѣмъ вынести по жалобѣ рѣшеніе по существу, своимъ постановленіемъ отъ 18-го октября 1836 года за № 953 поручило тогдашнему ужгородскому окружному начальнику Викентію Будаи, предварительно разслѣдовать

дѣло, уложивъ ему одновременно «впрочемъ придерживаться дѣйствующихъ законовъ». Руководясь этимъ послѣднимъ приказомъ, окружной начальникъ первымъ долгомъ возстановилъ въ правахъ городской совѣтъ, который до 13-го марта 1837 г. безпрепятственно производилъ судъ по ярмарочнымъ дѣламъ. Помянутаго дня, однако, юрисконсультъ казны запретилъ старостѣ дальнѣйшее судопроизводство, отнявъ у него одновременно и судебный протоколъ.

Въ свою очередь комитатскія власти, исполнявшія также государственную власть II-й инстанціи, приняли сторону города. Комитатское общее собраніе, заслушавъ докладъ окружного начальника, производившаго по дѣлу въ городскомъ архивѣ обстоятельное разслѣдованіе, своимъ рѣшеніемъ отъ 25 января 1838 года № 125 признало Ужгородъ «городомъ съ устроеннымъ совѣтомъ».

Это эпохальное въ исторіи Ужгорода рѣшеніе въ русскомъ переводѣ гласитъ:

«Ввиду того, что въ общемъ собраніи, состоявшемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1836 года, совѣтъ города Ужгорода былъ признанъ устроеннымъ и что окружному начальнику было уложено установить судопроизводство по дѣламъ, предусмотреннымъ законами №№ 14, 18 и 20 1832 36 ему же, т. е. окружному начальнику, вновь вмѣняется въ обязанность возстановить городской совѣтъ во власти, предусмотрѣнной приведенными законами».

Рѣшеніемъ этимъ въ правовомъ положеніи Ужгорода настала коренная перемѣна. Изъ категоріи казеннаго мѣстечка онъ былъ возведенъ въ разрядъ «городовъ съ устроеннымъ совѣтомъ» (rendezett tanácsu város), а вмѣстѣ съ тѣмъ изъятъ изъ подъ административной власти лѣсной казны, что однако еще не обозначало освобожденіе горожанъ отъ барщины и прочихъ урбаріальныхъ (крѣпостныхъ) повинностей и поборовъ, хотя и въ этомъ отношеніи постепенно наступило облегченіе. Такъ напр. закономъ № VII. 1836 г. отмѣнены были разные мелкіе поборы, взымавшіеся въ натурѣ въ пользу помѣщика (мелкая девятина).

Казна, однако, никакъ не могла примириться съ новымъ положеніемъ вещей. Она рѣшила во что бы то ни стало воспрепятствовать выходу города изъ подъ ея власти. Она въ свою очередь въ 1840 году подала противъ рѣшенія комитатскихъ властей жалобу надворному жупану (палатину) и Королевскому Намѣстничьему Совѣту. Въ ней между прочимъ казна жалуется и на то, что городъ отказывается давать ей также отчетъ въ общественныхъ приходахъ и расходахъ. Возникшій влѣдствіе этого новый споръ, въ которомъ казенные люди съ небывалымъ цинизмомъ отрицали самые очевидные факты, кончился, однако, полной побѣдой города. Намѣстничій Совѣтъ на основаніи предоставленныхъ городомъ документовъ своимъ рѣшеніемъ отъ 21. августа 1845. № 2340 отклонилъ жалобу каз-

ны, какъ необоснованную. Этимъ исходъ борьбы съ казной, продолжавшейся чуть ли не цѣлыхъ полтораста лѣтъ, былъ рѣшенъ окончательно въ пользу города.[1])

Въ неравной борьбѣ съ помѣщицей-казной Ужгородъ окончательно обнищалъ. Къ концу XVIII. вѣка уже не имѣлъ никакихъ недвижимостей, ни угодій. Ввиду этого постоянно надоѣдалъ комитатскимъ властямъ прошеніями о предоставленіи ему разныхъ льготъ и облегченій, ссылаясь на матеріальныя затрудненія. Особенно характерны въ этомъ отношеніи ходатайства города съ 1798 года. Въ одномъ изъ нихъ городъ жалуется, что не имѣетъ «ни малѣйшаго участка земли», въ другомъ, что не не имѣетъ «ни луговъ, ни пахотной земли, однимъ словомъ никакого дохода», а въ третьемъ, что не имѣетъ «ни пастбища-поля, ни вольнаго лѣса» и т. д. Въ своихъ ходатайствахъ городъ необыкновенно заискиваетъ и унижается передъ властями. Встрѣчаются въ нихъ такія выраженія, какъ «припавъ къ Вашимъ барскимъ ногамъ умоляемъ», или «Ваши недостойные бѣдные слуги: староста и совѣтъ Ужгорода и вся налогообязанная община».[2])

Не имѣлъ, конечно, городъ и ратуши. Ввиду этого городская управа помѣщалась всегда въ домѣ старосты. При каждой смѣнѣ старо-

[1]) Земскій архивъ и Fincicky. Polgármesteri jelentés 1912. 222.

[2]) Fincicky. Polgármesteri jelentés 1912. 91-93.

сты, которая происходила обыкновенно ежегодно, инвентарь города поштучно передавался новому старостѣ по протоколу. По этимъ протоколамъ, каковыхъ въ старинныхъ книгахъ города уцѣлѣло немало, можно судить о скудности тогдашняго городского инвентаря, состоявшаго всего изъ 15—20 малоцѣнныхъ предметовъ, какъ цѣпей, мѣрильныхъ сосудовъ, веревокъ, топора, колоды, мѣднаго котла и т. п. Архивъ города помѣщался въ сундукѣ (Láda az, melyben az város prothoculomi vadnak) и передавался тоже вмѣстѣ съ печатью города (Város Autenticum Pecséttije) и остальнымъ инвентаремъ. Только въ 1800 году былъ изготовленъ для архива спеціальный дубовый шкафъ, который сохранился до нашихъ дней въ весьма хорошемъ состояніи.

Все это сопряжено было съ большими неудобствами, что въ концѣ концовъ заставила городъ пріобрѣсти ратушу. Это случилось въ 1807 году, когда городъ дня 9-го декабря купилъ за 3.111.— размѣнныхъ флореновъ (váltó frt.) и 10 крейцеровъ «напротивъ строющагося комитатскаго дома (нынѣ пл. Жатковича) для улаживанія общественныхъ дѣлъ и для содержанія таковыхъ въ лучшемъ порядкѣ городской домъ[1]).

Домъ этотъ, однако, впослѣдствіи сгорѣлъ и въ 1840 году былъ отстроенъ наново[2]). Нужно предполагать, что при пожарѣ пропала

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés 1909—53.
[2]) Radványi. Die Archive in der Podkarp. Rus. 97.

Главный фасадъ гор. больницы.

Вторая городская ратуша со двора и чины городской полиціи.

часть городского архива, которому частые переносы съ мѣста на мѣсто и безъ того приносили значительный уронъ.

Этотъ первый городской домъ, который со временемъ оказался тѣснымъ, а кромѣ того, находясь напротивъ комитатскаго дома, имѣлъ еще и то неудобство, что былъ «слишкомъ на виду у начальства», въ 1892 году былъ проданъ. Одновременно съ тѣмъ въ качествѣ ратуши былъ пріобрѣтенъ городомъ у казны на той же площади, только немного дальше (на мѣстѣ нынѣшняго зданія мѣщанской школы), другой домъ, который скоро тоже оказался неподходящимъ, вслѣдствіе чего, какъ уже было сказано, городъ купилъ старое зданіе гимназіи, въ которое городская управа переселилась въ 1900 году и находится въ немъ, несмотря на всѣ неудобства, понынѣ.

Финансовое положеніе города было въ тѣ безотрадныя времена тоже не блестяще. Такъ въ 1820/21 году бюджетъ города (расходная часть) не превышалъ 3.000 флореновъ (2.991·15). Въ послѣдующіе годы, однако, и эта, въ сущности небольшая сумма, значительно понизилась и въ 1840/41 году расходы равнялись только 1,172 флоренамъ[1]). Львиная доля бюджетныхъ средствъ при томъ шла на покрытіе расходовъ по городской администраціи и по содержанію должностныхъ лицъ и служащихъ, вслѣдствіе чего на общественныя нужды мало что оставалось.

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés 1909. 46-52.

Ко времени своего выхода изъ подъ власти лѣсной казны Ужгородъ являлъ собой не особенно привлекательное зрѣлище. Самый извѣстный мадьярскій поэтъ, весьма талантливый и наблюдательный, Александръ Петэфи (Петровичъ), посѣтившій Ужгородъ во время совершеннаго имъ въ 1847 году по сѣверо-востоку Венгріи путешествія, въ своихъ путевыхъ запискахъ, составленныхъ въ формѣ писемъ, высказывается объ Ужгородѣ весьма нелестно. Въ запискѣ отъ 11-го іюля 1847 г. онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Ужгородъ впрочемъ отвратительнѣйшій (szörnyen komisz) городъ. Грязный и неустроенный: Совсѣмъ какъ пьяный человѣкъ, который упалъ въ лужу, а теперь пошатываясь плетется домой». Коротко и убійственно! При лучшей волѣ нельзя упрекнуть казну въ томъ, что она особенно безпокоилась о судьбѣ подвластнаго ей города.

Недаромъ создалась въ тѣ времена про Ужгородъ слѣдующая, весьма язвительная, поговорка: «Ungvarinum nec urbs nec oppidum» т. е. «Ужгородъ — ни городъ, ни мѣстечко».

Это могло быть болѣе обидно, что Ужгородъ тогда уже былъ сравнительно большимъ городомъ, населеніе котораго равнялось 8.015 душамъ, изъ коихъ греко-католиковъ было 2.214, православныхъ 24, римо-католиковъ 2:800, реформатовъ 437, лютеранъ 40 и евреевъ 2.500. Кромѣ того и промышленность успѣла къ тому времени въ достаточной мѣрѣ

развиться. Такъ за время съ 1840 по 1848 гг. построено было нѣсколько фабрикъ, какъ фабрика на сукна, спичечная фабрика, фабрика для очистки каолиновой глины (добывавшейся въ селѣ Дубриничѣ)[1]). Кромѣ нихъ имѣлись уже въ то время валяльня и крупная казенная лѣсопилка. Всѣ эти фабрики и заводы со временемъ къ сожалѣнію закрылись. Сравнительно развито было, должно быть, въ Ужгородѣ и литейное дѣло, о чемъ свидѣтельствуетъ чугунная статуя Геракля въ купальнѣ въ Ужкѣ, отлитая въ 1842 году мастеромъ Кинне въ Ужгородѣ, на пьедесталѣ которой имѣется слѣдующая надпись: «W. Kinne fecit Ungvhár 1842».

ЭПОХА ВОЛЬНАГО РАЗВИТІЯ.

Окончательное освобожденіе изъ подъ помѣщичьей кабалы принесла Ужгороду, однако, только мадьярская революція 1848 года, отмѣнившая крѣпостное право, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и помѣщичью власть (úri törvényhatóság), а также всякіе урбаріальные поборы и повинности, между прочимъ и барщину, называвшуюся по мадьярски «robot» (законъ № IX. 1848 г.), лежавшіе непосильнымъ бременемъ на значительномъ большинствѣ населенія города. Мелкіе поборы (apró dézsma) были еще раньше упразднены постановленія-

[1]) Fényes. Magyarország Földrajzi Szótára.

ми §-а 4-го закона № VII. 1836 года, которымъ были вновь упорядочены повинности крѣпостныхъ. Возмѣщеніе убытковъ понесенныхъ помѣщиками вслѣдствіе упраздненія крѣпостныхъ обязанностей приняло на себя государство закономъ № XII.1848 года. Одновременно съ упраздненіемъ барщины отмѣнена была безъ всякаго вознагражденія взимавшаяся въ пользу духовенства такъ наз. «поповская десятина» (rapi tized — законъ № XIII. 1848 года). Отмѣной крѣпостного права была разрѣшена, однако, только правовая сторона взаимоотношеній между помѣщикомъ и его бывшими подданными, ставшими такимъ образомъ съ нимъ въ этомъ отношеніи равноправными; необходимо было поэтому одновременно разрѣшить также имущественную сторону дѣла. Согласно крѣпостному праву земля и прочія недвижимости принадлежали по праву собственности помѣщику-барину, и поэтому осѣвшіе на нихъ крѣпостные за пользованіе ими обязаны были барину на основѣ соотвѣтствующихъ законоположеній поборами и службами, и въ случаѣ неисправнаго исполненія таковыхъ, могли быть лишены помѣщикомъ насиженныхъ ими земель или усадебъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, также содержащееся въ городскомъ протоколѣ слѣдующее лаконическое объявленіе отъ 3 апрѣля 1816 года, которое въ русскомъ переводѣ гласитъ: «№ 62. Доводится Панствомъ до всеобщаго свѣдѣнія, что кто въ

теченіе 5-ти дней не внесетъ побора (десятины) потеряетъ землю и больше никогда ея не получитъ».

Такое имущественно-правовое положеніе было оставлено въ силѣ также закономъ № VII. 1836 года. изданнымъ, можно сказать, наканунѣ отмѣны крѣпостного права. Въ то же время уже цѣлый рядъ законовъ предусматривалъ выдѣленіе крѣпостныхъ надѣловъ изъ помѣщичьихъ владѣній, ставя, однако, такой выдѣлъ въ зависимость отъ воли самого помѣщика или же большинства тягловыхъ крестьянъ. Такъ напримѣръ закономъ № VI. 1836 года (§ 3) былъ предусмотрѣнъ выдѣлъ пастбищъ крестьянскихъ, а также церковно-приходскихъ. При томъ для пользованія духовныхъ лицъ постановлено было прирѣзать площадь, соотвѣтствующую одному полному крестьянскому надѣлу, максимумъ котораго равнялся, въ зависимости отъ мѣстности, 22-мъ. а минимумъ 4-мъ мадьярскимъ моргамъ по 1.200 кв. саженей: для учителей-псаломщиковъ (дьяковъ) же было положено выдѣлить только половинную долю. Малоимущіе и малоземельные или безземельные крѣпостные назывались жидлярами (zsellér — lat. inquilinus) и составляли среди тягловыхъ крестьянъ какъ бы особое подсословіе. На восемь такихъ жидлярей приходился одинъ полный надѣлъ пастбища.

Тѣмъ же закономъ (§ 4) было закрѣплено за крестьянами и общинными служителями

право получать изъ помѣщичьяго лѣса и въ дальнѣйшемъ безплатно дрова и строительное дерево (tűzi faizás és épületi faizás) съ той, однако, оговоркой, что таковое право принадлежало имъ и раньше на основаніи прежней практики или урбаріевъ, или же послѣдовавшихъ урбаріальныхъ упорядоченій (úrbéri rendbeszedés), подъ которыми именно и слѣдуетъ подразумѣвать выдѣленіе крестьянскихъ угодій изъ помѣщичьихъ владѣній.

Закономъ № V съ 1836 года былъ установленъ размѣръ тягловыхъ надѣловъ и принадлежащихъ къ нимъ луговъ и пастбищъ, что и должно было послужить впослѣдствіи мѣриломъ при отдѣленіи крестьянскихъ угодій отъ помщичьихъ владѣній, каковое отдѣленіе согласно закону № X. съ 1836 года и послѣдующихъ законовъ происходило путемъ особыхъ такъ наз. урбаріальныхъ процессовъ (úrbéri rendbeszedési per, elkülönözési per).

Закономъ № X. съ 1848 года предусмотрена была прирѣзка лѣсныхъ угодій бывшимъ тягловымъ крестьянамъ, если таковыс дотолѣ въ силу дѣйствовавшихъ законовъ пользовались для своихъ нуждъ помѣщичьимъ лѣсомъ.

Выдѣленіе крестьянскаго имущества изъ общаго комплекса помѣщичьихъ владѣній производилось путемъ размежеванія (comassatio), проводимаго на основаніи геометрическихъ плановъ, изготовлявшихся спеціально для этой цѣли.

Въ Ужгородѣ размежовка производилась въ 1863 году — судя по фамиліямъ — чешскими инженерами. Основной текстъ изготовленныхъ ими такъ называемыхъ катастральныхъ картъ былъ мадьярскій, но часть топографическихъ названій была на нихъ отмѣчена и по русски. Интересно отмѣтить, что въ то время подавляющее большинство селъ на территоріи Подкарпатской Руси потребовало изготовленія картъ съ русскимъ литературнымъ текстомъ.

Согласно поземельной книгѣ, составленной въ 1865 году на основаніи новоизготовленныхъ картъ, площадь города равнялась 5076 моргамъ и 72 саженямъ. Изъ этого общаго количества принадлежало:

	Морговъ	Саж.
1. казнѣ — — — —	3023	475
2. жителямъ города, включая сюда и ничтожное общинное имущество — — —	1313	181
3. швабамъ (20 осѣдлостей) —	318	181
4. римско-католическому приходу	49	109
5. уніатскому приходу — —	46	148
6. общественная площадь и русло рѣки (принадлежавшія собственно тоже казнѣ) равнялись	315	97

Вышеуказанныя данныя свидѣтельствуютъ, что изъ общей территоріи города двѣ трети принадлежали помѣщицѣ — казнѣ и только одна треть горожанамъ, изъ коей, однако, од-

на пятая принадлежала швабской общинѣ, состоявшей всего изъ 20-ти осѣдлостей[1]).

Эти безотрадныя имущественныя соотношенія немного измѣнились въ пользу населенія только послѣ выдѣла имущества крѣпостного населенія изъ владѣній помѣщицы — казны. Этотъ выдѣлъ состоялся на основаніи такъ наз. «урбаріальнаго соглашенія» (úrbéri egyezség), которымъ былъ законченъ урбаріальный споръ (úrbéri per), возбужденный въ свое время въ силу приведенныхъ законовъ передъ ужгородскимъ жупнымъ судомъ (ungmegyei törvényszék). Соглашеніе было заключено въ Ужгородѣ дня 2 апрѣля 1868 года между уполномоченнымъ министерства финансовъ, какъ представителемъ помѣщицы — казны. старостой, какъ представителемъ города и уполномоченнымъ урбарійцевъ, т. е. бывшихъ крѣпостныхъ. Обѣ — точнѣе всѣ три — договаривающіяся стороны въ 1-й главѣ соглашенія взаимно отказались разъ на всегда отъ какихъ бы то ни было претензій, могущихъ возникнуть между ними изъ прежнихъ урбаріальныхъ (т. е. крѣпостныхъ) правовыхъ соотношеній.

Урбаріальное соглашеніе даетъ наглядную картину о нищенскомъ состояніи значительнаго большинство населенія. Изъ него мы узнаемъ, что въ то время въ Ужгородѣ имѣлось 705 жидлярей (безземельныхъ крѣпостныхъ — urbéri zsellérek), которые кромѣ усадебнаго

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés. 1912. 99—100.

участка (zsellér fundus), за который помѣщицѣ — казнѣ обязаны были ежегодно платить въ видѣ откупа отъ барщины (kézimunka váltság),[1] составлявшей 12—18 рабочихъ дней въ годъ) по 4 гульдена, не имѣли ни одной пяди земли (egy talpalatnyi földdel sem birtak).

Обнищаніе населенія наступило вскорѣ послѣ перехода Ужгорода въ руки казны. Въ соглашеніи указано, что согласно урбаріальному списку, составленному въ силу урбаріальнаго устава, изданнаго дня 10 іюля 1765 года императрицей Маріей Терезіей, было въ Ужгородѣ всего 200 съ лишнимъ жидлярей. Если принять во вниманіе разсмотрѣнные нами уже раньше списки съ 1684—85 и 1690—91 годовъ, то станетъ ясно, что въ концѣ XVII вѣка въ Ужгородѣ не только не было ни одного жидляра, но наоборотъ было приблизительно столько же тягловыхъ крестьянъ, имѣвшихъ въ среднемъ четвертные крѣпостные надѣлы. Для полноты картины укажемъ на то, что напримѣръ согласно закона № V 1836 полный крѣпостной надѣлъ въ Ужанскомъ комитатѣ состоялъ изъ усадебнаго участка въ 1 моргъ, далѣе изъ 20—26 (смотря по качеству) пахотной земли и 8—12 морговъ луга. — въ то время какъ согласно §-у 8-му того же закона величина усадебнаго участка жидляра опредѣлялась только въ 150 кв. саженей безъ какихъ бы то ни было дальнѣйших земельныхъ угодій.

[1]) Законъ № VI/1836 Corpus iuris Hung.

Такъ какъ подобное обнищаніе естественнымъ путемъ въ столь короткій срокъ не могло произойти, то другого объясненія для сего весьма печальнаго явленія нельзя подыскать, какъ только то, что казна злоупотребила своей помѣщичьей властью, покрываемая, а можетъ быть и поощряемая свыше, просто умышленно и злонамѣренно и подъ разными предлогами поотнимала у подвластнаго ей безправнаго и предоставленнаго ей на милость и немилость населенія его законное имущество, что подтверждаетъ только все по сему вопросу нами уже раньше изложенное.

Согласно вѣдомости находящейся въ земскомъ архивѣ, въ 1689 году въ Ужгородѣ имѣлось 11.017 жителей и 1028 домовъ. Слѣдовательно въ Ужгородѣ и въ то время еще жидлярскіе домишки въ значительной мѣрѣ превышали число отдѣльныхъ домовъ, что не могло придавать Ужгороду слишкомъ привлекательнаго вида, особенно если принять во вниманіе, что сіи по бѣдности владѣльцевъ обыкновенно были крыты соломой.

Урбаріальное соглашеніе немного улучшило имущественное состояніе населенія, а также и города, какъ общины, хотя въ конечномъ итогѣ это была весьма невыгодная сдѣлка, не смотря на то, что при ея заключеніи казна, какъ бывшая помѣщица, выставляетъ себя въ видѣ благодѣтельницы, которая по своему великодушію бывшимъ своимъ подданнымъ

уступаетъ изъ своего имущества больше, чѣмъ они могли отъ нея по закону требовать.

Это мнимое великодушіе казны особо подчеркнуто въ главѣ XVIII-ой соглашенія и подкрѣпляется ссылкой на императорскій патентъ (указъ) отъ 2 марта 1853, согласно которому бывшій помѣщикъ обязанъ прирѣзать пастбище только къ тѣмъ тягловымъ надѣламъ, которые указаны въ урбаріумѣ Маріи Терезіи, а таковыхъ въ Ужгородѣ было 200 съ лишнимъ. Эта ссылка ввиду того, что мадьяры за царскими указами обыкновенно не признавали законной силы, тѣмъ болѣе неумѣстна, что какъ предшествовавшіе такъ и послѣдующіе законы, изданные мадьярскимъ сеймомъ, подобныхъ ограниченій не знали. Такъ закономъ № VI. 1836 года минимальный размѣръ пастбища, приходившагося на одинъ полный тягловой надѣлъ опредѣлялся въ 4 морга, а максимальный въ 22 морга по 1200 кв. саженей (мадьярскій моргъ — половина русской десятины), причемъ 8 жидлярскихъ осѣдлостей равнялось въ этомъ отношеніи одному полному тягловому надѣлу. Согласно же урбаріальному соглашенію каждому жидляру было выдано по 900 кв. саженей (3/4 морга) пастбища, слѣдовательно на 8 жидлярей припало 6 морговъ, что едва превышало закономъ установленную минимальную норму. Такимъ образомъ о какой либо особой пріязни или барскомъ великодушіи казны къ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ подданнымъ говорить не приходится... Но даже

за это мнимое и весьма сомнительное великодушіе казны прилось населенію сравнительно дорого заплатить, ибо оно взамѣнъ за земли, полученныя якобы по великодушію бывшей помѣщицы, отказалось отъ своихъ притязаній на лѣсныя угодья.

Кромѣ жидлярей, коимъ по вышеуказанному ключу выдано было всего 528 $^{6}/_{8}$ мадьяр. морга, приходамъ римско-католическому, уніатскому, православному и реформатскому прирѣзано было для священниковъ по 6 морговъ мадьярскихъ, а для церковнаго учителя или псаломщика по 3, всего 36 морговъ мадьярскихъ, а также для городского нотаріуса 3 морга. Такимъ образомъ изъ владѣній казны выдѣлено было всего 567 $^{6}/_{8}$ морга пастбища.

Городу изъ этого дѣлежа досталось еще меньше. Ему былъ выдѣленъ между прочимъ лугъ въ 23 морга, которымъ впрочемъ, согласно гл. V, соглашенія городъ пользовался и дотолѣ. Часть луга была прирѣзана по обѣимъ сторонамъ Доманинской дороги, а часть (около 10 съ пол. морга) на краю города, возлѣ Капушанской дороги, которая, однако, до 1892 года оставалась во владѣніи казны и только по настоятельному требованію города была на основаніи рѣшенія министерства финансовъ за № 40.998 1892 передана въ собственность города, послѣ чего на площади этой до недавняго времени производи-

лись торги домашняго скота[1]). Кромѣ того для общиннаго питомника городъ получилъ 1 мадьяр. моргъ, далѣе по правой сторонѣ Капушанской улицы мѣсто для выдѣлки кирпичей а въ Урочище «Кадубецъ» у цыганскаго табора, мѣсто (глиновальню) для выдѣлки вальковъ (сырцовъ-кизяковъ), а также 2 мадьярск. морга въ концѣ «Мочаранской» улицы (нынѣ ул. Берчени) для кладбища. За городомъ было признано также право добывать изъ русла рѣки песокъ, щебень и булыжникъ, ввиду чего русло и необрабатываемые берега рѣки были въ этомъ отношеніи признаны общей собственностью города и казны.

Совладѣніе это, однако, послужило источникомъ многочисленныхъ недоразумѣній, вслѣдствіе чего, послѣ продолжительныхъ треній и судебныхъ споровъ, въ 1912 году между городомъ и казной состоялось соглашеніе, въ силу котораго городъ получилъ исключительное право на добываніе песка и щебня между желѣзнодорожнымъ мостомъ и ярмарочной площадью. Право это, однако, вслѣдствіе проведенной впослѣдствіи регуляціи рѣки стало призрачнымъ.

Относительно корчмъ было оставлено въ силѣ рѣшеніе Мадьярск. королевскаго намѣстничества отъ 22. VII. 1845 № 25692, по которому на каждыхъ три казенныхъ, точнѣе помѣщичьихъ, корчмы приходилось двѣ го-

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés. 1906. 242.

родскихъ. Это право, однако, послѣдующими законами было отмѣнено.

Городскія публичныя площади (városi közterek), были въ гл. XV. соглашенія признаны безусловной собственностью общины (т. е. города), но съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что таковыя безъ разрѣшенія казны не могутъ быть застроены, и что ярмарочное право, на взиманіе рыночнаго сбора, или пошлины, осталось за казной, которой для этой цѣли и въ дальнѣйшемъ предоставлялись городскія площади безплатно.

Ярмарочное право (jus mendinale) городъ пріобрѣлъ у казны, которой оно принадлежало по праву помѣщицы, путемъ обмѣна. Дня 27 сентября 1869 года былъ въ Ужгородѣ заключенъ договоръ, въ силу котораго городъ Ужгородъ, взамѣнъ за уступленное ему ярмарочное право и связанное съ нимъ право на взиманіе рыночнаго сбора, на вѣчныя времена освободилъ казну отъ общинныхъ прямыхъ и добавочныхъ налоговъ, а также принялъ на себя обязательство чистить и убирать улицы, рынки и торговыя площади города, каковое обязательство дотолѣ лежало на казнѣ.

Какъ «презентъ» за уступчивость, проявленную имъ при заключеніи соглашенія, получилъ городъ — для постройки на его участкѣ городской ратуши — обветшалое зданіе «Бѣлый корабль», получившее свое названіе пови-

димому отъ помѣщавшейся въ немъ одноименной корчмы.

Населеніе города не было, повидимому, довольно результатами соглашенія, такъ как еще въ томъ же году было городской думой подано отъ имени урбаріальныхъ жидлярей на имя монарха прошеніе о повышеніи прирѣзки для каждаго жидляра съ $^3/_4$ морга на цѣлый моргъ. Ходатайство это было удовлетворено, но съ той разицей, что дополученные такимъ образомъ 176 морговъ были предоставлены самому городу, а не отдѣльнымъ жидлярамъ. Городская Дума, однако, рѣшила предложить имъ недостающую четверть морга купить у города по 25 флореновъ и на вырученныя такимъ образомъ деньги построить на мѣстѣ «Бѣлаго корабля» новую городскую управу. — Для этой цѣли былъ даже созданъ особый фондъ, пополнявшійся вырученными отъ продажи участковъ деньгами.

Плану этому, однако, не было суждено осуществиться, такъ какъ долги за проданные участки взыскивались весьма небрежно, цѣлыми десятилѣтіями, а вырученныя съ теченіемъ времени суммы, были въ случаѣ надобности использованы для покрытія бюджетныхъ дефицитовъ, вслѣдствіе чего фондъ, наличность котораго между тѣмъ постепенно таяла, окончательно прекратился[1]).

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés. 1906. 145-146.

Послѣ отмѣны крѣпостного права еще продолжали существовать нѣкоторые пережитки феодализма, какъ монопольное право помѣщика на мясныя лавки, далѣе право взимать аренду съ лавокъ, находящихся на урбаріальных участкахъ и другія привилегіи. Всѣ они были отмѣнены закономъ №LIII. 1871, которымъ, между прочимъ, минимальный размѣръ лѣсной прирѣзки, полагающейся бывшимъ крѣпостнымъ изъ помѣщичьяго лѣса, былъ установленъ по два морга на одинъ полный тягловый надѣлъ. Къ сожалѣнію урбаріальное соглашеніе въ Ужгородѣ состоялось еще до изданія этого закона, поэтому предоставляемыя имъ выгоды не могли быть населеніемъ Ужгорода использованы. Въ урбаріальное соглашеніе не входили, однако, погреба, гумна, виноградники, сады и огороды. Согласно главѣ XIII. таковые подлежали выкупу за цѣну, установленную судебнымъ порядкомъ. Надлежащій споръ былъ возбужденъ казной только въ 1889 году передъ областнымъ судомъ въ Береговѣ, который своимъ рѣшеніемъ за № 3685/1893 установилъ окончательный размѣръ выкупа, подлежащаго уплатѣ вмѣстѣ съ процентами за 3—4 десятка лѣтъ.

Этимъ законченъ былъ дѣлежъ имущества между помѣщицей-казной и ея бывшими подданными, ставшими послѣ того полноправными собственниками выдѣленнаго имъ имущества.

Константинъ Матезонскій.
(Ориг. во владѣніи «Гармоніи»)

Монастырь чина Св. Василія и бывшая православная церковь.

Послѣ проведенія урбаріальнаго соглашенія помѣщичьи владѣнія стали замѣтно убывать. Потерявъ вслѣдствіе отмѣны крѣпостного права, а съ нимъ и барщины (robot) значительную часть своихъ доходовъ и даровую рабочую силу, казна поспѣшила сбыть часть ставшаго для нея, повидимому, убыточнымъ, имущества.

Свыше 600 катастральныхъ морговъ пахотной земли купилъ у нея городъ, который въ свою очередь большую часть купленныхъ имъ земель перепродалъ съ приличнымъ барышомъ горожанамъ. Отъ этой продажи городъ выручилъ столько, что смогъ уплатить казнѣ полностью всю покупную цѣну, а сверхъ того еще около 200 морговъ пахотной земли и луга (нынѣ общинное пастбище и аэродромъ) осталось ему, можно сказать, даромъ.

Изъ этого комплекса 34½ морга городъ въ 1902 году уступилъ обратно казнѣ въ обмѣнъ за нынѣшній городской паркъ Въ 1892 году городъ купилъ у казны на такъ наз. «Вербникѣ» (Füzes) около 30 морговъ земли за 7800 флореновъ, часть которой (20.490 кв. саженей) потомъ перепродалъ за 15.506.25 флореновъ и еще осталось ему сверхъ барыша около 17 морговъ земли.

Интравилановъ (усадебныхъ участковъ) продала казна 13, изъ коихъ 2, а именно старыя казармы и постоялый дворъ «Черный Орелъ», находившійся посерединѣ «Орлиной» площади (нынѣ пл. Масарика) купилъ го-

родъ. Упомянутый постоялый дворъ, ввиду его обветшалости (строился въ 1780 г.) былъ въ 1905 году снесенъ. Кромѣ того на улицѣ «Великой» (Nagy ucca) былъ казной пожертвованъ участокъ греко-католической дѣвичьей школѣ, а на улицѣ Капитульной, другой участокъ для бурсы.

Наканунѣ Великой войны, въ 1912 году у казны оставалось еще 990 морговъ и 1408 кв. саженей, изъ коихъ 506 морговъ и 1240 кв. саженей приходилось на лѣсъ. Въ то же время у населенія, а частично у города, имѣлось уже 4085 морговъ и 264 кв. саженей, что составляло $^4/_5$ всей территоріи города, равняющейся 5076 моргамъ и 72-мъ кв. саженямъ[1]). Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ имущественномъ отношеніи произошелъ значительый сдвигъ въ пользу населенія, которое благодаря этому въ матеріальномъ отношеніи значительно окрѣпло, что весьма благопріятно отразилось на дальнѣйшемъ развитіи города.

Изъ пережитковъ феодализма дольше всего держалось мыто (hidvám), взимавшееся казной съ иногородцевъ (ужгородцы были согласно гл. XI. урбаріальнаго соглашенія отъ мыта освобождены) на мосту по «дворянскому праву» (nemesi jogon), хотя дворянскія привилегіи уже давно — нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ — были отмѣнены. Это «дворянское право» казны было, по настоя-

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés. 1912. 99—104.

тельному требованію города, отмѣнено только дня 30 сентября 1909 года, распоряженіемъ министерства финансовъ за № 102287 отъ 30 сентября 1907 г.[1]).

Угрію населяли, кромѣ мадьяръ, русскіе, называвшіеся угророссами, словаки, поляки, сербо-хорваты, словинцы, румыны, нѣмцы и евреи.

Языкомъ общенія между этими разношерстными племенами и расами первоначально служилъ языкъ латинскій, являвшійся въ теченіе добрыхъ девяти столѣтій оффиціальнымъ языкомъ мадьярскаго государства, въ которомъ поэтому и не было національной розни въ современномъ смыслѣ слова. Это мирное сожительство населявшихъ Угрію народовъ было вдругъ нарушено пробудившимся въ концѣ XVIII столѣтія мадьярскимъ національнымъ шовинизмомъ, преслѣдовавшимъ не только одну цѣль — замѣнить оффиціальный языкъ латинскій мадьярскимъ, но стремившимся также проглотить въ конечномъ итогѣ всѣ остальныя народности посредствомъ постепенной ихъ денаціонализаціи.

Первымъ признакомъ пробужденія мадьярскаго національнаго самосознанія былъ законъ № 16 съ 1791 года, которымъ мадьярскій языкъ вводился въ среднія и высшія учебныя заведенія, какъ предметъ чрезвычайный. Годъ спустя, въ силу закона № 7 отъ

[1]) Fincicky. Polgármesteri jelentés. 1912. 513—156.

1792 года, мадьярскій языкъ становится на территоріи Угріи (кромѣ Хорватіи и Семиградіи) уже предметомъ обязательнымъ. Этимъ же закономъ, вскорѣ послѣ выпуска изъ школъ соотвѣтствующихъ кадровъ, было предписано требовать отъ новопринимаемыхъ чиновниковъ знаніе мадьярскаго языка.

Въ качествѣ слѣдующаго этапа въ намѣченномъ пути, въ 1805 году былъ изданъ сеймомъ законъ № V, въ силу котораго мадьярскій языкъ возводился въ степень вспомогательнаго оффиціальнаго языка, на которомъ вѣдомства могли сноситься съ мадьярскимъ королевскимъ намѣстничествомъ наравнѣ съ языкомъ латинскимъ. Закономъ № III. отъ 1836 года мадьярскій текстъ законовъ былъ объявленъ автентичнымъ и получилъ такимъ образомъ первенство надъ языкомъ латинскимъ, который потомъ закономъ № VI. 1840 года былъ совсѣмъ отмѣненъ въ качествѣ оффиціальнаго языка и уступилъ мѣсто всецѣло языку мадьярскому, ставшему такимъ образомъ единственнымъ для всѣхъ вѣдомствъ, отчасти и для церковныхъ, обязательнымъ оффиціальнымъ языкомъ. Въ довершеніе всего закономъ № II. отъ 1844 года мадьярскій языкъ былъ объявленъ преподавательнымъ языкомъ во всѣхъ школахъ Угріи. О какихъ либо правахъ остальныхъ народностей, составлявшихъ добрую половину населенія, не было сказано въ приведенныхъ за-

конахъ ни слова. Эти народности были поставлены какъ бы внѣ закона.

Мадьярская національная агрессивность встревожила отдѣльныя народности Угріи и вызвала у нихъ сильнѣйшую реакцію, проявившуюся впослѣдствіи даже въ видѣ вооруженнаго сопротивленія. Подъ напоромъ мадьярской нетерпимости поневолѣ пробудилось дремавшее дотолѣ самосознаніе меньшинственныхъ народовъ, что и дало толчекъ къ національному ихъ возрожденію.

Возрожденческое движеніе охватило также карпаторусскій народъ, который, впрочемъ, всегда сознавалъ свое племенное и культурное единство съ остальнымъ русскимъ міромъ. Главнымъ очагомъ этого движенія сталъ Ужгородъ, который въ качествѣ столицы нераздѣльной тогда еще Мукачевской епархіи (Пряшевская епархія была выдѣлена изъ нея только въ 1818 г.), былъ въ то время уже первымъ національно-культурнымъ центромъ всего карпаторусскаго народа, у котораго, кромѣ церковныхъ, другихъ національныхъ институцій, собственно, и не было. Въ то время церковь была, можно сказать, единственной носительницей русскости, съ которой она ввиду славянскаго богослужебнаго языка и восточно-церковнаго обряда, неразрывно была связана.

Въ дѣлѣ возрожденія карпаторусскаго народа важнѣйшую роль сыграла ужгородская богословская семинарія, являющаяся до сихъ

поръ единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ на Подкарпатской Руси. Она дала карпаторусскому народу, много образованныхъ и самоотверженныхъ культурныхъ работниковъ и безстрашныхъ борцовъ за его права и лучшую долю.

Въ 1833 году появился въ Ужгородѣ таинственный россіянинъ, личность котораго до сихъ поръ такъ и не была установлена. Звали его Константиномъ Матезонскимъ, но врядъ ли это была его настоящая фамилія. Онъ явился къ тогдашнему епископскому викарію Чурговичу и предложилъ ему, что онъ можетъ создать церковный хоръ, который будетъ пѣть въ четыре голоса. Предложеніе это было встрѣчено съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ. Одинъ изъ канониковъ, какъ говорятъ, даже предложилъ ему, чтобы для пущей убѣдительности онъ самъ бы спѣлъ въ четыре голоса. Это, на первый взглядъ кажущееся дикимъ, предложеніе будетъ современному человѣку хотя бы отчасти понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ тѣ времена не только въ Ужгородѣ, но и во всей Австро-Венгріи не знали хорового пѣнія. Люди пѣли просто въ одинъ голосъ (такъ поетъ простонародье инородцевъ до сихъ поръ) стараясь при томъ перекричать другъ друга. Неудивительно поэтому, что при такихъ обстоятельствахъ Матезонскому стоило не мало труда убѣдить достопочтенныхъ духовныхъ отцовъ въ серьезности своего предложенія, которое въ концѣ

концовъ, послѣ большихъ колебаній, всетаки было принято и онъ былъ назначенъ дирижеромъ будущаго четырехголоснаго кафедральнаго хора. Ему была предоставлена квартира со столомъ при церковной семинаріи въ замкѣ и назначенъ окладъ жалованія въ 300 флореновъ въ годъ.

Матезонскій оказался въ высшей степени талантливымъ дирижеромъ. Онъ въ короткое время создалъ, главнымъ образомъ изъ богослововъ и гимназистовъ, прекрасный хоръ, который назвалъ «Гармоніей». Хоръ этотъ кромѣ своего высоко-художественнаго уровня, славился еще и тѣмъ, что это былъ первый многоголосный хоръ въ Австро-Венгріи. Изъ Ужгорода многоголосное хоровое пѣніе было учениками Матезонскаго со временемъ перенесено въ Пряшевъ и Мукачево, а впослѣдствіи въ Будапештъ и Вѣну, откуда потомъ распространилось по всей Австро-Венгріи.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, дѣятельность Матезонскаго оказалась въ области развитія вокальнаго искусства эпохальной не только для карпаторусскаго народа, и въ частности для Ужгорода, но и для всей бывшей Австро-Венгріи.

Въ теченіи 25-ти лѣтъ состоялъ Матезонскій регентомъ ужгородской «Гармоніи». Его дѣятельность не ограничивалась все же одной только областью вокальнаго искусства. Живя въ замкѣ, онъ находился въ постоянномъ об-

щеніи съ богословами, для которыхъ онъ былъ живымъ источникомъ не только русскаго вокальнаго искусства, но и русской культуры и русскаго языка вообще. Онъ въ теченіе своей двадцатипятилѣтней дѣятельности привилъ многимъ поколѣніямъ карпаторусскихъ богослововъ любовь ко всему русскому и возбудилъ въ нихъ не только національное самосознаніе, но и національную гордость. Онъ былъ не только высокообразованнымъ и талантливымъ человѣкомъ, но обладалъ и необыкновеннымъ личнымъ обаяніемъ, которое сразу обвораживало каждаго, кто съ нимъ соприкасался. Умеръ онъ въ замкѣ дня 28 декабря 1858 года, оставивъ послѣ себя наилучшую память. За нимъ до сихъ поръ сохранилась ласкательная кличка «Батько Матезонскій».

Похороненъ Матезонскій на епархіальномъ кладбищѣ въ Ужгородѣ, гдѣ въ 1881-мъ году 23-го апрѣля въ Страстную субботу — ночью — былъ ему поставленъ его поклонниками надгробный крестъ-памятникъ. — Памятникъ этотъ былъ изготовленъ въ с. Кушницѣ и привезенъ въ Ужгородъ бывшимъ ученикомъ Матезонскаго, Гавріиломъ Мустяновичемъ, тогдашнимъ кушницкимъ священникомъ, тайкомъ на подводѣ, такъ какъ высказывать открыто симпатіи къ русскимъ было въ то время дѣломъ слишкомъ ужъ рискованнымъ.

Въ ужгородской гимназіи, гдѣ языкомъ

преподаванія являлся языкъ латинскій, кафедра мадьярскаго языка была учреждена въ 1791-мъ году, по всей вѣроятности въ силу приведеннаго выше закона № 16 съ 1791 г. Въ 1844 году въ силу закона № 2 того же 1844 года (§ 9) былъ латинскій преподавательный языкъ и въ ужгородской гимназіи замѣненъ языкомъ мадьярскимъ. Даже преподаваніе Закона Божія для учениковъ грекокатолическаго вѣроисповѣданія, которое въ трехъ низшихъ классахъ гимназіи велось дотолѣ по русски, было приказано вести на мадьярскомъ языкѣ, при чемъ только въ видѣ исключенія допускались поясненія и на русскомъ языкѣ[1]).

Противъ мадьярской національной агрессіи первыми поднялись съ оружіем въ рукахъ хорваты и сербы, къ которымъ потомъ присоединились и другіе немадьярскіе народы, главнымъ образомъ румыны и словаки. Вѣнскій дворъ принялъ сторону всѣхъ этихъ народностей, такъ какъ у мадьяръ обнаруживалась тенденція отторгнуться отъ Австріи и образовать самостоятельное государство. Однако, мадьяры, предводительствуемые крайнимъ радикаломъ и національстомъ, адвокатомъ Людовикомъ Кошутомъ, не пошли на уступки и подняли возстаніе, вылившееся въ настоящую войну. Въ этой войнѣ, по простонародному называемой «кошутовой», мадьяры, въ рядахъ которыхъ сражалось множество польскихъ добровольцевъ, между ни-

ми нѣсколько бѣжавшихъ изъ Царства Польскаго выдающихся генераловъ, одержали надъ императорскими войсками рѣшительный верхъ. Подъ впечатлѣніемъ военныхъ успѣховъ, мадьярскій сеймъ въ Дебрецинѣ дня 14 апрѣля 1849 года низложилъ Габсбурговъ съ мадьярскаго престола и правителемъ самостоятельной Угріи избралъ Людовика Кошута. Тогда молодой императоръ Францъ Іосифъ, потерявъ всякую надежду собственными силами справиться съ мятежными мадьярами, обратился къ русскому царю Николаю I-му, ссылаясь на дѣйствовавшій между обоими государствами такъ наз. «священный союзъ», съ просьбой о помощи.

Въ отвѣтъ на эту просьбу, русскій царь въ исполненіе своихъ союзническихъ обязанностей, въ началѣ лѣта 1849 г. двинулъ свои войска подъ начальствомъ генерала Паскевича черезъ Карпаты въ Угрію. Русскія войска, можно сказать, съ молніеносной быстротой подавили возстаніе. Дня 13 августа 1849 года подъ Вилагошемъ сдались русскимъ послѣдніе остатки мадьярскаго войска. Русскія войска были встрѣчены славянскимъ населеніемъ Угріи съ большимъ воодушевленіемъ и восторгомъ. Многіе солдаты были поэтому даже убѣждены, что они находятся все еще въ Россіи и все спрашивали, гдѣ же будетъ, наконецъ, земля непріятельская, мадьярская[1]).

Въ Ужгородѣ русскія войска побывали

[1]) Карпаторусскій сборникъ 1931 - 216.-

1-го сентября 1849 года, когда возстаніе уже было подавлено. Съ ихъ пребываніемъ въ Ужгородѣ связано уничтоженіе (посредствомъ сожженія) кошутовскихъ банкнотовъ, т. е. бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ мадьярскимъ революціоннымъ правительствомъ безъ надлежащаго золотого покрытія[1]).

Русскій походъ сильно поднялъ національное самосознаніе австрійскихъ славянъ, особенно карпатороссовъ. Это былъ, собственно, единственный положительный результатъ этого, съ военной точки зрѣнія блестящаго похода, кромѣ смертельной ненависти мадьяръ и вѣроломной измѣны Австріи, ничего не давшаго Россіи.

Въ русской интервенціи видную роль сыгралъ выдющійся карпаторусскій политикъ и общественный дѣятель Адольфъ Ив. Добрянскій, состоявшій уполномоченнымъ австрійскаго императора при штабѣ русскаго главнокомандующаго. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ капитуляція мадьярскаго войска подъ Вилагошемъ дня 13. VIII. 1849 года произошла при его посредничествѣ, чего ему впослѣдствіи мадьяры не могли простить.

Еще въ разгарѣ мадьярскаго возстанія была издана императорскимъ указомъ для Угріи новая, такъ наз. «мартовская конституція». Согласно этой конституціи Угрія (безъ Семиградіи и Хорвато-Славоніи) была раздѣлена на пять областей или округовъ. Одной изъ этихъ

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1909-299.

областей была область Кошицкая, къ которой принадлежала также нынѣшняя Подкарпатская Русь. Оффиціальнымъ языкомъ и языкомъ обученія въ Кошицкой области былъ установленъ языкъ русскій. Къ сожалѣнію «мартовская конституція» въ 1851 году была уже отмѣнена, а въ вѣдомствахъ и школахъ въ качествѣ оффиціальнаго языка былъ введенъ языкъ нѣмецкій[1]).

Послѣ подавленія мадьярскаго возстанія наступилъ такъ наз. абсолютистическій режимъ, который несмотря на всеобщую тенденцію германизаціи, весьма благопріятствовалъ національному возрожденію отдѣльныхъ народностей Угріи, лишенныхъ во время прежняго мадьярскаго «конституціоннаго» режима элементарныхъ меньшинственныхъ правъ. Вѣнскій дворъ руководился при этомъ не какимъ либо особымъ чувствомъ благодарности, которое онъ долженъ былъ бы питать къ оставшимся ему вѣрными немадьярскимъ народностямъ, если бы ему таковое чувство не было чуждо вообще, а простымъ политическимъ разсчетомъ, желая такимъ образомъ противодѣйствовать національной экспансіи мятежныхъ мадьяръ. Въ теченіе сравнительно короткаго періода абсолютизма и опалы мадьярской національности карпаторусскій народъ проявилъ подъ предводительствомъ Адольфа Ив. Добрянскаго большую активность. Появилась сразу цѣлая плеяда талантливыхъ писа-

[1]) Macůrek - Dějiny maďarů 249 - 250

телей и самоотверженныхъ тружениковъ, задавшихся цѣлью вырвать карпаторусскій народъ изъ вѣковаго національнаго униженія и соціальнаго угнетенія.

Возродившійся карпаторусскій народъ сталъ предъявлять свои права во всѣхъ областяхъ государственно- общественной жизни, въ первую же очередь въ области народнаго просвѣщенія.

Съ наступленіемъ новаго режима въ ужгородской гимназіи началась борьба изъ-за русскаго языка, который былъ введенъ въ силу «мартовской» конституціи въ трехъ низшихъ классахъ (въ то время гимназія была 6-ти классная), въ остальныхъ же какъ обязательный предметъ. Это произошло безъ особаго затрудненія, такъ какъ и директоръ гимназіи, Иванъ Чурговичъ (1825—1856) и большинство преподавателей были по національности русскіе. Одновременно съ этимъ прекратилось также и совмѣстное обученіе Закону Божію русскихъ съ католиками, чѣмъ и былъ положенъ конецъ латинизаціи русской молодежи.

Противъ новаго порядка вещей возстала мѣстная мадьярская общественность во главѣ съ тогдашнимъ ксендзомъ, требуя устраненія русскаго языка изъ гимназіи. Благодаря этимъ происками обученіе на русскомъ языкѣ постепенно прекращалось, пока съ 1856—57 учебнаго года русскій преподавательный языкъ не былъ замѣненъ нѣмецкимъ, при чемъ мадьярскій языкъ примѣнялся въ качествѣ вспо-

могательнаго. Послѣ того русскій языкъ оставался только въ качествѣ предмета и то главнымъ образомъ только въ высшихъ классахъ, при чемъ обязателенъ былъ лишь для учениковъ русской національности. Обученію русскому языку посвящено было всего по два урока въ недѣлю, кромѣ того греко-католическій Законъ Божій преподавался на русскомъ языкѣ[1]).

Въ то же время въ организаціи гимназіи настала существенная перемѣна. Она была въ силу реформы средней школы (Organisationsentwurf) превращена изъ шестиклассной въ восьмиклассную. Седьмой классъ былъ открытъ въ 1856 году, а восьмой въ слѣдующемъ. Зданіе гимназіи оказалось, однако, тѣснымъ, необходимымъ стало поэтому расширить его пристройкой. Расходы по пристройкѣ принялъ на себя городъ подъ условіемъ, что главнымъ преподавательнымъ языкомъ останется языкъ мадьярскій. Въ 1857—58 годахъ пристроено было параллельно съ фасадомъ 6 новыхъ помѣщеній, для каковой цѣли городомъ израсходовано было 10.171. флор[2]). Это была по тѣмъ временамъ очень крупная сумма, особено если принять во вниманіе, что, напримѣръ, въ 1859 году приходная часть городского бюджета равнялась всего 4.866.47 фл.[3]).

[1]) Blanar. Az ungvári gimnázium háromszázados története 229—233.

[2]) Dr. Fibiger. Az ungv. főgimn. tört. 16—17.

[3]) Fincicky. Polgárm. jel. 1909—52.

Между тѣмъ въ политикѣ вѣнскаго двора наступила существенная перемѣна, направленная въ сторону примиренія съ мадьярами, отрицательному отношенію которыхъ къ государству приписывалось пораженіе Австріи въ итальянскомъ походѣ. Благодаря этому постепенно стали возстанавливаться прежніе порядки. Такъ указомъ отъ 19 апрѣля 1860 г. было отмѣнено дѣленіе Угріи на 5 областей, далѣе указомъ отъ 20 октября того же года были возстановлены почти цѣликомъ прежніе административные органы. Тѣмъ же указомъ былъ мадьярскій языкъ возстановленъ въ правахъ оффиціальнаго языка Угріи. Почти одновременно съ этимъ королевскимъ указомъ отъ 5 октября 1861 года за № 13.583 проведена была школьная реформа, въ силу которой въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, наравнѣ съ мадьярскимъ языкомъ, какъ главнымъ языкомъ обученія, допускались въ качествѣ второстепенныхъ преподавательныхъ языковъ также меньшинственные языки.

Распоряженіемъ королевскаго намѣстничества отъ 5 октября 1862 г. за № 66.360 въ ужгородской гимназіи, которая указомъ того же намѣстничества отъ 21 октября 1861 года за № 58.244 причислена была къ разряду гимназій со смѣшаннымъ преподавательнымъ языкомъ, были открыты для русской молодежи двѣ русскихъ кафедры, а именно одна по русскому языку, а одна по исторіи и географіи. Въ силу сихъ указовъ, начиная съ 1862—63

учебнаго года, русскіе ученики стали во всѣхъ классахъ обучаться русскому языку и словесности, какъ предмету для нихъ обязательному, а начиная съ III-го класса стали учиться по русски также исторіи и географіи.

Карпаторусская общественность дѣлала тѣмъ временемъ чрезвычайныя усилія, чтобы возможно больше использовать благопріятствовавшій меньшинственнымъ народамъ Угріи періодъ абсолютизма для укрѣпленія русскихъ національныхъ позицій.

Въ 1850 году улицы Ужгорода получили русскія названія и надписи, которыя, однако, черезъ два года были опять замѣнены мадьярскими[1]).

Нужно полагать, что названіе «Ужгородъ», замѣнившее послѣ развала Австро-Венгріи прежнее мадьярское названіе «Унгваръ», возникло также въ тѣ времена національнаго пробужденія.

Въ 1861-мъ году образовалось въ Ужгородѣ общество «Русскій кругъ», основной камень котораго находится до сихъ поръ въ замкѣ.

Въ томъ-же 1861-мъ году было учреждено русское издательское общество подъ именемъ «Общества Василія Великаго», распространявшее своими изданіями въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ русскую культуру и письменность. Въ 1867-мъ году былъ основанъ русскій клубъ подъ названіемъ «Русская Бесѣда»

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1912—128.

Д-ръ Андрей Нозакъ.
(Оригиналъ въ гор. больницѣ)

Хирургическій павильонъ съ сѣверной стороны.

который, однако, вслѣдствіе наступившаго между тѣмъ новаго режима, скоро прекратилъ свое существованіе.

Національная жизнь, главнымъ очагомъ которой былъ именно Ужгородъ, забила ключемъ. Стали печататься русскіе учебники, выходить газеты, журналы, издаваться книги, что являлось наглядным признакомъ сильнаго національнаго подъема.

Этотъ сильный національный подъемъ давалъ надежду на лучшее будущее Карпаторусскаго, или какъ тогда его называли Угро-русскаго народа. Надеждѣ этой, однако, не было суждено сбыться. Вѣнскій дворъ подъ впечатлѣніемъ проигранной войны съ Пруссіей (1866 г.), пошелъ на полное примиреніе съ мадьярами, предоставивъ имъ на милость и немилость остальные населявшіе Угрію народы, за исключеніемъ своихъ любимцевъ хорватовъ (имѣвшихъ, кстати сказать, свою родовитую аристократію), которые получили по его настоянію полнѣйшую національную автономію. Вслѣдствіе этого примиренія въ 1867-мъ году создана была на принципѣ дуализма двуединая Австро-Венгерская монархія, состоявшая изъ двухъ равноправныхъ и въ сущности самостоятельныхъ частей, возглавляемыхъ однимъ монархомъ и имѣвшихъ общую валюту и таможенную границу, далѣе общее заграничное представительство, а частично также общую армію. Это было государственное обра-

зованіе съ трудомъ поддающееся точной юридической дефиниціи.

Результаты австро-мадьярскаго соглашенія не заставили себя долго ждать. Королевскимъ указомъ отъ 16 октября 1869 года было обученіе исторіи и географіи на русскомъ языкѣ въ ужгородской гимназіи отмѣнено. Это былъ для русскаго народа сокрушительный ударъ, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что ужгородская гимназія была въ то время единственной на территоріи нынѣшней Подкарпатской Руси. Русскій языкъ, какъ предметъ для учениковъ греко-католическаго вѣроисповѣданія обязательный, преподавался, однако, еще до 1879 года, когда по ходатайству преподавательской корпораціи министерство народнаго просвѣщенія отдало распоряженіе, по которому только тѣ ученики обязаны будутъ посѣщать уроки русскаго языка, родители и опекуны коихъ изъявятъ объ этомъ свое желаніе. Такимъ образомъ съ 1879/80 года русскій языкъ пересталъ быть обязательнымъ предметомъ. Это, правда, противорѣчило §-у 18 закона № LIV о равноправіи народностей, однако, властьимущіе изъ за этого особыхъ угрызеній совѣсти не имѣли, тѣмъ болѣе, что упомянутый законъ властями вообще очень слабо соблюдался. Въ довершеніе всего распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 13 апрѣля 1881 года былъ русскій языкъ изъятъ изъ числа предметовъ, входившихъ въ составъ испы-

таній зрѣлости[1]). Этимъ закончилась въ ужгородской гимназіи неравная борьба за русскій языкъ, который такимъ образомъ былъ отодвинутъ совсѣмъ на задній планъ. Ему было предоставлено всего по одному сводному для всѣхъ классовъ уроку въ недѣлю. Окончательно устранить русскій языкъ изъ гимназіи не представлялось возможнымъ по соображеніямъ вѣроисповѣднаго характера, такъ какъ необходимо было дать ученикамъ, готовящимся въ священники, хотя бы минимальную возможность усвоить основы русской грамматики, являющейся въ свою очередь ключемъ къ изученію церковно-славянскаго языка.

Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ русское движеніе подъ давленіемъ властей постепенно замирало, и къ началу XX. вѣка окончательно заглохло. Въ 1903 году прекратило свое существованіе «Общество Св. Василія Великаго», бывшее можно сказать послѣднимъ очагомъ русской культуры, превратившись въ книгопечатное О-во «Унія» (Unio) основанное уже совсѣмъ на иныхъ національныхъ началахъ.

Только въ душѣ простого народа продолжала еще теплиться искорка національнаго самосознанія.

Съ теченіемъ времени и въ устройствѣ общиннаго самоуправленія города настали существенныя перемѣны. Въ старину, какъ уже

[1]) Blanár — Az ungv. főgimn. tört. 229—239.

было сказано, староста и остальныя должностныя лица города избирались общимъ собраніемъ жителей, владѣвшихъ въ городѣ домами или другими недвижимостями. Староста (főbíró) избирался обыкновенно изъ 3-хъ, а иногда изъ 5-ти кандидатовъ помѣщицы-казны. Этотъ распорядокъ былъ утвержденъ также закономъ № IX 1836 года, который, однако, ввиду скоро послѣдовавшаго освобожденія города изъ подъ помѣщичьей власти, потерялъ дѣйствующую силу.

Закономъ № XXIV 1848 года избирательный порядокъ муниципальныхъ городовъ (законъ № XXIII 1848 г.) былъ распространенъ также на города съ организованнымъ совѣтомъ, къ разряду которыхъ былъ между тѣмъ Ужгородъ причисленъ комитатскими властями.

Во время абсолютизма староста, городскія должностныя лица и члены городского представительства (képviselők) назначались комитатскимъ начальствомъ, при чемъ староста получилъ титулъ городского головы (бургомистръ — polgármester).

Въ 1860-мъ году было возстановлено вмѣстѣ съ областнымъ (комитатскимъ) и общинное самоуправленіе, ввиду чего городское начальство стало опять избираться населеніемъ. Одновременно старостѣ былъ возвращенъ его прежній титулъ «главный судья» (főbíró)[1]).

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1909. 21—26.

Въ 1855 году городская дума состояла только изъ 24 членовъ, каковое число впослѣдствіи постепенно увеличивалось. Такъ въ 1859 году число членовъ думы равнялось уже 30-ти. Въ 1860 году была избрана дума изъ 60 членовъ. Дума избранная дня 27 іюля 1867 года на основаніи закона № XXIII 1848 года состояла уже ихъ 72-хъ членовъ[1]).

Закономъ № IV 1869 года было правосудіе изъято изъ вѣдѣнія административныхъ властей и ввѣрено особымъ судебнымъ вѣдомствамъ. Этимъ компетенція городского совѣта, который, какъ извѣстно, до сихъ поръ исполнялъ судебную власть первой инстанціи, была значительно урѣзана.

Существенную перемѣну внесъ въ городскую администрацію законъ № XVII 1871 года, которымъ впервые было подробно упорядочено общинное самоуправленіе и опредѣлены его органы и кругъ ихъ дѣятельности. Первая дума, избранная въ 1872 году на основаніи этого закона состояла изъ 112 членовъ. Скоро, однако, и этотъ законъ потерялъ силу. Онъ былъ замѣненъ закономъ № XXII 1886 года. безъ измѣненія дѣйствовавшимъ вплоть до развала Австро-Венгріи.

Согласно этому закону органами городского самоуправленія были городской голова. городской совѣтъ и городская дума. Въ составъ городского совѣта входили староста, какъ

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1906. 31–35.

предсѣдатель, главный городской нотаріусъ, гор. совѣтники (въ Ужгородѣ ихъ было 2), гор. прокуроръ (юрисконсультъ), главный городской врачъ и полицейскій капитанъ (начальникъ городской полиціи). Послѣдній не имѣлъ, однако, права голоса по хозяйственнымъ и финансовымъ дѣламъ города. Какъ староста, такъ и остальные члены совѣта были выборными городскими чиновниками, избиравшимися городской думой срокомъ на 6 лѣтъ. Исключеніемъ былъ только начальникъ полиціи, котораго назначалъ мѣстный представитель правительства — главный жупанъ. Остальные городскіе служащіе избирались городской думой большей частью пожизненно.

Слѣдуетъ отмѣтить, что городской совѣтъ, несмотря на то, что состоялъ сплошь изъ выборныхъ городскихъ служащихъ, являлся не только исполнительнымъ органомъ городского самоуправленія, но исполнялъ также на территоріи города государственную административно-полицейскую власть I-ой инстанціи.

Городская дума состояла, — соотвѣтственно количеству населенія — изъ 136-ти членовъ, половину коихъ составляли самые крупные налогоплательщики въ городѣ, называвшіеся «вирилистами». Вторую половину городской думы составляли выборные представители населенія.

Какъ активное такъ и пассивное избирательное право принадлежало только классамъ имущимъ, т. е .плательщикамъ прямыхъ госу-

дарственныхъ налоговъ, располагавшимъ опредѣленнымъ минимальнымъ годовымъ доходомъ, подлежащимъ налогообложенію. Городъ былъ раздѣленъ на 4 избирательныхъ округа, для каждаго изъ коихъ установлено было извѣстное количество мандатовъ. Голосованіе было открытое и производилось посредствомъ листковъ. Каждый выборщикъ записывалъ на избирательномъ листкѣ столько именъ, сколько членовъ думы приходилось на данный округъ. Неграмотные, даже при наличіи всѣхъ остальныхъ предпосылокъ, избирательнымъ правомъ не пользовались.

Кромѣ «вирилистовъ» и выборныхъ представителей населенія, полноправными членами городской думы (съ правомъ рѣшающаго голоса) являлись также городскіе чиновники, входившіе въ составъ городского совѣта во главѣ со старостой, являвшимся предсѣдателемъ думы и еще нѣкоторые другіе высшіе городскіе чиновники.

Весьма характерно было для этой системы самоуправленія то обстоятельство, что женщины, малолѣтніе, опекаемые, и юридическіе лица (общества, церковныя общины, фундаціи и т. п.), если только они владѣли требуемымъ минимальнымъ имуществомъ, имѣли тоже избирательное право, коимъ, однако, могли пользоваться только черезъ своихъ уполномоченныхъ. Какъ видно изъ этого, источникомъ избирательнаго права, а тѣмъ самымъ и политическихъ правъ, являлось имущество,

что придавало городскому самоуправленію нѣкоторое сходство съ акціонерными обществами.

Такимъ образомъ уже заранѣе — самимъ же избирательнымъ закономъ — исключались изъ городского самоуправленія элементы нежелательные для господствовавшей націи или правящихъ классовъ. По такимъ же принципамъ производились выборы въ комитатскія представительства. При такой избирательной системѣ для русскаго народа, въ основной своей массѣ неимущаго или малоимущаго, да къ тому же еще и неграмотнаго, не представлялось никакой возможности добиться даже минимальнаго политическаго вѣса. Особенно безнадежнымъ было его положеніе въ городахъ, гдѣ онъ, по злой волѣ судебъ, былъ представляемъ преимущественно низами населенія.

Послѣ отмѣны крѣпостного права, особенно же послѣ проведенія урбаріальнаго соглашенія, развитіе города пошло во всѣхъ отношеніяхъ болѣе быстро впередъ.

До 50-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія улицы города не были мощены, за исключеніемъ небольшого пространства передъ зданіемъ гимназіи, вымощеннаго еще въ 1806 году. Постепенное и планомѣрное замощеніе улицъ началось только послѣ 1855 года. Первыми были вымощены улицы Большая Мостовая и Мало-Мостовая, а потомъ и многія другія. Улицы Радванская и Собранецкая были вы-

мощены въ 1870-мъ году за счетъ государства[1]). Мостовыя состояли преимущественно изъ рѣчного булыжника.

По своей бѣдности городъ не былъ въ состояніи содержать въ исправности уличныя мостовыя, поэтому возбудилъ передъ министерствомъ общественных работ и коммуникацій ходатайство о предоставленіи ему права на взимнаніе съ иногороднихъ, при ихъ въѣздѣ на территорію города, мостового сбора или мыта. — Ходатайство города было удовлетворено и въ 1870 году на окраинахъ города устроены были заставы, у которыхъ съ пріѣзжихъ иногороднихъ стали взимать мыто. Концессія эта была удѣлена сначала на 5 лѣтъ съ тѣмъ, что чистый доходъ съ мыта долженъ быть обращенъ на приведеніе въ исправное состояніе мостовыхъ, Дѣйствительность этой концессіи была потомъ продлена нѣсколько разъ, пока въ 1906 году не была удѣлена городу новая концессія срокомъ на 20 лѣтъ. Изъ доходовъ мыта городъ строилъ не только мостовые, но также тротуары и каналы[2]).

Приблизительно одновременно съ мощеніемъ улицъ было положено начало канализаціи города, если не считать перваго канала, построеннаго въ 1799-мъ году изъ зданія гимназіи внизъ въ рѣку. Такъ въ 1857 году былъ построенъ каналъ по ул. Волняной

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1906. 247—249.
[2]) Fincichy. Polgárm. jel. 1906. 256—257.

(Gyapju нынѣ ул. Духновича), въ 1860 году по ул. Большой Мостовой (нынѣ улица Рашина), далѣе въ 1871 году по ул. Пивоваренной (Serbáz u. — нынѣ Самовольскаго), а въ слѣдующемъ 1872 году по ул. Капитульной, Учительской и Сечени (нынѣ пл. Коріятовича). Эти первые каналы были сводчатые (каменные). Трубчатые каналы изъ бетона стали строиться только начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія[1]). Все же планомѣрной канализаціи, вплоть до Великой Войны, въ Ужгородѣ не было.

Въ 60-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ сооруженъ казной съ цѣлью использованія водной энергіи рѣки Ужа, каналъ, длиною приблизительно въ 12 километровъ съ запрудой подъ Невицкимъ замкомъ. У города, недалеко нынѣшн. электростанціи, каналъ этотъ, называвшійся впослѣдствіи Малымъ Ужемъ (Kisung), былъ соединенъ съ существовавшимъ уже раньше каналомъ, построеннымъ еще кажется Другетами. Плотина этого первоначальнаго канала находилась согласно картѣ 1800 года напротивъ сооруженной недавно насосной станціи городского водопровода, у устья такъ наз. «Долины Смерти (Halálvölgy), которая является ничѣмъ инымъ, какъ бывшимъ русломъ канала. Онъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ протекалъ городомъ, и у нынѣшняго финансоваго управленія (Тыршова площ.) впадалъ въ Ужъ. Еще раньше каналъ

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1912. 129.

этотъ полукругомъ обтекалъ Малое Галаго (на мѣстѣ Окружной ул. на Галаго) и у строющагося нынѣ новаго моста вливался въ Ужъ. Однако во время одного наводненія была узкая полоса, отдѣлявшая каналъ отъ рѣки, въ концѣ нынѣшней набережной Рошковича прервана, послѣ чего на мѣстѣ прорыва, у теперешняго полицейскаго правленія, была сооружена небольшая плотина, дабы нижнее теченіе канала, огибавшее М. Галаго, не осталось безъ воды.

На каналѣ сооружены были заводы и предпріятія казны, изъ коихъ главными являлись лѣсопилка, валяльня и мельница. Въ 1900 году была мельница продана казной.

Первое денежное учрежденіе основалось въ Ужгородѣ въ 1865-мъ году въ видѣ акціонернаго общества съ основнымъ капиталомъ въ 30.000 фл. (300 акцій по 105 флор.), Оно носило названіе «Ungmegyei takarékpénztár» (Ужанская сберегательная касса[1]). Дотолѣ кредитъ, повидимому, обслуживался ростовщиками.

Закономъ № XVII 1867 года было удѣлено евреямъ равноправіе. Это имѣло также не малое значеніе для Ужгорода, четверть населенія котораго состояла уже въ то время изъ евреевъ, которые вскорѣ послѣ того, благодаря особому, врожденному имъ хозяйственному чутью, заняли въ экономической жизни города первенствующее мѣсто.

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1909. 317.

Большое значеніе имѣли для развитія Ужгорода, конечно, и желѣзныя дороги. Первая желѣзная дорога, соединившая Ужгородъ съ Ниредьгазой, была построена на основаніи закона № XXVIII. 1870 года. Въ 1893 году построена была акціонернымъ обществомъ «Ungvölgyi helyérdekü vasut r. t.», «ужанская желѣзная дорога», соединившая Ужгородъ съ Великой Березной. Эта желѣзная дорога потомъ была, въ началѣ нашего вѣка (1904), продолжена до Ужка и дальше въ Галичину. Тогда же былъ построенъ нынѣшній желѣзный желѣзнодорожный мостъ, на мѣсто прежняго деревяннаго. Въ 1912 г. построена была желѣзная дорога Ужгородъ—Ваяны, продленная послѣ войны до Бановецъ, которая соединила долину Лаборца съ долиной Ужа. Наконецъ, во время Великой войны, построена была русскими военноплѣнными узкоколейная желѣзная дорога Ужгородъ—Анталовцы.

Къ своему несчастью Ужгородъ былъ чуть ли не въ теченіе двухъ столѣтій опальнымъ городомъ. Сперва у Габсбурговъ онъ попалъ въ немилость, какъ гнѣздо мятежныхъ куруцевъ, а потомъ и у мадьярскаго правительства, какъ опасный очагъ русскости. Этому неблагожелательству со стороны властей приписывается, между прочимъ, то обстоятельство, что сѣверо-восточная трансверсальная желѣзная дорога, построенная на основаніи закона за № XIII/1868, была въ ущербъ доходности самой желѣзной дороги, ведена черезъ Новое

Мѣсто подъ Шатромъ, Чопъ—Батю—Берегово, минуя Ужгородъ и Мукачево, и это несмотря на протестъ со стороны Ужгорода.

Закономъ № IV. 1869 года было правосудіе отдѣлено отъ администраціи и ввѣрено особымъ судебнымъ вѣдомствамъ. Въ связи съ этой реформой судами первой инстанціи были закономъ № XXXI. 1871 года установлены окружные суды (járásbíróság), а II-ой инстанціи областные суды (törvényszék). Распоряженіемъ министерства правосудія отъ 2 ноября 1871 года № 9.225 въ Ужгородѣ былъ, кромѣ окружного суда, учрежденъ также областной судъ, къ которому принадлежали окружные суды ужгородскій, капушанскій, собранецкій и велико-березнянскій. Новоучрежденный областной судъ въ Ужгородѣ существовалъ, однако, недолго.

Распоряженіемъ отъ 31 іюля 1875 № 2722 онъ былъ упраздненъ, послѣ чего принадлежавшіе къ нему окружные суды были присоединены къ областному суду въ Береговѣ. Несмотря на усиленныя ходатайства, Ужгороду до переворота такъ и не удалось вернуть себѣ областной судъ, въ чемъ мѣстная общественность не безъ основанія усматривала признакъ непріязни къ городу правительственныхъ круговъ.

Большія заслуги въ дѣлѣ развитія города имѣетъ мукачевская греко-католическая епархія, обогатившая его многочисленными своими учрежденіями

Кафедральный соборъ, полученный въ 1775 году вмѣстѣ съ прилегавшей къ нему іезуитской коллегіей (обитель и гимназія) и замкомъ въ подарокъ отъ Маріи Терезіи, былъ сперва тогдашнимъ епископомъ Андреемъ Бачинскимъ перестроенъ соотвѣтственно съ греко-восточнымъ обрядомъ, и только послѣ того въ 1780-омъ году былъ освященъ и переданъ своему предназаченію. Колокольни храма, однако, были въ столь неисправномъ состояніи, что однажды буря повалила одну изъ нихъ, послѣ чего ради симметріи снесена была и вторая колокольня. Однако, уже въ 1814 году были построены новыя колокольни въ восточномъ стилѣ. Тогда же, должно быть, была снесена и стоявшая сбоку временная звонница. Въ 1858 году стараніемъ епископа Василія Поповича былъ храмъ изнутри выкрашенъ вмѣстѣ съ иконостасомъ. Большой образъ на потолкѣ храма, изображающій «Воздвиженіе Честнаго Креста Господня» принадлежитъ кисти извѣстнаго живописца Фердинанда Выдра. Въ теченіе 1876 и 1877 гг. при епископѣ Иванѣ Пастели, былъ фасадъ храма перестроенъ и приведенъ въ современный видъ. Въ лѣвой колокольнѣ тогда былъ помѣщенъ большой колоколъ «Иванъ» вѣсомъ въ 49 q. Тогда же были колокольни снабжены часами.

Епископскую резиденцію перестроилъ въ 1846 году еп. Василій Поповичъ и придалъ ей современный видъ. Въ резиденціи помѣщает-

ся, кромѣ цѣннѣйшаго епархіальнаго архива, также епархіальная библіотека, состоящая приблизительно изъ 15.000 томовъ. Ядро библіотеки составляетъ перевезенная изъ Мукачева первоначальная епархіальная библіотека, собранная епископомъ Эммануиломъ Ольшавскимъ (1743—67) и іезуитская библіотека, подаренная епархіи Маріей Терезіей. Обѣ эти библіотеки были потомъ въ 1775 году объединены тогдашнимъ епископомъ Андреемъ Бачинскимъ (1772—1809[1]) въ одну.

Греко-католическая учительская семинарія свое начало беретъ отъ учительскихъ курсовъ, устраиваемыхъ государствомъ при начальномъ училищѣ, помѣщавшемся въ казенномъ зданіи по ул. Большой (нынѣ ул. Ракоци), возлѣ теперешняго городского кинематографа. Зданіе это было въ 1933 году снесено. Сначала курсы были полугодичные. Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія учительскіе курсы переданы были въ вѣдѣніе мукачевской епархіи. Въ то время курсы были уже 10-ти мѣсячные.

Въ 1843 году курсы превратились въ двухлѣтнее училище, въ 1872 году въ трехлѣтнее, а наконецъ съ 1900 года въ четырехлѣтнее. Одно время семинарія была размѣщена въ замкѣ, а съ 1884 года находится въ теперешнемъ своемъ зданіи по ул. Капитульной, въ которомъ помѣщается также и бурса.

[1] Dr. Hodinka. A munkácsi egyházmegye tört. 682.

Греко-католическая женская учительская семинарія была учреждена въ 1902 году, какъ двухклассная и только въ 1911 году превратилась въ четырехклассную.

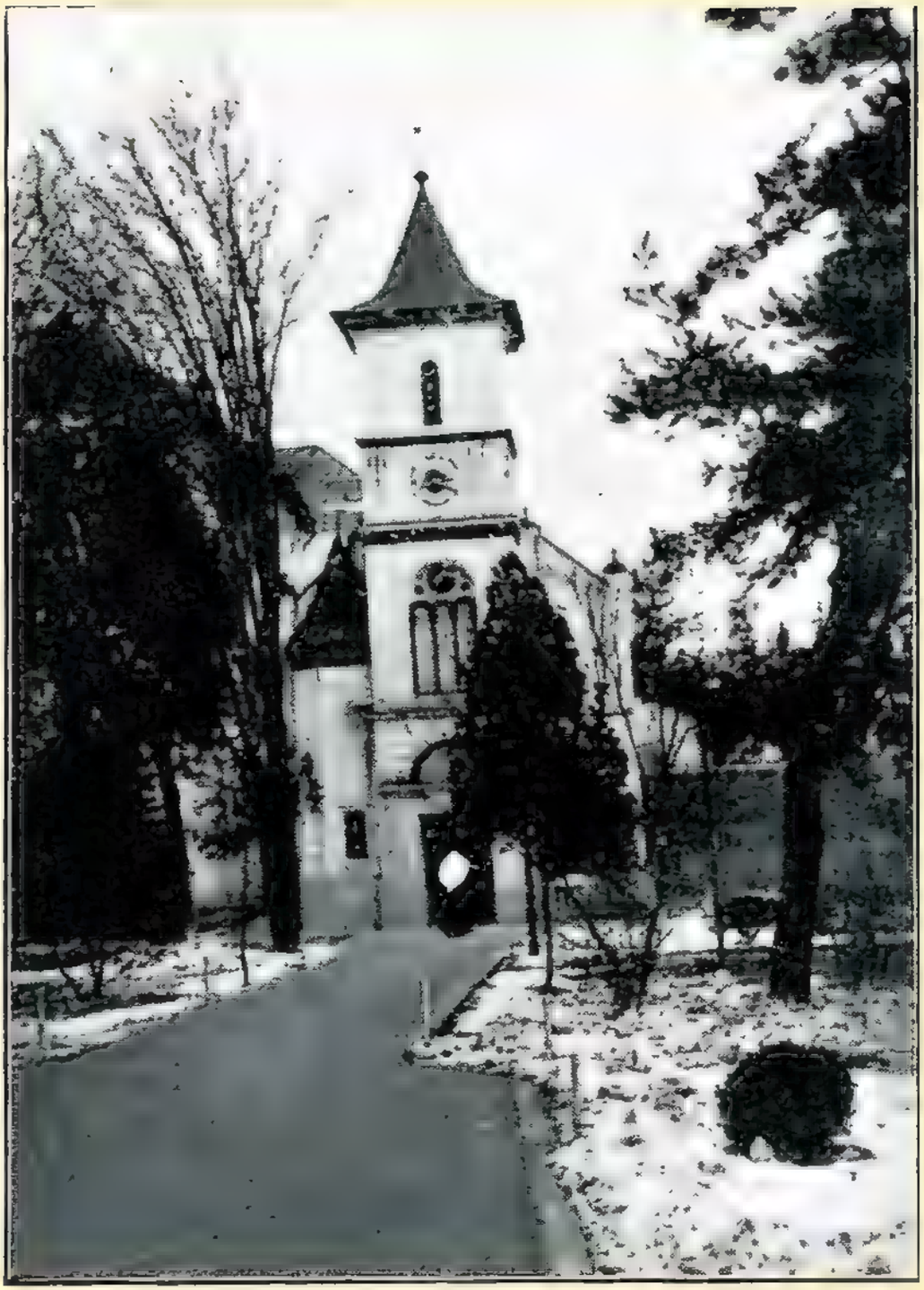
Въ зданіи школы находится кромѣ упражнительной начальной школы также греко-католическая дѣвичья мѣщанская школа (четырехклассное городское училище). Возлѣ семинаріи, по сосѣдству, имѣется дѣвичій интернатъ. Оба учрежденія помѣщаются въ бывшихъ казенныхъ зданіяхъ по ул. Ракоци.

Стараніями епархіальныхъ властей было, кромѣ вышеупомянутыхъ учрежденій, основано еще и нѣсколько другихъ общежитій и воспитательныхъ домовъ, въ первую очередь для дѣтей священниковъ и псаломщиковъ и оставшихся послѣ нихъ сиротъ.

Самымъ крупнымъ учрежденіемъ этого рода является общежитіе монашескаго ордена им. С. Василія Великаго. Оно было построено, какъ уже было сказано, въ 1912 году на участкѣ, который былъ ордену предоставленъ правленіемъ мукачевской греко-католической епархіи, купившимъ его въ началѣ нашего вѣка у самоупразднившагося православнаго прихода. Въ этомъ импозантномъ пятиэтажномъ зданіи помѣщается также монастырская обитель.

Весьма успѣшно развивалось въ Ужгородѣ и школьное дѣло. Кромѣ существовавшихъ съ давнихъ поръ реформатской, римско-католической конфессіональныхъ школъ, а также греко-католической школы цегольнянской, уч-

Эпидемический павильонъ.



Часовня въ гор. больницѣ.

режденъ былъ цѣлый рядъ новыхъ школъ.

Еврейская начальная школа учреждена была еще въ 1792 г.[1]). Въ серединѣ прошлаго столѣтія, однако, ввиду матеріальныхъ затрудненій школа эта была закрыта и только въ 1867-мъ году была по приказу министерства народнаго просвѣщенія вновь открыта. Кромѣ этой школы въ Ужгородѣ, несмотря на строгій запретъ, всегда существовало нѣсколько нелегальныхъ еврейскихъ конфессіональныхъ школъ, называемыхъ «хейдерами».

Въ 1859-мъ году была открыта въ казенномъ зданіи по ул. Капитульной римско-католическая 3-хъ-классная дѣвичья школа «Гизеллинъ домъ» (Gizellaház) подъ руководствомъ учительницъ-монашекъ, называемыхъ «сестрами милосердія» (irgalmos nővérek). Въ 1862-мъ году школа была размѣщена въ собственномъ зданіи, купленномъ для сей цѣли по сосѣдству съ римско-католическимъ приходскимъ домомъ по ул. Ракоци. Это зданіе, однако, не вполнѣ удовлетворяло своему предназначенію и поэтому впослѣдствіи на его мѣстѣ было построено на собранныя пожертвованія новое зданіе. Въ немъ размѣщены были дѣтскій садъ, шестиклассное начальное училище и общежитіе.

Въ 1879-мъ году была основана Андреемъ Будишемъ, ужгородскимъ плебаномъ, на собственныя средства въ лѣвобережной части города по улицѣ Боздошской (нынѣ Толстого),

[1]) Blanár. Az ungvári főgimn. tört. 17.

начальная дѣвичья школа «Маріинъ домъ» (Máriaház) подъ руководствомъ тѣхъ же монашекъ чина им. св. Викентія. По просьбѣ щедраго основателя, городъ обязался поставлять на отопленіе школы ежегодно 96 м³ дровъ[1]).

Въ началѣ нашего вѣка были городомъ построены для государственныхъ начальныхъ училищъ два большихъ двухэтажныхъ школьныхъ зданія, а именно на площади Орлиной и пл. Другета.

Первый дѣтскій садъ въ Ужгородѣ былъ устроенъ въ 1869 году. Въ 1873 году былъ городомъ для этой цѣли купленъ за 3000 флор. по ул. Телеки домъ, для каковой цѣли государствомъ удѣлено было пособіе въ 1.500 фл. Домъ этотъ со временемъ обветшалъ и на его мѣстѣ въ 1889 году было построено новое зданіе.

Съ теченіемъ времени число дѣтскихъ садовъ то возрастало, то уменьшалось. Къ концу прошлаго столѣтія ихъ было два, которые потомъ въ 1904 году были огосударствлены. т. е. переняты государствомъ, причемъ городъ былъ освобожденъ отъ обязанности строить и содержать въ будущемъ дѣтскіе сады, но взамѣнъ за это обязался уплачивать въ пользу государственныхъ дѣтскихъ садовъ ежегодный взносъ въ суммѣ 4.000 фл. Въ то же время городомъ было построено на углу

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1909. 224-227.

Орлиной площади и ул. Минайской новое двуэтажное зданіе, въ которомъ кромѣ дѣтскаго сада помѣщенъ былъ школьный инспекторатъ и квартира для инспектора съ тѣмъ, однако, условіемъ, что наемная плата за квартиру и ежегодный взносъ города будутъ обращены на погашеніе займа, заключеннаго городомъ для покрытія расходовъ по постройкѣ. Такимъ обрзомъ городъ сравнительно весьма дешево откупился отъ довольно обременительной обязанности.

Въ Ужгородѣ имѣется глина, для гончарнаго дѣла весьма пригодная, ввиду чего по почину министерства земледѣлія въ 1883-мъ году была учреждена керамическая школа (глинообдѣлочная). Въ школѣ этой, однако, скоро стало преобладать коммерческое начало, что повлекло за собой закрытіе школы, которое послѣдовало въ 1890 году. Въ 1900 году школа эта была опять открыта подъ руководствомъ министерства торговли. Для этой цѣли городъ удѣлилъ пособіе въ 10.000 фл. Подъ школу отведено было зданіе бывшей гостиницы «Паннонія» по улицѣ Пивоваренной, переименованной впослѣдствіи въ честь бывшаго ученика школы въ улицу Самовольскаго.

Въ 1904 году было учреждено по улицѣ Другета государственное училище для глухонѣмыхъ, для котораго городъ предоставилъ зданіе.

По иниціативѣ министерства народнаго просвѣщенія было въ 1897 году учреждено госу-

дарственное четырехклассное реальное училище. Сначала оно помѣщалось въ нанятомъ городомъ домѣ по ул. Радванской, но съ 1904—1905-го учебнаго года перешло уже въ красивое новое зданіе, построенное на мѣстѣ старой ратуши на нынѣшней площади Жатковича.

Съ 1881—82-го учебнаго года учреждена была въ Ужгородѣ частная дѣвичья мѣщанская школа (четырехклассное городское училище).

Школѣ этой, которой въ 1881 году министерство народнаго просвѣщенія удѣлило право публичности, городъ тоже оказывалъ поддержку.

Школа эта однако прекратила, повидимому, вскорѣ послѣ того свое существованіе. Потомъ мѣстный реформаторскій приходъ учредилъ дѣвичью мѣщанскую школу, которя была открыта въ принадлежавшемъ приходу домѣ по ул. Ракоци. Эта школа была въ 1904 году перенята государствомъ, которое въ 1911 году построило для нея на набережной Рожковича прекрасное трехэтажное зданіе.

Въ 1902 году Всегосударственный Совѣтъ Музеевъ и Библіотекъ подарилъ городу въ двухъ рѣзныхъ дубовыхъ шкафахъ небольшую библіотеку стоимостью въ 2.000 кор. ав., чѣмъ было положено въ Ужгородѣ начало Народной Библіотекѣ (Népkönyvtár).

Библіотека эта была помѣщена въ государ-

ственной начальной народной школѣ на площади Другета и ввѣрена вѣдѣнію директора школы. Библіотека эта, которая предназначалась главнымъ образомъ для простонародья, за отсутствіемъ собственныхъ помѣщеній, развивалась весьма туго. Во время всемірной войны или послѣ нея она почему то очутилась въ государственной народной школѣ на площ. Масарика, гдѣ и была въ 1926 году открыта авторомъ сего труда.

Во время войны, въ 1915 году было городомъ учреждено среднее трехклассное коммерческое училище. Оно помѣщалось въ домѣ промысловой корпораціи на Кожевенномъ Ряду, потомъ въ домѣ реформатскаго прихода по ул. Ракоци, но просуществовало не долго.

Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавательный языкъ былъ, конечно, мадьярскій, при чемъ по большей части въ нихъ проходился нѣмецкій языкъ, какъ предметъ обязательный.

Мысль о постройкѣ въ Ужгородѣ постояннаго театра возникла еще въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія. Въ 1866 году учредилось даже спеціальное строительное общество подъ названіемъ «Ужгородское театральное акціонерное общество» (Ungvári színházi részvénytársaság.) Обществу этому, несмотря на проявленное имъ большое рвеніе, такъ и не удалось свою затѣю осуществить. Въ 1889 году казенный пивоваренный

заводъ по одноименной улицѣ (Serház ucca — нынѣ Самовольскаго) былъ ликвидированъ и проданъ карчавскому помѣщику Исидору Гутману, который зданіе завода перестроилъ въ гостинницу. Во дворѣ этой гостинницы, для поднятія ея доходности, онъ построилъ деревянный лѣтній театръ. Театръ этотъ, однако, въ 1903 году сгорѣлъ до тла, послѣ чего уже сама городская управа занялась постройкой новаго театра. Ей удалось выхлопотать отъ министерства внутреннихъ дѣлъ для этой цѣли пособіе въ 45.000 кор., что составляло больше половины предполагаемой смѣты. Благодаря этому уже въ 1907 году начата была постройка на Новой площади у шоссейнаго моста (нынѣ площ. Фенцика[1]). Новый театръ, однако, получился весьма неудачный и не послужилъ къ чести своихъ строителей.

Первая концессія на кинематографическія представленія удѣлена была въ 1911 году фирмѣ: «Братья Лендвай и Арпадъ Ревесъ». Представленія устраивались сначала въ залѣ «Корона», потомъ на нѣкоторое переходное время въ домѣ на углу ул. Духновича и площ. Коріатовича и наконецъ въ городскомъ театрѣ. Въ 1917 году біоконцессія перешла къ городу.

Въ 1904 году была построена на правомъ берегу рѣки на Новой площади въ Мавритан-

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1906. 106—135.

скомъ стилѣ импозантная синагога евреевъ-ашкеназовъ, для каковой цѣли былъ городомъ пожертвованъ цѣнный прибрежный участокъ.

Въ 1907 году бушевалъ въ Ужгородѣ большой пожаръ. жертвой котораго стала старинная еврейская синагога по ул. Ракоци (въ сосѣдствѣ съ лѣснымъ управленіемъ), построенная въ 1794 году на мѣстѣ бывшей казенной корчмы. Тогда же сгорѣла и бывшая православная церковь. Отъ пожара расплавились колокола, имѣвшіе по разсказамъ современниковъ чрезвычайно пріятный звонъ. Судя по имѣющимся на нихъ надписямъ самый большой изъ этихъ колоколовъ былъ отлитъ въ Ужгородѣ, средній въ 1788 году въ Венеціи, а маленькій въ 1787 году въ Ужгородѣ.

Синагога евреевъ-хасидовъ была построена въ 1908 году на набережной Рошковича. Это была первая желѣзо-бетонная постройка въ Ужгородѣ, впрочемъ не отличающаяся особеннымъ стилемъ. Гораздо раньше, еще въ 1870 году была построена синагога евреевъ-неологовъ на теперешней площади Жатковича. Этотъ молитвенный домъ былъ изъ-за несостоятельности общины неологовъ проданъ впослѣдствіи съ торговъ одному изъ единовѣрцевъ, у котораго теперь община его нанимаетъ.

Съ улучшеніемъ матеріальнаго состоянія населенія сталъ измѣняться и внѣшній видъ города къ лучшему. Вмѣсто прежнихъ жал-

кихъ хижинъ крѣпостныхъ пошли постройки каменныя и кирпичныя. Развитію города въ этомъ направленіи способствовали и частые пожары, распространявшіеся съ большой быстротой, такъ какъ большая часть домовъ была крыта соломой. Послѣдній домъ съ соломенной крышей былъ снесенъ по распоряженію городского совѣта въ 1894 году на улицѣ Берчени[1]).

Частые пожары, вызываемые неблагоустроенностью города, причиняли городскимъ властямъ не мало хлопотъ. Несмотря на это пожарное дѣло развивалось весьма туго. Первыя мѣры были приняты казной, издавшей въ 1735 году весьма подробный и обширный пожарный регламентъ. Пожарнаго насоса тогда еще въ городѣ не было[2]).

Въ 1821 году были изданы пожарныя предписанія окружнымъ начальникомъ, въ которыхъ уже упоминается и пожарный насосъ. Кромѣ того тогда же было издано старостой распоряженіе, касающееся несенія пожарной службы. Согласно приведеннымъ предписаніямъ пожарная служба возложена была на населеніе, главнымъ образомъ на ремесленные цехи, для каждаго изъ коихъ точно были опредѣлены обязанности на случай пожара. Въ 1862 году жупными властями былъ изданъ новый регламентъ, который, однако, въ существовавшій дотолѣ порядокъ, не внесъ ни-

[1]) Fincicky. Polgárm. jel. 1912. 111.
[2]) Fincicky. Polgárm. jel. 1909. 250

какой существенной перемѣны. Рѣшеніемъ городской думы 1861 года за № 100 было воспрещено строить новыя соломенныя крыши. Въ 1875 году учредилось «Объединеніе добровольныхъ пожарныхъ», принявшее на себя пожарную службу. Общество это, повидимому, не оправдало возложенныхъ на него надеждъ, такъ какъ въ 1893 году статутомъ № 148 3704/1893 введена была обязательная пожарная служба, которую должны были нести всѣ жители мужского пола въ возрастѣ отъ 20-ти до 40-ка лѣтъ, за исключеніемъ солдатъ, лицъ духовнаго званія, больныхъ и калѣкъ, а также общественныхъ служащихъ. Отъ службы можно было, конечно, и откупиться. Должно быть тогда же были приняты на службу два постоянныхъ огнетушителя, подъ названіемъ пожарныхъ слугъ (tüzoltó szolga), послужившіе ядромъ для будущей профессіональной пожарной команды. Однако и эта система не оправдала своего предназначенія, вслѣдствіе чего въ 1903 году снова основалось «Общество добровольныхъ огнетушителей», а параллельно съ этимъ учреждена была городская профессіональная пожарная команда, которая, однако, подчинена была начальству добровольныхъ пожарныхъ. Въ 1904 году городская пожарная станція, помѣщавшаяся дотолѣ во дворѣ ратуши, помѣщена была въ части казармы по ул. Гонведской (нынѣ Добрянскаго), освобожденной

въ то время войскомъ, гдѣ она находится и понынѣ.

Въ 1905 году городская пожарная команда состояла изъ 5-ти профессіональныхъ пожарныхъ и 40 добровольныхъ.

Зачатки городской полиціи нужно усматривать въ своеобразной городской стражѣ, чины которой вооружены были большими крюками, насаженными на шесты, называвшіеся по мадьярски csáklya, отсюда названіе стражниковъ „csáklyás". Въ 1841 году было ихъ 4. При помощи крюковъ они срывали во время пожаровъ соломенныя стрѣхи. Кромѣ того имѣлось тогда же 6 ночныхъ сторожей (éjjeli ör).

Въ 1852 году городская стража состояла изъ 6 гайдуковъ. Когда въ силу закона № XXI/1886 года городская управа стала исполнять политическую власть первой ин- состояла изъ 6 гайдуковъ. Когда въ силу закона № XXI/1886 года городская управа стала исполнять политическую власть первой инстанціи, была учреждена городская полиція, какъ органъ общественной безопасности и общественнаго порядка (брахіальная мощь). Въ 1912 г. городская полиція состояла изъ полицейскаго капитана, какъ начальника, подкапитана, двухъ концепистовъ, начальника канцеляріи, практиканта, взводнаго, трехъ десятниковъ и 19 рядовыхъ городовыхъ.

Размѣщеніе войска въ Ужгородѣ было и осталось неудовлетворительнымъ, что причи-

няло и причиняетъ немало хлопотъ городской управѣ. Такъ напримѣръ въ 1883 году одинъ батальонъ общаго австро-мадьярскаго такъ наз. «царскаго и королевскаго» полка № 66 (Kaiserliches und königliches Infanterie Regiment — съ нѣмецкимъ командным языкомъ) пришлось изъ-за недостатка помѣщеній временно перевести въ Мукачево. Два батальона полка были при томъ размѣщены въ 6-ти разныхъ неудобныхъ, по большей части нанятыхъ, зданіяхъ. Городу грозила опасность, что полкъ будетъ переведенъ въ другое мѣсто. Ввиду этого городъ принужденъ былъ приступить къ постройкѣ казармъ. Для этой цѣли городомъ куплены были у казны за 12.000 златовокъ (гульденовъ) обширные участки между улицами Шумной (Zúgó) и Гонведской (нынѣ Добрянскаго). На постройку израсходовано было нѣсколько сотъ тысячъ златовокъ (флореновъ). Казармы эти, состоявшія изъ цѣлаго ряда примитивныхъ низкихъ зданій, построены были въ формѣ громаднаго четыреугольника, съ обширнымъ, недавно застроеннымъ, дворомъ-площадью посерединѣ.

Однако, новопостроенныя казармы, названныя именемъ Франца Іосифа, оказались въ высшей степени нездоровыми и непригодными. Должно быть дѣло не обошлось безъ злоупотребленій со стороны нѣкоторыхъ городскихъ органовъ. Городской думой была выслана въ 1888 году для выясненія дѣла да-

же спеціальная пятичленная слѣдственная комиссія, которая на основаніи произведенныхъ ею разслѣдованій, предложила отрѣшить отъ должности тогдашняго старосту Белу Легоцкаго, а также городского казначея. Дѣло, однако, повидимому, было замято, такъ какъ городская дума предложенія слѣдственной комиссіи не приняла, а только постановила, что городская касса «впредь должна быть ведена согласно законнымъ предписаніямъ»...

Немного позже, рядомъ съ этими казармами, вдоль улицы Гуменной (Csür ucca) была на участкѣ, полученномъ отъ казны зъ вѣчный наемъ (emphytheusis), построена Гонведская казарма, въ которой помѣщенъ былъ гонведскій (такъ назывались венгерскіе полки съ мадьярскимъ командным языкомъ) пѣхотный полкъ № 11. Казарма эта по своему внѣшнему виду и непригодности ничуть не уступала казармамъ имени Франца Іосифа. Обѣ казармы являются устрашающимъ примѣромъ негоднаго строительства.

Ввиду непригодности новопостроенныхъ казармъ, скоро пришлось помышлять о постройкѣ новыхъ. Однако городъ, затратившій на постройку по тогдашнему времени весьма значительныя средства, почти 500.000 флореновъ, уже не могъ рѣшиться на новые крупные расходы. На выручку городу пришелъ комитатъ, построившій новыя модерныя казармы на ул. Доманинской (нынѣ казармы имени Добрянскаго), куда войско перешло въ

1902 году. Часть казармъ, оставшихся пустыми, была использована для нуждъ пожарной станціи, часть (уголъ ул. Другета и Шумной) подарена была городомъ въ 1904 году государству, для института глухонѣмыхъ, а оставшаяся часть была раздѣлена на 30 участковъ и въ 1906 году продана съ торговъ. Отъ этой продажи выручено было всего 146.743 коронъ австрійскихъ.

Развитіе промышленности продвигалось впередъ весьма туго. Положеніе не улучшилось и послѣ того, какъ оставшаяся въ наслѣдіе отъ средневѣковья устарѣвшая цеховая система отмѣнена была закономъ № XVII. 1884 года.

Еще въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія большинство ремесленныхъ учениковъ было неграмотно. Только въ 1859 г. начался для нихъ при цегольнянской школѣ, происходившій по воскресеньямъ отъ 10-ти до 12-ти часовъ двухчасовый курсъ, носившій названіе «Цегольнянская Воскресная Школа». — Изъ этой воскресной школы съ теченіемъ времени развилась ремесленная школа. открывшаяся въ 1882 году при римско-католической начальной школѣ. Первоначально школу посѣщали и купеческіе ученики, для которыхъ впослѣдствіи учреждена была особая купеческая школа при коммерческомъ училищѣ.

Первая типографія возникла въ Ужгородѣ въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія. Это была ча-

стная типографія Карла Егра, печатавшая также русскія книги.

Съ теченіемъ времени въ Ужгородѣ возникло нѣсколько крупныхъ предпріятій, которыя, однако, скоро прекратили свое существованіе, какъ учредившіяся въ 1889 году керамическая фабрика и фабрика фарфорово-фаянсовыхъ издѣлій.

Въ 1889 году прекратилъ свое существованіе казенный помѣщичій пивоваренный заводъ по улицѣ Пивоваренной, получившей отъ него свое названіе (нынѣ Самовольскаго). Заводъ этотъ въ старыхъ книгахъ упоминается уже въ XVII столѣтіи. Въ 1885 году учредилась мебельная фабрика. Кромѣ того съ теченіемъ времени возникло еще нѣсколько типографій, далѣе винокуренный заводъ и кирпичный заводъ. Это все, что стоитъ отмѣтить въ связи съ промышленнымъ развитіемъ Ужгорода.

Въ 1886 году учреждено было Ремесленное Товарищество, а въ 1908 году «Купеческое Собраніе». Съ теченіемъ времени возникло также немало разнаго рода общественныхъ кружковъ, между которыми слѣдуетъ отмѣтить существующій и нынѣ клубъ «Ungvári Társaskör» (Ужгородскій Товарищескій Кругъ), основанный въ 1875 году.

Что касается соціальныхъ учрежденій, то въ этомъ отношеніи Ужгородъ почти не прогрессировалъ, если не считать возникновенія нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ и

дружествъ, основанныхъ на началахъ взаимопомощи. — Слѣдуетъ отмѣтить, что въ прилегающемъ къ католическому костелу домѣ по ул. Казинци № 6 имѣется небольшая Богадѣльня (для 4-хъ старухъ), основанная еще Иваномъ Другетомъ въ срединѣ XVII вѣка.

Больница существовала въ Ужгородѣ съ незапамятныхъ временъ. По нѣкоторымъ источникамъ она упоминается якобы уже въ одной грамотѣ 1451 г. Въ городскихъ протоколахъ больница упоминается подъ названіемъ «госпиталь» (ispotály), между прочимъ, въ годы 1620, 1627, 1686 и т. д. По Карлу Месарошу госпиталь этотъ былъ основанъ Другетами и первоначально помѣщался на нѣкоемъ участкѣ Дюлаи (Gyulay-féle fundus). По его словамъ прежде госпиталь былъ гораздо просторнѣе и «многолюднѣе» (népesebb), чѣмъ въ его время (1861), и располагалъ значительными фондами, которые, однако, въ началѣ XVIII вѣка въ тревожныя времена возстаній, изсякли. Въ 1747 году госпиталь сгорѣлъ, и только много лѣтъ спустя былъ построенъ снова. Въ концѣ XVIII столѣтія онъ могъ вмѣщать всего 5 человѣкъ больныхъ, или лицъ престарѣлыхъ Основной фондъ больницы при томъ составлялъ всего 128 фл., каковая сумма была собрана путемъ пожертвованій[1]).

Какая судьба постигла эту первоначальную больницу, пока еще не установлено, не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ концѣ пер-

[1]) Mészáros. Ungvár tört. 1861. 110.

вой половины прошлаго вѣка она уже не существовала. Это можно заключить изъ того обстоятельства, что въ 1845 году было устроено городскимъ совѣтомъ нѣсколько благотворительныхъ баловъ, чистая выручка отъ которыхъ была обращена на покупку небольшого дома, въ которомъ потомъ была устроена больница. Домъ этотъ находился по улицѣ Мельничной (Malom ucca — нынѣ Самовольскаго) № 262 и перепис. № 988. До 1852-го года она содержалась на общественныя пожертвованія. Вмѣстимость больницы была ничтожна, она была разсчитана всего на 4 человѣка. Бюджетомъ города на 1852 годъ предусмотрѣно было на содержаніе больницы 400 фл. Въ 1852 году городъ началъ строить по ул. Другета новое трехэтажное зданіе для больницы. Военныя власти, однако, потребовали, чтобы зданіе было передано для нуждъ войска. Этому требованію городъ уступилъ и передалъ новопостроенное зданіе войску, которое и нынѣ пользуется имъ какъ военной больницей.

Съ цѣлью вознаградить городъ за эту уступку войску, императоръ въ 1854-мъ году пожаловалъ для больницы домъ на площади Орлиной (Sastér — нынѣ площадь Масарика) №№ 724 и 725, доставшійся казнѣ какъ выморочное наслѣдство послѣ Франца Баноци. Ввиду этого зданіе больницы по ул. Мельничной было въ 1855-мъ году продано съ аукціона за 1.000 флореновъ, каковая сумма была присчитана къ основному больничному фонду. Новая

Авторъ.

больница была гораздо вмѣстительнѣе, — она была расчитана на 30 больныхъ. Одновременно съ этимъ городская больница была признана общественной, вслѣдствіе чего издержки за лѣченіе венерическихъ больныхъ и солдатъ со дня 16 ноября 1854 года стали возмѣщаться изъ средствъ государственной казны. Отъ 1-го же ноября 1854-го года стали возмѣщаться также издержки по лѣченію гражданъ иногородныхъ. Въ 1863-мъ году въ больничномъ фондѣ имѣлось 13.612.04 флор.

Новая больница однако, скоро оказалась также непригодной.

Вслѣдствіе этого городъ въ 1866-омъ году купилъ за 7.000 фл. домъ по ул. Капушанской № 701 и 702, послѣ чего прежнее зданіе больницы на площ. Орлиной было продано за 3.000 флор., а больница перемѣщена въ 1-этажный домъ, по сосѣдству съ новымъ зданіемъ больницы, которое въ то время служило казармой, и только послѣ ухода войска больница была размѣщена въ новокупленномъ зданіи.

Въ 1869-мъ году городской совѣтъ по предложенію тогдашняго больничнаго врача, дра Якова Прейса, возбудилъ ходатайство о предоставленіи городской больницѣ права публичности, каковое и было удѣлено министромъ внутреннихъ дѣлъ, начиная съ 1. января 1871-го года.

Въ 1872 году свирѣпствовала холера, отъ которой по словамъ очевидцевъ «люди умира-

ли какъ мухи». Для борьбы съ холерой былъ присланъ изъ Будапешта, по просьбѣ окружного начальника въ Собранцахъ, Викентія Немети, въ качествѣ эпидемическаго врача молодой врачъ Дръ Андрей Новакъ (род. 1850). Командированъ онъ былъ скорѣй для лѣченія собственнаго здоровья, сильно у него расшатаннаго, нежели для борьбы съ холерой, способъ лѣченія которой ему — по его словамъ — совсѣмъ не былъ знакомъ. У него были больныя легкія и онъ страдалъ сильнымъ кровохарканіемъ. Надежда его начальства на цѣлительную силу здѣшняго воздуха сбылась и онъ здравствуетъ и понынѣ, достигши возраста 87-ми лѣтъ.

Въ 1873 году, послѣ прекращенія холеры, былъ Д-ръ А. Новакъ избранъ младшимъ больничнымъ врачемъ, а черезъ годъ послѣ отказа старшаго врача больницы Д-ра Я. Прейса, былъ избранъ главнымъ управляющимъ врачемъ. Къ счастью онъ оказался весьма дѣльнымъ и способнымъ человѣкомъ. Въ то время, когда онъ принялъ на себя ея веденіе, больница состояла всего изъ 4-хъ помѣщеній, но подъ его умѣлымъ руководствомъ стала быстро развиваться, особенно начиная съ 1882 года, и скоро вмѣстительность ея достигла 200 человѣкъ. Въ 1879 году уходъ за больными свѣренъ былъ монашескому ордену «Сестеръ милосердія им. Св. Викентія», съ которымъ былъ заключенъ соотвѣтствующій договоръ. Для больныхъ евреевъ было учре-

ждено напротивъ больницы обществомъ «Хевра Кадиша» еврейское отдѣленіе, находящееся въ органической связи съ гор. больницей.

Въ 1890 году была учреждена при городской больницѣ государственная акушерская школа, для которой потомъ въ 1894 году по сосѣдству съ больницей на участкѣ пожертвованномъ городомъ построено было новое двухэтажное зданіе. Директоромъ школы былъ назначенъ директоръ гор. больницы Д-ръ Новакъ. Сначала акушерская школа имѣла общее съ гор. больницей хозяйство, съ теченіемъ времени, однако. превратилась въ совсѣмъ самостоятельное учрежденіе.

Стараніями начальницы (игуменьи) «сестеръ милосердія» Домитиллы Новакъ (по происхожденію — чешки-моравки) была въ 1900 году построена римско-католическая больничная часовня, въ которой, однако, имѣютъ право служить молебны и уніаты.

Въ 1908 году была задумана новая обширная строительная программа, въ рамкахъ которой въ 1911 году за 35.000 кор. былъ построенъ небольшой эпидемическій павильонъ, а въ 1912/13 году построенъ за 300.000 съ лишнимъ коронъ громадный трехэтажный хирургическій павильонъ. Для этой постройки ужанскій комитатъ удѣлилъ субвенцію въ 100.000 коронъ.

Во время Великой войны въ 1916 году была закончена постройка большого трехэтаж-

наго психіатрическаго павильона разсчитаннаго на 260 больныхъ.

Право содержать скотобойню принадлежало первоначально по праву помѣщика казнѣ, которой согласно закону № VI. 1836 г. (§ 6) какъ помѣщицѣ, принадлежала также мясная монополія, отмѣненная только закономъ № LIII. 1871 года (§ 5). Когда была въ Ужгородѣ впервые построена скотобойня, пока еще не установлено. Сначала скотобойня помѣщалась возлѣ мельницы, послѣ перестройки которой перемѣщена была казной за пивоваренный заводъ на правый берегъ канала, приблизительно на то мѣсто, гдѣ нынѣ красуется импозантное зданіе государственной полицейской дирекціи. Городъ только въ 1891/92 году смогъ построить собственную скотобойню, когда ему по Собранецкой улицѣ на правомъ берегу канала удалось купить у казны подходящій участокъ размѣромъ въ 2 морга и 81 кв. саж. Постройка обошлась въ 8699.21 гульденовъ, новое зданіе, однако, скоро оказалось непригоднымъ. Оно служило только для убоя рогатаго скота.

Въ старину рѣка Ужъ развѣтвлялась въ Ужгородѣ на три рукава, образуя такимъ образомъ настоящую дельту. Первый изъ этихъ рукавовъ протекалъ по направленію къ селамъ Дравцы — Баранинцы — Геёвцы, второй по направленію къ селамъ Минай (по древнему Ненай) — Тарновцы, а третій по направленію къ селу Бежовцы. Это подтвержда-

ется также древними грамотами. Такъ наприм. согласно грамотѣ отъ 17 апрѣля 1355 г. у села Тарновцы (на среднемъ рукавѣ) имѣлась плотина (clausura) и мельница molendinum.[1])

Слѣды этихъ рукавовъ видны до сихъ поръ и по нимъ не трудно установить первичныя русла Ужа.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ въ Ужгородѣ часты были наводненія, отъ которыхъ особенно сильно страдали части города расположенныя на низменностяхъ. О болотахъ, окружавшихъ когда-то Ужгородъ, напоминаютъ сохранившіеся до нашихъ дней мѣстныя топографическія названія, какъ «Болотина», «Мочаръ» (районъ ул. Берчени), «Далаго» (нынѣ Галаго) названное такъ, повидимому, Другетами, родомъ итальянцами, («лаго» по итальянски «озеро») и др.

Къ регуляціи рѣки Ужа было приступлено сравнительно рано. Согласно докладу комитатскаго инженера Планцкнера таковая началась уже въ 1684 году, когда графъ Сигизмундъ Другетъ, тогдашній ужгородскій помѣщикъ, направилъ теченіе Ужа по направленію къ селу Йовро-Дермѣ, для каковой цѣли прорыто было тогда искусственное русло. Этимъ нормальный притокъ воды въ первые два рукава былъ прекращенъ, хотя при наводненіяхъ въ теченіе еще добраго столѣтія ихъ русла наполнялись водой.

---

[1]) Anjoukori okmánytár. VI. 1353. No 186.

При большихъ наводненіяхъ рукава эти бывало и разливались, причиняя большіе убытки. Въ 1795 году была выслана даже спеціальная комиссія, которая распорядилась, чтобы занесенный иломъ дравецкій рукавъ во избѣжаніе наводненій былъ расчищенъ.

Въ 1802-мъ году теченіе Ужа было направлено по ровной линіи. Регуляція рѣки продолжалась въ годы 1805, 1806, 1811, 1816, 1818, 1819, 1827, 1830, 1832, 1834 и 1841; всѣ эти работы не носили, однако, планомѣрнаго характера.

Большое наводненіе было въ 1867 году, когда между прочимъ унесена была находившаяся на правомъ берегу рѣки лѣтняя купальня. Больше всего страдала отъ наводненій лѣвобережная часть города, особенно ея прибрежная часть, какъ, напр., Кожевенный рядъ (Vargasor.). — Поэтому первая болѣе основательная регуляція производилась именно на лѣвомъ берегу. Въ 1868 году началъ строить городъ ниже моста, возлѣ Кожевенной набережной, береговую стѣну. Построено было тогда всего около 200 м. каменной стѣны. Для этой цѣли городъ получилъ даже правительственное пособіе, всего окоро 10.000 флор. Въ 1879 г. былъ городомъ укрѣпленъ правый берегъ подъ шоссейнымъ мостомъ. Эти береговыя укрѣпленія, однако, во время наводненія въ августѣ 1893 года были уничтожены, поэтому городъ послѣ того построилъ существующую у моста и понынѣ крѣпкую

стѣну, продолженіе которой было построено еврейской общиной во время постройки синагоги въ 1904 году.

Часть праваго берега ниже моста была построена самими владѣльцами, захватившими набережную и устроившими себѣ тамъ сады. Во время постройки зданія Дѣвичьей школы въ 1912 году былъ передъ нимъ берегъ рѣки облицованъ каменной стѣной. Кромѣ того производились, особенно казной, по мѣрѣ надобности въ разныхъ мѣстахъ, отъ случая къ случаю, работы по укрѣпленію береговъ и строились временныя береговыя сооруженія, отъ которыхъ, однако, не осталось и слѣда.

Въ 1872 году былъ построенъ деревянный желѣзнодорожный мостъ, повліявшій до нѣкоторой степени на теченіе Ужа. Мостъ этотъ былъ въ 1905 году замѣненъ желѣзнымъ.

Отъ наводненія 1893 года сильно пострадалъ шоссейный мостъ, въ то время еще деревянный. Ввиду этого въ годы 1896—1897 былъ казной построенъ новый желѣзный мостъ. Судя по уцѣлѣвшимъ снимкамъ, старый деревянный мостъ былъ расположенъ на нѣсколько метровъ ниже нынѣшняго желѣзнаго. Шоссейный мостъ въ общемъ находился на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ. На этомъ же мѣстѣ обозначенъ мостъ и на картѣ 1800 года.

Въ 1862 году былъ построенъ новый деревянный мостъ, на время постройки котораго былъ въ продолженіи ул. Б. Мостовой и Рошковича построенъ временный мостъ, отъ ко-

тораго остались въ руслѣ еще сваи, на каковыхъ онъ стоялъ.

Съ возвышающихся надъ городомъ послѣднихъ отроговъ Карпатъ беретъ свое начало ручей Кадубецъ (онъ же Кадлубецъ). Первоначально этотъ ручей протекалъ вдоль Петровецкой дороги, черезъ Цыганскій таборъ, далѣе по ул. Фараонской (нынѣ Бачинскаго), потомъ по ул. Другета и Рѣчной (Яроцкой) и у купальни «Квасная Вода» вливался въ мельничный каналъ. Въ прежнее время онъ былъ настолько многоводенъ, что часто причинялъ наводненія, затоплявшія смежныя съ нимъ части города. Во избѣжаніе этого въ 1879 году былъ отведенъ подъ «Лысой Горой» прямо въ Мельничный каналъ и наводненія прекратились. Съ тѣхъ поръ, однако, и гидрографическія условія измѣнились и ручей Кадубецъ часто лѣтомъ даже высыхаетъ. Русло ручья было впослѣдствіи по соображеніямъ общественной гигіены прикрыто, сначала верхняя часть по ул. Бачинскаго и Другета, а въ 1911 году и нижняя часть по ул. Яроцкой (Рѣчной) съ устьемъ у «Квасной Воды» и служитъ нынѣ каналомъ[1]).

Купальня «Квасная Вода» съ цѣлью использованія имѣющейся въ тѣхъ районахъ желѣзисто-углекислой минеральной воды, была построена казной когда-то въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1890 году купальня эта была продана казной частной фирмѣ. Въ

[1]) Fincicky. Polgá m. je. 1912. 117—125.

настоящее лѣчебное заведеніе, однако, такъ и не удалось ее развить.

До 1852 года городъ, повидимому, вовсе не освѣщался. Въ 1852 году (6 января) былъ устроенъ въ Ужгородѣ любительскій спектакль, на чистую прибыль отъ котораго было закуплено для города 12 уличныхъ фонарей. Городская Управа, повидимому, въ то время уже и сама замышляла кое-что предпринять въ этомъ отношеніи, такъ какъ для ночного освѣщенія въ бюджетѣ города на 1852 годъ внесена была сумма въ 400 фл. серебромъ.

Съ теченіемъ времени число керосиновыхъ фонарей или, какъ ихъ называли тогда, канделябровъ возросло на 130 и расходы по освѣщенію города составляли 6.000 коронъ австр. въ годъ.

Первый электро-заводъ въ Ужгородѣ былъ сооруженъ въ Ужгородской мельницѣ, откуда передавался токъ также въ нѣкоторые дома по сосѣдству.

Въ 1893 году городской управой былъ расписанъ конкурсъ на сооруженіе электро-завода и снабженіе города токомъ. Конкурсъ этотъ, однако, не достигъ желаннаго результата, такъ какъ фирма «Электра», съ которой городъ заключилъ относительно электрическаго освѣщенія договоръ, между тѣмъ обанкротилась, оставивъ городу неустойку въ суммѣ 10.000 коронъ.

Ввиду этого дѣло электрическаго освѣщенія немного затянулось и только дня 30 мая

1902 года былъ заключенъ между городомъ и ужгородской мебельной фабрикой Акц. Обществомъ («Ungvári Butorgyár Részvénytársaság») новый договоръ, согласно которому городъ упомянутому обществу удѣлилъ на 40 лѣтъ монополію на освѣщеніе посредствомъ электричества улицъ и площадей города, общественныхъ и частныхъ домовъ, заводовъ и учрежденій. При томъ для своихъ надобностей каждый могъ производить электрическій токъ. Одновременно съ этимъ былъ рѣшенъ также вопросъ объ освѣщеніи улицъ, такъ какъ въ зависимости отъ потребленія тока упомянутое общество обязано было предоставить для этой цѣли извѣстное количество уличныхъ фонарей безплатно. Договоромъ было предписано вырабатывать равномѣрный токъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года новый электро-заводъ былъ уже пущенъ въ ходъ.

Въ первые годы XX столѣтія возникла мысль о постройкѣ городского водопровода. Городской Совѣтъ возбудилъ передъ Министерствомъ Земледѣлія ходатайство объ оказаніи городу въ семъ дѣлѣ поддержки. Министерство отнеслось къ плану сочувственно и даже произвело въ 1904 году при посредствѣ своихъ органовъ предварительныя гидрографическія изслѣдованія, на основаніи которыхъ приступлено было къ пробнымъ буравленіямъ почвы, для каковой цѣли городъ отпустилъ 10.000 коронъ. Пробныя буравле-

нія почвы производились органами Министерства, которое предоставило для этой цѣли также свои инструменты.

На основаніи результатовъ пробныхъ буравленій почвы въ 1906 году начата была постройка пробнаго колодца въ урочищѣ «Кадубецъ». Колодецъ этотъ, однако, оказался непригоднымъ и поэтому городъ не принялъ его отъ подрядчика. Изъ-за этого между городомъ и предпринимателемъ возникъ споръ, а дѣло постройки водопровода попало, такимъ образомъ, въ тупикъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія ужгородское винодѣліе было постигнуто большимъ стихійнымъ бѣдствіемъ. Въ девяностыхъ годахъ появился въ Ужгородѣ опасный вредитель виноградной лозы, называемый «филоксерой», который въ короткое время уничтожилъ всѣ виноградники, состоявшіе изъ старой мадьярской лозы. При помощи государства, предоставившаго пострадавшимъ винодѣламъ безпроцентную ссуду и другія льготы, винодѣліе было быстро возстановлено. Для этой цѣли использована была американская лоза, которой филоксера не наноситъ никакого вреда.

По мѣрѣ развитія города росла и его задолженность, которая въ 1907 году достигла уже цифры 1.531.443.30 кор. Это была по тогдашнимъ условіямъ сумма внушительная, особенно если принять во вниманіе, что въ тѣ времена бюджетъ города равнялся не цѣлымъ 400.000 коронамъ.

По мѣрѣ задолженности города росли и оброки населенія, которое пришлось обложить городскими добавочными налогами. Ставка этихъ налоговъ за время отъ 1890 до 1919 годовъ колебалась между 24½% и 76%-ми прямыхъ государственныхъ налоговъ.

Параллельно съ ростомъ и развитіемъ города постепенно возростала и численность населенія. Въ 1860 году количество населенія Ужгорода равнялось 9.753, въ 1870 году — 11.017, а въ 1880 году — 11.393. Согласно переписи 1891 года имѣлось въ Ужгородѣ на 34 улицахъ 1.308 домовъ, изъ коихъ 83 были двухэтажные, а 2 трехэтажные. Въ то же время количество жителей равнялось 11.808 человѣкамъ. изъ коихъ католиковъ было 3.997, уніатовъ — 3.059, православныхъ — 18, реформатовъ — 836, лютеранъ — 151, евреевъ — 3.735, англиканцевъ — 9 и 1 нейтральный. Въ 1900 году количество населенія достигло числа 14.723. Перепись населенія 1911 года установила въ Ужгородѣ, кромѣ войска, численность котораго опредѣлялась въ 800 человѣкъ, не считая отсутствующихъ, 16.044 жителя

Начало Великой войны лѣтомъ 1914 года встрѣчено было населеніемъ Ужгорода съ величайшимъ энтузіазмомъ, можно сказать даже съ восторгомъ. Опьяненная внушеннымъ ей предчувствіемъ легкой побѣды толпа, ше-

ствуя по городу, неистово кричала «да здравствуетъ война»!

Однако скоро наступило отрезвленіе. Австро-венгерская армія была на поляхъ Восточной Галиціи сразу же разгромлена и безпорядочно отхлынула назадъ въ слывшіе природной крѣпостью Карпаты, заграждая немногочисленные горные проходы. Безконечной вереницей потянулись по долинѣ Ужа бѣженцы, главнымъ образомъ галицкіе евреи, обозы и остатки разгромленныхъ армій.

Жители города скоро услышали глухой гулъ орудійной пальбы, походившій на отдаленные раскаты грома. Эти зловѣщіе раскаты то приближались, то отдалялись, держа населеніе города въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ постоянной тревогѣ и напряженіи. Въ верховьяхъ Ужа шли кровавые бои, слѣды которыхъ до сихъ поръ видны тамъ на каждомъ шагу. Во время карпатскихъ боевъ въ Ужгородѣ находился штабъ арміи генерала Бэмъ-Эрмолли, что вносило въ однообразную жизнь города нѣкоторое оживленіе.

Послѣ катастрофическаго пораженія русскихъ войскъ у Горлицъ, весной 1915 года, вызваннаго недостаткомъ военно-техническаго снаряженія, фронтъ отодвинулся далеко къ россійской границѣ и Ужгородъ опять зажилъ своей прежней сѣрой жизнью провинціальнаго городка.

Тѣмъ временемъ двуединая австро-венгерская монархія, такъ дерзко бросившая вызовъ

судьбѣ, медленно доживала свой вѣкъ. Блестящая Брусиловская офензива лѣтомъ 1916 года окончательно подорвала ея жизненныя силы. Не помогла ей и вспыхнувшая въ началѣ 1917 года русская революція, вслѣдствіе которой русскій народъ наканунѣ побѣды выбылъ изъ строя. Наконецъ наступила роковая осень 1918 года. Австро-Венгрія распалась на свои составныя части. На ея развалинахъ возникъ рядъ самостоятельныхъ государствъ, между ними и Чехословацкая республика, которая по мѣрѣ роста своихъ силъ, постепенно передвигала свои границы на востокъ.

Въ Будапештѣ власть перешла въ руки революціоннаго правительства съ графомъ Мухаиломъ Кароли во главѣ. Однако въ провинціи, гдѣ мѣстные органы власти были замѣнены также революціонными, царило въ сущности безвластіе, быстро переходившее въ анархію. Въ Ужгородѣ образовался, въ качествѣ высшаго органа мѣстной и областной власти, такъ наз. Національный Совѣтъ (Nemzeti Tanács), во главѣ со старостой города, Степаномъ Берзевици.

Положеніе этой власти среди всеобщаго хаоса и смятенія было не легкое. Войска разбѣжались. Порядокъ поддерживался «Національной Стражей» (Nemzetőrség), набранной изъ сведенныхъ въ одну роту оставшихся солдатъ 11-го гонведскаго пѣхотнаго полка. Подобная стража образовалась также при кадрѣ

бывшаго 66-го общаго австро-венгерскаго пѣхотнаго полка.

Это было все, на что власть могла опираться. При наличіи такихъ силъ пошатнувшійся общественный порядокъ поддерживался съ трудомъ. Нахлынули возвращавшіеся съ фронта солдаты, образуя разбойничьи шайки. Вооруженное населеніе окрестныхъ селъ неоднократно осаждало находившіеся «на Флудру» (у лѣсопилки) военные склады. По ночамъ шла безпорядочная пальба изъ винтовокъ и пулеметовъ.

Населеніе города въ цѣляхъ самозащиты организовало изъ своей среды гражданскую милицію (Polgárőrség). Однако это была ненадежная и до извѣстной степени даже потѣшная организація. Въ нее вошли преимущественно элементы, которые все время уклонялись отъ воинской повинности, и только когда война уже кончилась, почувствовали они вдругъ непреодолимое влеченіе къ винтовкѣ...

Такъ продолжалось два съ половиной мѣсяца, полныхъ тревогъ и сомнѣній. Тѣмъ временемъ чехословацкое войско постепенно занимало Восточную Словакію.

Въ началѣ января 1919 года чехословацкія военныя власти потребовали передачи Ужгорода. Оставшіеся еще въ городѣ войска во избѣжаніе осложненій ушли по направленію къ Чопу.

Передача города была назачена на 12 ян-

варя. Мѣстныя власти во главѣ со старостой выѣхали навстрѣчу приближавшимся чехословацкимъ войскамъ, и передъ мѣстечкомъ Собранцами передали имъ символически ключи города. Послѣ этой церемоніи чехословацкія войска, въ составѣ 31-го пѣхотнаго полка, артиллеріи и техническихъ частей, итальянскихъ легіонеровъ, во главѣ съ итальянскимъ полковникомъ Чаффи (Ciaffy) и полковымъ врачемъ Д-ромъ Іосифомъ Новзковъ, вошли въ 3 часа пополудни, по улицѣ Собранецкой походнымъ порядкомъ въ городъ, занявъ безъ малѣйшаго сопротивленія древнюю столицу князя Лаборца.

Стоялъ хмурый январскій день. Въ его сумеркахъ безповоротно кануло въ вѣчность цѣлое тысячелѣтіе...

Конецъ.

A 165366